

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Варфоломеев Ю.В. «Прокаженная дворцовая камарилья»: исследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией
Временного правительства 3

Сидорова Н.И. Человек в представлении А.Ф. Лабзина: этический аспект
Рабинович Я.Н. Личности Смутного времени: 15

Федор Тимофеевич Черново-Оболенский 22

Луконин Д.Е. «Каждую русскую нотку ценить на вес золота...»: страницы спора
о книге Н. Я. Данилевского 31

Степанов Ю.Г. «Безочарованный скептик» (власть и общество в политической
концепции К.П. Победоносцева) 36

Степанова А.В. Ссылный адвокат А.И. Урусов 42

Белов К.В. Обзор «Дневника» военного министра Дмитрия Алексеевича Милютин.
1878–1882 годы 48

Адамова Л.Г. Основные этапы становления и модернизации пожарной службы
в системе городского управления XVIII – XIX вв. (по материалам г. Саратова) 54

Калинина О.С. Некоторые правонарушения в повседневной жизни
немецкого населения Саратовского Правобережья и борьба с ними (1768–1917 годы) 56

Всеобщая история

Ланник Л.В. Эрих фон Фалькенгайн: черты биографии 59

Чернова Л.Н. Семейная компания Ишем в деловом мире Лондона
второй половины XVI века 68

Галямичев А.Н. Образ гуситской эпохи в сатирической повести С. Чеха
«Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие» 74

Бородавкина Н.В. Роль публичных школ в общественно-политической жизни
викторианской Англии: Итон 77

Леус В.А. Сципион Африканский и титул *Imperator* в политической системе
Римской республики 82

Феллер В.В. Возвышенный опыт Ф. Анкерсмита как новое основание
философской антропологии 85

История и современные проблемы международных отношений

Кочуков С.А. Рушукский отряд в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов
(по воспоминаниям генерала А.И. Косича) 88

Кузнецова А.А. Противоречивый характер деятельности транснациональных
корпораций (в контексте их влияния на принимающие страны) 93

Шенин С.Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России:
случай «другой анатомии» 99

Приложения

Хроника 108

Сведения об авторах 111

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич

Белов Владимир Николаевич

Бучко Ирина Юрьевна

Вениг Сергей Борисович

Волкова Елена Николаевна

Голуб Юрий Григорьевич

Данилов Виктор Николаевич

Дыльников Геннадий Васильевич

Захаров Андрей Михайлович

Зимняков Дмитрий Александрович

Кабанин Вячеслав Кузьмич

Комкова Галина Николаевна

Лебедева Ирина Владимировна

Левин Юрий Иванович

Монахов Сергей Юрьевич

Прозоров Валерий Владимирович

Прохоров Дмитрий Валентинович

Смирнов Анатолий Константинович

Федотова Ольга Васильевна

Федорова Антонина Гавриловна

Чумаченко Алексей Николаевич

Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна

Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Великая Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич

Креленко Наталия Станиславовна

Мезин Сергей Алексеевич

Монахов Сергей Юрьевич

Черевичко Татьяна Викторовна

Чолахян Вацаган Альбертович

Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской

Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств

массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.05.10.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,25 (14,25).

Уч.-изд. л. 13,9.

Тираж 500 экз. Заказ 56.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2010

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Varfolomeev Yu. V.** «Leprous Court Camarilla»: Investigation of Activity of «Dark Forces» of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government 3
- Sidorova N.I.** A.F. Labzin's Conceptualization of a Man: Ethical Aspect 15
- Rabinovich Y.N.** Personalities of the Time of Troubles: Feodor Timofeevich Chernovo-Obolensky 22
- Lukonin D.E.** «Kazhduju Russkuju Notku Tsenit' na Ves Zolota...»: the Pages of Dispute on Book N. Danilevsky 31
- Stepanov Yu.G.** The Sceptic without Illusions (Society and Power in Pobedonoscev's Political Concept) 36
- Stepanova A.V.** The Lawyer in the Reference A.I.Urusov 42
- Belov K.V.** Review of the Diary of Minister of War D.A. Miliutin. 1878–1882 48
- Adamova L.G.** Legal Aspect of the Organization of Fire Service in System of a Municipal Government XVIII–XIX centuries (on Materials of City of Saratov) 54
- Kalinina O.S.** Some Delinquencies in the Daily Life of the German Population of the Saratov Right-Bank Volga Region and Struggle with Them (1768–1917) 56

World History

- Lannik L.B.** Erich von Falkenhayn: Features of the Biography. 59
- Chernova L.N.** The Ishams' Family Corporation in London's Business World in the Second Half of the XVI Century 68
- Galyamichev A.N.** The Image of Hussite's Epoch in Satirical Story by S. Czech «New Journey by Mister Brouchek in XV Century» 74
- Borodavkina N.V.** The Role of Public Schools in Social and Political Life of Victorian England: Eton College 77
- Leus V.A.** Scipio Africanus and the Title *imperator* in Politics of the Roman Republic 82
- Feller V.V.** The Ankersmit's Sublime Experience as a New Basis of Philosophic Anthropology 85

International Relations and Foreign Policy

- Kochukov S.A.** Rushchuksky Group in Russian-Turkish war 1877–1878 (on Memoirs of General A.I. Kosicha) 88
- Kuznetsova A.A.** The Conflicting Nature of TNCs (in the Context of their Impact on Host Country) 93
- Shenin S.Yu.** Jeffrey Sachs and American Aid to Post-Soviet Russia: the Case of «Different Anatomy» 99

Appendices

- Chronicle** 108

- Information about the Authors** 112

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083

«ПРОКАЖЕННАЯ ДВОРЦОВАЯ КАМАРИЛЬЯ»: РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТЕМНЫХ СИЛ» ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния камарильи на внутреннюю и внешнюю политику последнего русского императора. На основе анализа материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и других источников в статье дается оценка роли и значения камарильи в принятии политических решений Николаем II. В статье делается вывод о том, что камарилья, так называемые «темные силы», наряду с другими негативными факторами сыграли роковую роль в судьбе страны.

Ключевые слова: камарилья, «темные силы», монархия, Николай II, Чрезвычайная следственная комиссия.

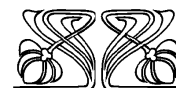
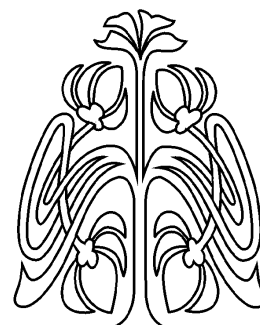
«Leprous Court Camarilla»: Investigation of Activity of «Dark Forces» of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government

Yu. V. Varfolomeev

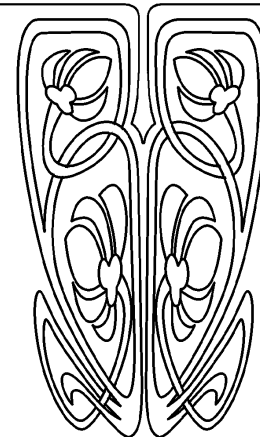
The paper addresses the problem of the influence of the camarilla of internal and external policies of the last Russian emperor. Based on the analysis of materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government, and other sources in the article assesses the role and importance of the camarilla in policy decisions Nicholas II. The article concludes that the camarilla, the so-called «dark forces», along with other negative factors, have played a fateful role in the fate of the country.
Key words: camarilla, «dark forces», a monarchy, Nicholas II, Extraordinary Commission of Inquiry.

Впервые выражение «темные силы» для обозначения легиона политических авантюристов или, как их чаще всего называли, «проходимцев с чудовищным Распутиным во главе...»¹ появилось в 1915 г. в подцензурной печати². Под весьма символичным номером «13» в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК) работала следственная часть, которая расследовала деятельность «темных сил». Этому отделу ЧСК было присвоено официальное наименование «Обследование деятельности темных сил»³, а возглавил его В.М. Руднев⁴. Видными представителями «темных сил», наряду с Г.Е. Распутиным, комиссией были признаны фрейлина императрицы А.А. Вырубова, кн. М.М. Андронников, И.Ф. Манасевич-Мануйлов, П.А. Бадмаев, дворцовый комендант В.Н. Воейков, генерал-историограф Д.Н. Дубенский, О.Н. Лохтина и др. Большинство представителей «темных сил», которым народная молва приписывала обвинение в государственной измене и шпионаже, входило в ближайшее окружение, или придворную камарилью императора. Само понятие «темные силы», использованное для криминальной идентификации этой категории, отнюдь не правовое, а скорее публицистическое или политологическое.

Лидер кадетов П.Н. Милюков во время допроса в ЧСК представил классификацию этой группы, разделив их на три категории. «Во-первых, двор и ближайшая обстановка двора. Это один элемент, – считал он. – Затем есть реакционное дворянство около “совета объединен-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ного дворянства”, и, наконец, есть организации, которые являлись орудием этих других сил, т.е. двора и реакционного дворянства. Так что, собственно, тут три элемента можно проследить»⁵. Член Государственной думы, лидер октябристов А.И. Гучков в своих показаниях ЧСК изложил также трехчленную схему классификации реакционных сил, или, как он их назвал, «три гнезда»: 1) придворные сферы – камарилья; 2) группа высших бюрократов, которые объединились в виде правого крыла в Государственном совете; 3) так называемое объединенное дворянство⁶. При некотором различии предложенных схем и в той и в другой видные российские политики выделяли: во-первых, «двор и ближайшую обстановку двора», «придворные сферы», или, одним словом, камарилью, и, во-вторых, реакционные элементы «совета объединенного дворянства». Как видим, камарилья, в обоих случаях занимала в политическом раскладе безответственных, реакционных сил ведущее место.

Ученые и политики расходятся в определении понятия «камарилья»⁷. Охарактеризовав камарилью «как общественную плесень и ржавчину», а ее представителей как «мастодонтов и ихтиозавров», В.И. Ленин утверждал: «Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство – кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи»⁸. Кроме того, вождь большевиков обозначил камарилью как политический институт, являющийся органической частью абсолютизма и выражающий его самые реакционные черты, как неофициальное правительство, стремящееся диктовать свою волю правительству официальному, управляющему страной на основании закона. «Дело в том, – писал он, – что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существуют собственно два правительства: одно официальное – кабинет министров, другое закулисное – придворная камарилья»⁹.

«Однако, – резонно возражает И.В. Лукоянов, – в состав этого “второго правительства” исследователи почему-то включали в первую очередь представителей “первого”: В.Б. Фредерикса (министра императорского двора), А.С. Танеева (главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией – должностной, приравненной к министерской), В.Н. Орлова (начальника военно-походной канцелярии Николая II до 27 августа 1915 г. – также уровень министра)»¹⁰. Квалифицировать камарилью, как второе «закулисное», «неофициальное» правительство согласно ленинской формулировке нельзя и с правовой точки зрения, так как политический строй абсолютной монархии предполагает легитимное

присутствие в иерархии власти и великих князей, как представителей царствующей фамилии, и различных должностных лиц царского двора, осуществляющих свои государственные полномочия вполне официально и публично.

В ходе конфронтации «Прогрессивного блока» и царизма в противовес либерально-демократическим силам утвердилась, как считал А.Я. Аврех, «четырёхчленная схема» или, точнее, сложился могущественный четырехугольник: Распутин – Вырубова – царица – царь. Эту формулу Н. Врангель выразил следующим образом: «Государством правила его (Николая II. – *Ю.В.*) жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушался»¹¹. Согласно этой схеме в наиболее упрощенном виде представлялось, что советы Распутина, которым безоговорочно следовала царская чета, и погубили монархию. «Иначе говоря, будь в то время другой царь или, что равнозначно, обладай волей и характером, ход российской истории и судьба монархии были бы иными»¹², – расшифровывал эту схему Аврех, хотя сам и не соглашался с этим выводом. В то же время «...разобраться в сложных и разнообразных причинах разрушения русской государственности без выяснения основных свойств Николая и его супруги невозможно, – считал товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко. – Участие в государственной жизни России и влияние на ход событий не только царя, но и покойной царицы слишком для этого значительны; они должны быть признаны едва ли не решающими»¹³.

Период формирования камарильи при царском дворе последнего российского императора И.В. Лукоянов относит к 1898–1903 гг. «Участие подобных личностей в политике самодержавного государства – верный индикатор болезни власти, кризиса системы управления, – отмечает он. – Однако процесс формирования и усиления камарильи в это время не был необратимым. Свидетельство тому премьерство П.А. Столыпина, когда атмосфера в верхах стала чище. Всякого рода проходимцам путь на вершину исполнительной власти был в основном перекрыт. Столыпин не реагировал на обращения “людей ниоткуда”, и в этом отношении показательна злоба на него М.М. Андроникова»¹⁴.

Среди историков нет единства в оценке влияния камарильи. Судя по всему, Аврех не делал никакого различия между камарильей и олигархией¹⁵, и «не сумев найти точное определение камарильи, он, – по мнению Лукоянова, – не склонен был преувеличивать ее значение, отмечая, что возможности камарильи в основном не простирались далее кадровых назначений»¹⁶. Г.З. Иоффе охарактеризовал камарилью как группу лиц, подобранных к трону и искавших, прежде всего, корыстной выгоды, но неспособных проводить какую-либо осознанную и разработанную политику¹⁷. «Камарилья, – предлагает свою трактовку этого понятия Лукоянов, – это, прежде

всего, не предусмотренная законодательством система принятия и реализации важных политических решений, за которой стоят безответственные (то есть не занимающие ключевых постов в административном аппарате) и некомпетентные лица, получившие доступ к царю или крупнейшим сановникам. Личный характер влияния этих людей дает им возможность действовать без контроля бюрократии. Иначе говоря, камарилья – это неофициальные влияния безответственных “людей ниоткуда”, парализующие обычную деятельность управленческого аппарата»¹⁸.

Аврех считал, что главная цель камарильи заключалась «...в сохранении существующего режима – источника ее благополучия. Однако разложение царизма зашло в последние годы его существования так далеко, изоляция камарильи от подлинной жизни страны и ее проблем была столь необратимой, что лишь небольшая часть придворных кругов, движимая инстинктом самосохранения, считала необходимым задуматься о судьбах режима и как-то вмешаться в политику царя. Людей, оказывавших сколько-нибудь серьезное политическое влияние на Николая II, было очень мало»¹⁹, и ссылался при этом на свидетельства протопресвитера русской армии Г.И. Шавельского, который, описывая окружение царя в Ставке, констатировал: «свита – люди “благонамеренные”, в большей или меньшей степени ему преданные, но у лучших из них недоставало мужества говорить правду и почти у всех – государственного опыта, знаний, мудрости, чтобы самим разобраться в происходящем и предостеречь государя от неверных шагов»²⁰.

В своих воспоминаниях Г.И. Шавельский оставил меткие и подробные характеристики сановников из ближайшей свиты Николая II, «...с которой он проводил большую часть дня»²¹. Эти люди по определению входили в камарилью и, следовательно, могли играть какую-то политическую роль в стране и влиять на императора. Дворцовый комендант В.Н. Воейков, по мнению священника, был самым ловким из царского окружения, но имел дурную привычку расценивать события легковесно – «грозные тучи принимать за маленькое облачко», хотя и был, на его взгляд, самым искусным в обхаживании царя. По части парада или коммерции перворазрядный делец, в делах государственных он «был недалек и легкомыслен», а самый умный – царский лейб-медик профессор С.П. Федоров, но его девиз – «моя хата с краю». Флаг-адмирал К.Д. Ниллов открыто высказывал свою вражду к Распутину, но несмотря на это, отношение царя к нему (в отличие от царя) оставалось по-прежнему доброжелательным. Ниллов был человеком со странностями и путанным языком, отмечал Шавельский, к тому же горький пьяница. Гофмаршал В.А. Долгоруков «слишком прост умом», чтобы пользоваться каким-то влиянием. Комендант конвоя граф Л.Н. Граббе выглядел весьма колоритно: «заплывшее жиром

лицо, маленькие, хитрые и сладострастные глаза». Еда, вино, женщины, чтение скабрёзных романов – единственное, что его интересовало. Любимый партнер царя для игры в кости. Для того чтобы быть советчиком, у него не хватало ни ума, ни опыта, ни интереса к государственным делам. «Начальник походной канцелярии, флигель-адъютант полковник Нарышкин всегда молчал». Граф С.Д. Шереметьев не шел дальше формального исполнения обязанностей дежурного флигель-адъютанта. Генерал К.К. Максимович «на редкость бесцветный». «Красавец» Н.П. Саблин в ставке держался скромно, но Ниллов и Федоров «неоднократно» предупреждали протопресвитера, чтобы он с ним был поосторожнее – распутинаец. Мордвинов, скромный, застенчивый, мягкий человек, по мнению Шавельского, не играл никакой роли²².

Только три человека из окружения царя, заключал наблюдательный священник, выгодно отличались от остальных: начальник военно-походной канцелярии В.Н. Орлов (до Нарышкина), его помощник флигель-адъютант А.А. Дрентельн и капитан I ранга К.А. Ден, помощник Нарышкина. Но первые два, долго близкие к царю, попали в опалу и были удалены из ставки за открыто антираспутинскую позицию²³. Третий с трудом передвигался, поэтому в ставке бывал редко, однако его жена – Юлия Александровна (Лили) – до самого конца оставалась одной из многих близких подруг императрицы Александры Федоровны.

Не больше влияния, чем свита, имели и великие князья, находившиеся в ставке. Царя они очень боялись и в решительный момент прятались за спины других²⁴, – вспоминал Шавельский, и в доказательство малозначительности и никчемности великих князей приводил мнение о них герцога Лейхтенбергского: «Владимировичи – шалопаи и кутилы; Михайловичи – стяжатели, Константиновичи – в большинстве какие-то несуразные. Все они обманывают государя и прокуцывают российское добро». В примечании Шавельский уточнял: «Я сильно смягчаю фактические выражения герцога»²⁵. Принимая все это во внимание, Аврех предполагал, что если бы великие князья были «...действительными политическими фигурами, пользующимися авторитетом и весом в определенных политических кругах, обладай они способностью сколько-нибудь широко мыслить и действовать, стать в критическую для строя минуту выше собственных шкурных интересов – одним словом, не будь они мелкой, ничтожной, паразитарной, выродившейся кучкой, царь просто не смог бы не посчитаться с их мнением и требованиями»²⁶. Между тем Г.И. Шавельский признавал, что «Была лишь одна область, где свита была всемогуща – это приемы, приглашения на царские завтраки и обеды. Иногда, действуя хитро, она оказывала влияние и на большие назначения. Смена Поливанова Шуваевым была произведена

по проискам свиты, особенно Нилова и Федорова, не симпатизировавших Поливанову. Рейн также был назначен под давлением Федорова»²⁷.

Наблюдения о царской свите протопресвитера Г.И. Шавельского созвучны впечатлениям начальника канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолова. «Только с министрами, на докладах, царь говорил серьезно о делах, их касающихся, – вспоминал генерал. – Со всеми другими, с членами императорской фамилии, с приближенными государь тщательно старался избегать ответственных разговоров, которые могли бы его вынудить высказать свое отношение по тому или иному предмету»²⁸. Влияние на царя великих князей, по его мнению, было крайне ничтожным, а влияние непосредственного окружения «всегда преувеличивали». Окружение царя в ставке «производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, больше всего думавшие о собственном интересе, – делал вывод Мосолов. – Ни один из них не мог быть полезным и беспристрастным союзником царя». Своеобразным кредо ближайшего окружения царя, по мнению генерала, был девиз: «главное не вмешиваться в политическую деятельность», знать только свой шесток, а к числу честных и умных он относил только В.Н. Орлова, который «один из всей свиты был политически зрелым человеком», и А.А. Дрентельна, «умного, честного человека, широко культурного и с большим характером»²⁹.

Таким образом, в царской свите выделялось всего несколько человек, которые в той или иной степени оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Это министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс, фрейлина императрицы А.А. Вырубова, дворцовый комендант В.Н. Воейков и генерал-историограф Д.Н. Дубенский. Наряду с ними, на основе материалов следственных дел, ЧСК причислила к когорте «темных сил» придворных кругов, или камарилье, ее фактического главаря – Г.Е. Распутина, кн. М.М. Андронникова, И.Ф. Манасевич-Мануйлова, доктора тибетской медицины П.А. Бадмаева, О.К. Лохтину и др. Но не только этими персонами ограничился интерес ЧСК по криминальному сюжету «темные силы». Круг лиц, так или иначе связанных с Распутиным, в итоге оказался довольно обширным и социально разношерстным. «Есть еще в этом списке (40 фамилий, связанных с именем Распутина) крайне интересные для меня имена»³⁰, – подчеркнул секретарь Комиссии А.А. Блок.

В то же время влияние камарилье было бы невозможно без опоры на так называемый «третий элемент» реакционных, безответственных сил, который определил П.Н. Миллюков. К третьему элементу он относил организации, которые, по его мнению, являлись орудием «темных» сил придворных кругов. «Наиболее доступным для наблюдения, конечно, был третий элемент,

– считал П.Н. Миллюков, – все эти организации, со всеми подходами против Думы, с этими крикливыми речами, субсидируемыми газетами и т.д. Это все легко подвергается наблюдению. Несколько труднее можно было наблюдать конспиративную сторону этих союзов и дружин, с их террористическими попытками. Но это тоже более или менее прошло перед нашими глазами, потому что ряд покушений, ряд убийств, вызывал запросы в Государственной думе, наши обвинения к союзу русского народа, его вождям»³¹. Материалы судебных процессов, несмотря на попытки властей их не афишировать, давали обществу неопровержимые свидетельства об участии черносотенных сил в убийстве депутатов Государственной думы: М.Я. Герценштейна (1906 г.) и Г.Б. Иоллоса (1907 г.). «Так что по всему этому можно раскрывать первичные формы, которые имела деятельность темных сил в ту пору, – резюмировал Миллюков, – когда данные народу уступки казались такими еще недавними, свежими, и, казалось, что можно их взять назад. Словом, эта борьба времени первых двух Дум шла остро, там терроризм практиковался самым решительным образом»³². В подтверждение своих слов лидер кадетов указывал на то, что и он, будучи депутатом первых двух Дум, являлся объектом «довольно систематического преследования» со стороны черносотенцев, направляемых «темными» силами. Однако после того как цель была достигнута – «положение 3 июня издано, подобрана Дума, социальный состав которой вполне соответствует желанию правительства, с которым правительство может идти, тогда мы видим новый фазис – террористическая деятельность отмирает»³³, – делал не совсем корректный вывод Миллюков, забывая о том, что «черносотенный» террор был своеобразной ответной реакцией на революционный террор. Причем количество жертв эсеровских экстремистов во много раз превосходило число жертв черносотенцев, и число боевиков, казненных по приговорам военно-полевых судов вместе взятых.

Рассуждая подобным образом и пытаясь определить связь «темных» сил с черносотенным террором, Миллюков утверждал: «только в исключительных случаях мы находили ниточки, которые шли дальше и выше, но обыкновенно круг замыкался мелкими людьми, и мелкие люди попадали в процессы, даже не средние инспираторы, как Дубровин, – его трудно было вытащить, – а тот, кто выше, совсем скрывался во тьме. После того, как победа достигнута, социальные элементы представительства заменены в желательном смысле, происходит некоторое отмирание в террористической деятельности. В ней не признаются, ее отрицают. Самое большее, что делают, это прикрывают прежних виновников, дают средства скрыться, жить где-нибудь на окраинах России, не попадаясь в руки юстиции. Так что эта деятельность ликвидируется»³⁴, – резюмировал он.

В качестве другого вида деятельности реакционных проправительственных политических организаций Милюков называл «оппозиционную борьбу в парламентских формах». «Они получают большой приход материальных средств во времена выборов, когда у правительства появляется надежда спровоцировать выборы при их помощи, — отмечал он. — Поэтому, действительно, ко времени выборов приурочивается и расцвет их деятельности. Но после неудач перед выборами в 4-ю Думу и этот момент отпадает»³⁵. С этого момента у этих сил остается, по его мнению, последняя форма деятельности — правительственная печать, которая «... в широких размерах субсидировалась впервые при Столыпине Гурляндом, — так называемая кнопка, на которую надо нажать, чтобы вырвать кадетское жало. Это выражение Столыпинской газеты, — уточнял П.Н. Милюков. — Она повела к созданию целой сети таких изданий во всяком большом губернском центре, которые назывались местными именами губернии или окраины. По этому признаку их довольно легко узнавать. Тут создалась целая компания наемных журналистов. Газеты обыкновенно мало читались, почти всегда едва-едва прозябали, но деньги на них систематически тратились до самого последнего времени»³⁶. При этом лидер кадетов отмечал, что оживление подобной деятельности пришлось на конец 1915 г., когда немного увеличиваются субсидии на два официозных издания — «Земщину» и «Голос Руси». «Таким образом, — приходил к выводу Милюков, — эти организации переживают период расцвета, достигают результатов, затем понемногу чахнут, превращаются или в систематические организации правительственной печати или в субсидируемые органы дворянства и правых партий правительства»³⁷. Вместе с тем Милюков считал, что на какой-то период времени террористическая деятельность черносотенных организаций приостанавливалась, но в годы войны она вновь возобновилась. «Дубровин получает какую-то новую, довольно значительную ассигновку, и эти средства направляются на оживление его деятельности, — уточнял лидер кадетов. — Эпизод со мной — наем Гуцуло — это, по-видимому, один из эпизодов возрождающейся террористической деятельности»³⁸.

Большинство представителей «темных сил», которым народная молва приписывала обвинение в государственной измене и шпионаже, действительно входило в придворное окружение императора, или так называемую камарилью, но по своему статусу они не были должностными лицами, а В.Н. Воейков, хотя и был должностным лицом, но не высшим. Таким образом, хотя разработка этой группы деятелей и не вписывалась строго в рамки статей «Положения» о расследовании преступлений должностных лиц «первых трех классов», тем не менее актуальность и необходимость их разоблачения ни у кого не вызывала сомнений. В связи с этим в ЧСК был образован специальный

отдел, которому поручалось «всестороннее обследование деятельности лиц, безответственно влиявших на действия бывшего правительства», т.е. лиц, не подпадавших под действие «Положения» и получивших название «темные силы»³⁹. Этому направлению (отделу) было присвоено наименование «Обследование деятельности темных сил»⁴⁰, а возглавил его самый талантливый, по мнению Блока⁴¹, следователь В. М. Руднев, который «...получил специальное поручение обследовать источник “безответственных” влияний при Дворе...»⁴². В соответствии с задачами, возложенными на отдел, ЧСК на очередном из своих заседаний постановила «в первую очередь допросить: Воейкова, Танеева, Фредерикса, Хабалова, Протопопова, Штюрмера, Щегловитова, Спиридовича, Климовича, Хвостова, Белецкого, Манасевича-Мануйлова, Бурцева, Горемыкина, Голицына, Андронникова Мих.[аила]»⁴³.

При обсуждении программы расследования деятельности «темных сил», доложенной Рудневым, Муравьев «высказал мысль, что в политике партии двора политическая идея была лишь ширмой для устройств личных дел»⁴⁴, и здесь же предостерег «от преуменьшения значения и влияния при дворе Воейкова, Вырубовой и Г. Распутина» и «предложил дополнить эту программу обследованием деятельности Штюрмера по внедрению шпионажа и идеи сепаратного мира, а также его предположений о выезде после получения отставки за границу»⁴⁵. Но допросы Б. В. Штюрмера не подтвердили «шпионскую» версию и показали, что бывшего царского министра можно обвинить в чем угодно, даже в воровстве, но только не в шпионаже⁴⁶. Вместе с тем А. Я. Аврех справедливо отметил, что «...изобличать “распутинство” и деятельность “темных сил” при дворе можно было только в одном направлении — путем показа всевозможных перекрещивающихся влияний, крайнего падения нравов, разложения, ничтожества и т. п.»⁴⁷.

Следователю В.М. Рудневу как руководителю отдела были предоставлены широкие полномочия. В ходе дознания следственная бригада произвела большое количество выемок документов, осмотров, а также допросили массу свидетелей. «В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, — вспоминал он, — относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики»⁴⁸, следователями были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, личная переписка Государя, Императрицы, некоторых великих князей и других высокопоставленных особ. Кроме того, к делу была приобщена также переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С.С. Игнатьевой, «доктора» П.А. Бадмаева, В. И. Воейкова и других лиц, подпадавших под категорию «темные силы».

Правда, часть документов личного происхождения и, возможно, как раз наиболее ценные по содержанию, были уничтожены их владельцами еще до начала работы ЧСК. Как только сгустились тучи над царской четой, они стали сжигать бумаги в печах и каминах Александровского дворца. Об этой работе откровенно поведал сам император: «приводил в порядок и жег бумаги», – записал он в дневнике 10 марта 1917 г. и на следующий день о том же, – «продолжал сжигать письма и бумаги»⁴⁹. Очевидно, еще больше преуспела в этом деле его супруга. По свидетельству ее ближайшего окружения, она сожгла почти 70 кг «макулатуры», в том числе около 500 писем от иностранных адресатов. «С помощью дорогой Ани (А.А. Вырубовой. – Ю.В.), – вспоминал один из придворных, – Александра посвятила себя задаче критической важности – она принялась сжигать всю свою личную переписку, все письма Распутина, все тетради своих дневников. Более десяти ящиков ценнейших документов, которые, несомненно, могли бы пролить свет на отношения императрицы с ее “кликлой”, в ту ночь превратились в дым»⁵⁰. «Дорогая Аня» попутно сжигала и свои бумаги. Процесс этот занял довольно много времени и не остался незамеченным. Коллега Вырубовой фрейлина Лили Ден даже подшучивала над ней, так как любимица императрицы ходила по дворцу «почерневшая от каминной гари, как истопница», за что и получила от острой на слово фрейлины прозвище «мадам Печная Вьюшка»⁵¹.

В связи с утратой этих документов, конечно, образовалась невосполнимая лакуна в источниковой базе данных о последних годах царствования. Отсутствие этих документов помешало ЧСК максимально приблизиться к выяснению различных вопросов, стоявших перед следствием, а это, думается, повлияло и на объективность некоторых выводов. На исчезновение важных документов обратил внимание и Н. К. Муравьев: «При производстве Чрезвычайной Следственной Комиссией расследования о неправильных действиях б.[ывших] Министров и других высших должностных лиц обнаружилось, – констатировал он, – что ряд документов, касающихся вопросов высшего Государственного Управления за последние годы не оказывается в соответствующих ведомствах и находится неизвестно где»⁵².

Но Комиссия постоянно предпринимала шаги по отысканию и приобщению к материалам следствия документов, содержащих информацию о государственном управлении последних лет царствования. Так, 3 августа 1917 г. председатель ЧСК Н.К. Муравьев направил запрос комиссару Временного правительства над бывшим министерством Двора Ф.А. Головину, в котором отмечал, что часть важных документов была «... комендантом Царскосельского Александровского Дворца, полковником Коровиченко обнаружена в июле с.[его] г.[ода] в помещении означенного дворца и препровождена в Чрезвычайную Следственную

Комиссию, и что посему представляется достаточно вероятным предположение, что и недостающие документы могли сохраниться в дворцовых помещениях Царского Села»⁵³. На основании этого Муравьев просил комиссара Головина «выяснить, не сохранилось ли в помещениях Дворцового ведомства каких-либо письменных материалов, касающихся вопросов Государственного управления, и в утвердительном случае препроводить эти материалы в распоряжении Чрезвычайной Следственной Комиссии»⁵⁴. Ответ Головина оказался неутешительным: «... ни в делах Царскосельского дворцового Управления, ни в делах б.[ывшего] Управления Дворцового коменданта подобных материалов не имеется»⁵⁵. Как видно, «печная цензура» поглотила и эти документы.

Что же касается Вырубовой, то необходимо внести некоторые уточнения в сложившееся представление о ней как о глупой, ни в чем серьезном не разбирающейся женщине, роль которой ограничивалась только тем, что она была простым посредником между Распутиным и царской четой. Да, действительно, по своей образованности она была недалёкой, но имела очень богатый опыт придворных интриг и хорошо разбиралась в тайных пружинах царского двора. «Чтобы удержаться в фаворе у их величеств в течение двенадцати лет, – справедливо отмечал А.И. Спиридович, – удержаться под напором всеобщей ненависти и временами среди чисто женских недоразумений на почве ревности, надо было иметь что-либо в голове»⁵⁶. То же самое подметил и В.И. Гурко. Отношение Вырубовой к царице, отмечал он, «отличалось чрезвычайной хитростью», которая заменяла ей ум и политическую осведомленность. В качестве основного орудия она избрала демонстрацию безграничной преданности, особенно к царю, по отношению к которому «прикидывалась влюбленной». Сразу же при появлении при дворе она «прикинулась необычайно простодушной»⁵⁷.

Понимая опасность «простодушно-влюбленного» влияния распутинской креатуры на августейшую чету, честный и еще более простодушный священник Г.И. Шавельский, почти в отчаянии, попытался добиться аудиенции у царицы и «открыть» ей глаза, но, получив отказ, решил сам наставить Вырубову на путь истинный. «Ничего Вы не знаете. Ничего не понимаете, – назидательно услышал он от нее в ответ. – Ваша ставка с ума сходит! Раньше Алексеев запугивал государя, теперь Воейков теряет голову, Вы тоже... Великие князья – и те потеряли голову». Вот уж действительно: с большой головы – на здоровую. «Особенно удивило меня в разговоре то, – констатировал Г.И. Шавельский, – что Вырубова постоянно выражалась во множественном числе, не отделяя себя от царя и царицы, точно она была соправительницей их. Из беседы с Вырубовой я вынес прочное убеждение, что там закрыли глаза, закусил удила и твердо решили, слушаясь только той убаюкивающей их стороны, безудержно не-

стись вперед»⁵⁸, – к пропасти – следует только добавить к верному выводу Шавельского. Утешая отчаявшегося протопресвитера, А.Н. Граббе говорил ему: «Теперь Вы убедились, что мы значим?.. С нами кушают, гуляют, шутят, но о серьезных вещах с нами не говорят, а уж вопросов государственных никогда не касаются». А сам заговоришь о них – либо не будут слушать, либо оборвут вопросом о погоде. «Для дел серьезных есть другие советники: Гришка, Аннушка – вот им во всем верят, их слушают, с ними считаются»⁵⁹. Таким образом, именно «другие советники: Гришка, Аннушка» стали ключевыми фигурами камарильи, предопределив ее облик и содержание.

Показания Вырубовой на допросе в ЧСК проливали свет на тайны царского Двора и дополнили картину бытия «темных сил»⁶⁰, хотя оценки достоверности ее «откровений» оказались диаметрально противоположными. Следователь В.М. Руднев признался, что при первом же допросе его «... сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Государства <...> влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла <...> В смысле освещения интересовавших меня событий, Г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью»⁶¹. Ответные чувства питала к своему следователю и арестантка. «Из всех их (членов Комиссии. – Ю.В.) один Руднев оказался честным и беспристрастным, – пришла к выводу А.А. Вырубова. – Меня он допрашивал 15 раз, по четыре раза каждый раз»⁶².

Напротив, секретарь Комиссии А.А. Блок не разделял ни восторженного отношения Руднева к бывшей фрейлине, ни его уверенности в правдивости ее свидетельств. «В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама даже перед собой убеждена, что она сказала много правды, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства», – и в пику Рудневу, замороженному подследственной, резюмировал, – «Как ужасно самое существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны», – но затем еще более жестко уточнил, – «Вырубова была только отвратительна»⁶³.

Что же касается председателя ЧСК, то он, по-видимому, не мог составить о Вырубовой окончательного мнения. Возможно, этим и можно

объяснить пристальный интерес Н. К. Муравьева к ее мемуарному творчеству. Правда, в связи с этим произошел неприятный инцидент, который, кстати, настолько сильно задел чувства сенатора С. В. Завадского, что тот вскоре решил покинуть Комиссию.

Дело заключалось в том, что после того как А. А. Вырубову выпустили из заключения, она, бывая в гостях у крепостного доктора И.И. Манухина, познакомилась с его женой «... человеком большого образования, собственных и своеобразных мыслей и несомненного писательского дара»⁶⁴. Через некоторое время бывшая фрейлина императрицы обратилась к Т.И. Манухиной с просьбой отредактировать ее воспоминания⁶⁵, которая, в свою очередь, охотно пошла ей навстречу. В то же время Муравьев был близким другом семьи Манухиных, и во время одной из встреч жена доктора поделилась с ним этой новостью. На тот момент Вырубова формально оставалась подследственной ЧСК, хотя и не находилась под стражей. Естественно, что председателя Комиссии заинтересовали ее откровения, тем более что выданная ей на допросах информация вызвала обоснованные сомнения у многих членов Комиссии по поводу достоверности и полноты. «И тогда Муравьев попросил ее (Т.И. Манухину. – Ю. В.) позволить ему снять для комиссии копию с воспоминаний Вырубовой»⁶⁶, – отметил Завадский, также посвященный в перипетии этой истории. Подобная просьба шокировала и Манухину, и сенатора, который «... лишний раз убедившись, как близки приемы реакционного и революционного “правосудия” (по истине *les extremities se touchent*), решил окончательно, что Муравьеву и мне, нам не по пути»⁶⁷.

Вызывает уважение шепетильность и ранимость Завадского. Действительно, с точки зрения общественной морали и принятых в интеллигентных кругах норм поведения поступок Муравьева напрашивался на осуждение. Но, во-первых, действие, которое вызвало непонимание и критику Завадского, относилось не к сфере «правосудия», а к области дознания, и прокурорскому работнику с большим стажем следовало бы знать, что следственные действия не могут быть «реакционными» или «революционными», а могут быть только законными или незаконными. А с этой точки зрения упрекнуть Муравьева в стремлении приобщить к делу дополнительные сведения нельзя. Во-вторых, товарищу председателя ЧСК не следовало бы забывать о том, что эта просьба исходила от Муравьева не как от частного лица, а как от председателя Комиссии, подследственной которой Вырубова как раз и являлась. Дело ее еще не было закрыто, и у Комиссии оставалось еще очень много вопросов и лично к Вырубовой, и в целом по деятельности «темных сил».

С другой стороны, это было и в интересах самой мемуаристики, так как ознакомление членов Президиума с ее сокровенными мыслями

способствовало бы формированию у них более объективного и непредвзятого взгляда на личность подследственной. К тому же тот факт, что Вырубова решила придать своим воспоминаниям литературную обработку и профессиональную редакцию, свидетельствует о том, что она, скорее всего, планировала их опубликовать, т.е. хотела сообщить им публичный характер. В этой ситуации просьба Муравьева не может рассматриваться как вторжение в частную жизнь индивидуума.

Между тем Комиссия широко использовала практику по привлечению письменных источников личного происхождения к расследованию. Во-первых, это были письменные показания фигурантов ЧСК, имевшие весьма оригинальную форму, в которой подчас были смешаны жанры «современной истории», эссе или даже исповеди. Примером подобного рода могут служить иностранные письменные показания С.П. Белецкого и А.Д. Протопопова⁶⁸.

Во-вторых, к материалам дела приобщались дневники подследственных, а также их переписка частного и служебного характера. Так, например, при расследовании деятельности Министерства двора ЧСК изучила дневники одного из приближенных к императору – генерал-майора Д.Н. Дубенского, который 16 августа 1917 г. обратился к Н.К. Муравьеву с просьбой вернуть его дневник для завершения написания работы о Николае II. «Дневник касается тех исторических дней, которые я обязан изложить и изложить самым тщательным описанием, что без дневника невозможно, – мотивировал свою просьбу генерал. – У меня уже написан 4-й том описания периода войны с февраля 1916 г. по март 1917 г., но мне необходимо закончить время до отречения и описание самого отречения»⁶⁹. Кстати, придворный летописец уже успел выпустить первую часть своего труда⁷⁰ и, естественно, не хотел останавливаться на достигнутом. «Я был свидетелем событий величайшей исторической важности, – справедливо считал генерал, – и считаю своим долгом самым тщательным описанием изложить последние дни царствования Николая II»⁷¹.

Как видно, творчеством генерала заинтересовались и во Временном правительстве. «Весь материал, касающийся четвертого тома я передам Комиссару Минист[ерства] Двора Головину, который доложит Временному правительству мою работу, – сообщал в письме Дубенский и далее предлагал. – Если бы для Чрезвычайной Следственной Комиссии необходим был мой дневник еще на которое время, я прошу в таком случае снять с дневника копию и все-таки вернуть мне для работы»⁷². Судя по описанию Дубенским содержания его дневника, он на самом деле представлял большую ценность для ЧСК с различных сторон, так как проецировал взгляд из ближайшего окружения Николая II на повседневные эпизоды и критические моменты последних дней правления последнего российского императора, его

взаимоотношения с приближенными и, конечно, контакты с так называемыми представителями «темных сил».

Наряду с деятельностью Распутина и Вырубовой Комиссию заинтересовали и другие фигуры из лагеря «темных сил». Но их показания весьма сильно разнились по объему и по содержанию. Например, допрос ближайшей сподвижницы «старца» О.К. Лохтиной (или – Лахтиной) был одним из самых коротких и малосодержательных⁷³. Лохтина, познакомившаяся с Распутиным 3 ноября 1905 г. после того как, по ее словам, она разочаровалась в светской жизни, пережила духовный переворот и в течение пяти лет была прикована к постели неврастением, от которой ее якобы сразу вылечил Распутин. Несчастливая Ольга Лохтина, когда-то блестящая, остроумная великосветская дама, отдавшаяся Распутину, заболевшая психическим расстройством и, в конце концов, надоевшая Распутину своим собиравшим на улице около нее толпу белым балахоном, увешанным ленточками, своим преувеличенным преклонением и своими приставаниями, до конца верила в то, что Распутин – сам бог Саваоф. И эта вера у нее была соединена с повышенным эротизмом⁷⁴.

Ее показания еще в большей степени, чем у Вырубовой, были проникнуты сильной религиозной экзальтацией и фанатичным преклонением перед «старцем». Ответы Лохтиной были односложными – «да» или «нет», и лишь изредка оживлялись ее рассуждениями о вере. Тем не менее, и здесь председатель ЧСК пытался «накопать» материал. Наблюдая за этим, А.А. Блок сделал несколько штрихов: «Шуба (старца?), длинный разговор о ней Муравьева с Лохтиной. Правильные черты, сухая, много видит, пристальная. Дневники ее, как она жила в монастырях. Жена инженера, была с Илиодором в Царицыне»⁷⁵.

Доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев после неудачной дальневосточной авантюры 90-х гг. XIX в. во время Первой мировой войны вновь оказался на политической арене среди других членов камарильи. «Его “всплытие” – результат удачной смены курса в 1912 г., – считает И.В. Лукоянов, – когда он поначалу поддерживал Илиодора, но, точно оценив перспективу, поменял свою позицию и стал “союзником” Распутина. “Старец” был также заинтересован в союзе с Бадмаевым. По-видимому, с 1912 г. он давал Распутину порошки, помогавшие останавливать кровотечения царевича Алексея. Конечно, отношения Распутина и Бадмаева были далеки от дружбы или доверия, но они нуждались друг в друге, это и скрепляло их союз»⁷⁶.

Более образованный и опытный политический интриган Бадмаев выполнял при «старце» роль своеобразного эксперта по кадрам. Как правило, именно его пациенты становились первыми кандидатами для замещения высших государственных должностей. Так, в феврале 1916 г. он для «сплочения многих» вокруг трона

предлагал Николаю II назначить главой правительства С.Е. Крыжановского, а министром внутренних дел – А.Д. Протопопова⁷⁷. Одновременно Бадмаев продвигал своего постоянного пациента – П.Г. Курлова, правда, долгое время он не мог определить своему протееже достойного места. Так же, как и Распутин, Бадмаев плел интриги вокруг А.Ф. Трепова, и подготовил на него донос царю о «союзе» его с Родзянко, а также высказал предложение разогнать Думу и правительство или, по крайней мере, значительно изменить состав Совета министров. В то же время, в отличие от Распутина, Бадмаев не жаловал Б.В. Штюрмера и желал сместить его – якобы потому, что премьер мешал А.Д. Протопопову⁷⁸.

В 1916–1917 гг. П.А. Бадмаев высказался по общим вопросам политико-экономического положения России, в очередной раз предложив свою идею о необходимости «просвещенного» устройства сельского хозяйства в России, и в который раз повторил положения уваровской триады: «православие, самодержавие и народность». Между тем И.В. Лукоянов отмечает, что своей политической программы Бадмаев не имел. «Отдельные его суждения высказаны в записках и брошюрах, – отмечает ученый. – Предвещая русской армии в 1915 г. отступление до Урала, он предлагал заняться организацией партизанского движения на оккупированной территории и создать комиссию по расследованию нарушений немцами Гаагских соглашений»⁷⁹.

Что касается политических авантюристов М.М. Андронникова и И.Ф. Манасевича-Мануйлова, то члены Комиссии убедились, что в их лице имеют дело с обыкновенными проходимцами. Накануне революции и в прессе, и в столичном обществе существовало мнение об их тесных отношениях с Распутиным. Но В.М. Руднев в своих воспоминаниях утверждал, что «... следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такового вовсе не имели, и через это поддержать мнение о своем якобы при Дворе влиянии»⁸⁰.

Личность и характер деятельности кн. Андронникова на следствии были освещены огромным количеством разных документов, изъятых Рудневым при обыске в его квартире в марте 1917 г. Причем обыск и выемка материалов заняли у следователей целых два дня: «Из квартиры Андронникова я привез в Зимний Дворец в помещение Комиссии на двух автомобилях колоссальный архив, – отмечал Руднев. – При этом надо отдать полную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные Мини-

стерства, которые в свою очередь распались на Департаменты. Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что кн. Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и представительствами»⁸¹.

Дворцовый комендант Воейков был допрошен следователем Рудневым несколько раз в Центральной крепости, где он был заключен. «Особым авторитетом и влиянием при Дворе, – судя по переписке, найденной у него при обыске, и главным образом по письмам его жены, дочери Министра Двора Графа Фредерикса, относящимся к 1914–1915–1916 годам, – он не пользовался, но был ценим, как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я, из целого ряда бесед с ним, такого впечатления не вынес»⁸². Из писем В.Н. Воейкова к жене Руднев определил негативное отношение дворцового коменданта к Распутину. В некоторых из этих писем «Воейков называл его злым гением Императорского дома и России, находя, что он дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут быть всегда использованы антиправительственными группами»⁸³, – отмечал Руднев. Вместе с тем для членов Комиссии было очевидно и то, что Воейков, мирясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, не находил в себе достаточного мужества противостоять авантюристу и отказывать ему в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышении, выдаче пособий и пр.

Воейков, по мнению В.Ф. Джунковского, являл собой тип самовлюбленного карьериста, озабоченного исключительно своими денежными делами и карьерой. Должность дворцового коменданта его интересовала только с точки зрения тех личных выгод, которые он мог из нее извлечь. Циник и эгоист, он предпочитал увеличение своего капитала и распространение «Куваки» (минеральной воды, обнаруженной в его имении в Пензенской губернии) служению царю. «Оберегать престол» Воейков и не собирался⁸⁴, чем еще раз оправдывал свое пребывание в лагере безответственных сил. Точно так же хорошо разбиравшийся в придворном окружении жандармский генерал А.И. Спиридович указывал на ошибочное представление о роли Воейкова в камарилье. «В Петербурге считали, – писал он, – что генерал Воейков имел большое влияние на государя. Это была большая ошибка. Генерал не имел никакого политического влияния»⁸⁵.

В ходе расследования влияния камарильи на государственные дела ЧСК заинтересовал вопрос: чувствовалось ли вмешательство В.Н. Воейкова в политические дела, и какова была его политика в отношении народного представительства? Ответ-

чая на этот вопрос, М.В. Родзянко утверждал, что прямого влияния на Думу со стороны дворцового коменданта не было. «Раз только такой курьез был, что я его к себе вызвал и распек за то, что он покровительствует Распутину, заявив ему, как лицу влиятельному, что так дальше идти нельзя, что нельзя шутить тем настроением, которое было, – вспоминал председатель Думы. – Он отрицал свое участие, говорил, что все это не так, что все это преувеличено, доказывал, что он никакого влияния не имеет, что ответственность на него пасть не может и т. д. Все это, конечно, было шито белыми нитками»⁸⁶.

Основываясь на показаниях Воейкова, следователь ЧСК В.М. Руднев пришел к выводу, что тот не интересовался политикой и на это были вполне определенные причины. Будучи дворцовым комендантом, он был целиком поглощен хозяйственными делами⁸⁷, но, по свидетельству Руднева, «...особым авторитетом и влиянием при дворе, судя по переписке, найденной у него по обыску, он не пользовался, но был ценим как преданный человек»⁸⁸. К тому же, как выяснилось из его переписки, Воейков был противником Распутина, но, не желая рисковать карьерой, предпочитал свое мнение о «старце» открыто не высказывать.

Таким образом, судя по воспоминаниям В.М. Руднева, влияние «темных сил» при Дворе было явно преувеличено. В то же время обращают на себя внимание диаметрально противоположные оценки следователем деятельности «темных сил». Это дало основание М.К. Касвинову назвать Руднева весьма неллицеприятно: «юридический перевертень»⁸⁹. Действительно, в своем интервью корреспонденту газеты «День» следователь ЧСК сообщал о существовании и влиянии «темных сил» при Дворе и о том, что они «подло заигрывали с врагом за спиной истекающей кровью армии...»⁹⁰, а спустя 5 лет он не только смягчил свои оценки в отношении Г.Е. Распутина, А.А. Вырубовой и др., но и вообще поставил под сомнение влияние «темных сил» на царя. Возможно, одна из причин такого странного «переосмысления» Рудневым работы в Комиссии кроется в его конфликте с Н.К. Муравьевым. В конце августа 1917 г. следователь «подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя Комиссии прис.[ажного] пов.[еренного] Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия»⁹¹. Правда, в чем конкретно заключалось давление на него со стороны председателя Комиссии и на какие «явно пристрастные действия» его подталкивали Руднев, к сожалению, не пояснил.

До начала работы у Комиссии были весьма основательные предположения в измене и шпионаже последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова, считавшегося второй после Распутина фигурой в стане «темных сил». В то же время на криминализацию его встречи с агентом германского правительства Ф. Варбургом во время знаменитого стокгольмского совещания

надежд у ЧСК практически не оставалось. Еще до революции стало известно, что встреча с Варбургом – это личная инициатива Протопопова, за которой ничего не стояло, кроме тщеславия и легкомыслия. Тем не менее Комиссия решила еще раз проверить этот инцидент⁹². На одном из допросов, когда председатель заметил, что акция, предпринятая Протопоповым, – «это серьезное событие», последний совершенно искренне ответил: «Серьезного тут нет и большого тут нет. Это есть интересное событие»⁹³.

Допрашивая В.Н. Воейкова, В.Б. Фредерикса, Н.А. Маклакова и некоторых других, ЧСК уже располагала документами, которые убедительно опровергали укоренившиеся в обществе представления о настроениях высших сфер в отношении войны. Буквально откровением стали сведения о том, что барон Фредерикс, этот гипотетический глава так называемой «немецкой партии», вообще не принимал никакого участия в политике. Обвинение его в пронемецких настроениях В.Б. Фредерикс с негодованием отверг, пояснив, что его род не немецкого, а шведского происхождения⁹⁴. Выяснилось, что министра Двора в годы войны уже мало кто принимал всерьез, так как он находился в состоянии старческого маразма, и его небезосновательно считали рамоликом⁹⁵.

Великий князь Николай Михайлович характеризовал Фредерикса как «абсолютное ничтожество». Фредерикс способствовал ряду назначений, но не политического характера. Обычно министр Двора рекомендовал на ту или иную должность офицеров лейб-гвардейского конного полка, в котором сам служил и которым затем командовал. Максимович, Мосолов, Теляковский, князь Орлов, князь Белосельский, Одоевский-Маслов, Новосельцев, барон Штакельберг, Каменев, Переяславцев «обязаны своей карьерой или хорошо оплачиваемым местом только протекции барона, их покровителя и патрона»⁹⁶. В описываемое время Фредерикс уже настояло одряхлел, что пребывал в старческом маразме, с ним совершенно не считались. Наблюдения великого князя полностью совпадали с впечатлениями о ближайшем окружении царя начальника канцелярии Императорского Двора А.А. Мосолова. «Министр Двора граф Фредерикс – один из самых близких людей, – отмечал он, – но политикой граф не занимался и о ней никогда не говорил». Капитан Саблин – интимный друг, «но политической роли не играл». Флигель-адъютанты Мордвинов и герцог Николай Лейхтенбергский «никакого политического значения не имели». Вообще флигель-адъютантам «в голову (бы) не пришло докладывать его величеству о чем-либо, выходявшем за пределы их дневных обязанностей». «Впрочем, – писал Мосолов, – Фредерикс крайне ревностно и зорко следил, чтобы такие нарушения не могли иметь место. Да и всем нам было хорошо известно, что государь терпеть не мог, чтобы его слуги касались каких-либо вопросов вне круга своей компетенции»⁹⁷.

В постановлении следователя ЧСК «о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая II в области управления государством» приведенные свидетельства подтверждаются. Фредерикс, говорится в постановлении, был личным другом царской четы, но никогда не давал никаких советов, не вмешивался в политику, не участвовал в заседаниях Совета министров, держался в стороне от Вырубовой и Распутина. Воейков мог повредить или, наоборот, помочь той или другой кандидатуре, но не более. Нилов пользовался «гораздо меньшим влиянием». Значительно ближе к царской чете был Саблин. Недалекий, ровный, любезный, свой человек. Он не имел никаких средств, и его содержал биржевой делец Манус, отдававший ему приказы хвалить или бранить того или иного министра в зависимости от того, что самому Манусу было в каждый данный момент выгоднее. Поскольку приказы менялись очень быстро, Саблин часто попадал в трудное положение. Так, в частности, он писал: «только хвалил Барка, а теперь надо его ругать»⁹⁸.

Таким образом, камарилья, ее появление и развитие напрямую связаны с кризисом самодержавной власти. «Причем кризис, – уточняет И.В. Лукоянов, – это совсем не обязательно разложение, это и поиск нового. Однако в империи, где публичная политика была невозможна, всякие политические действия часто получали извращенную форму. Так, в земстве собрались либералы, и оно стало центром умеренной оппозиции режиму вместо того, чтобы заниматься делами местного хозяйства. Вырождение общественного мнения под прессом абсолютизма во всякого рода квази-советы, квази-обсуждения – это также прямой путь к камарилье»⁹⁹.

При этом Лукоянов прослеживает прямой путь от доктрины славянофильства и ее ответвлений к камарилье, указывая на то, что обязательные составляющие этого пути – национализм, антибюрократическая риторика, призывы к близости самодержавия и народа, и делает, на первый взгляд, парадоксальный вывод, что «Участники камарильи – это прямые наследники И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Р.А. Фадеева, а некоторые из них вышли из этого круга (С.Ф. Шарапов)»¹⁰⁰.

Наряду с этим личные качества и проблемы царской четы спровоцировали безудержное и быстрое оформление камарильи в ее законченном виде как пристанища и штаба «темных» сил. «Некомпетентность Николая II, его скрытность, упрямство вместо воли, стремление заигрывать с общественным мнением – все это объективно расшатывало систему самодержавной власти»¹⁰¹, – подчеркивает Лукоянов. Поддерживая этот тезис, И.В. Алексеева несколько расширяет данную сентенцию: «Камарилья всегда сопутствовала монарху слабому и в нее входили, как правило, люди, которые не превышали по своему уровню самого монарха. Это была поддержка идеологическая, идейная, откуда монарх черпал вдохновение.

Это была небольшая группа людей, на которых он мог реально опереться»¹⁰². При этом, однако, она считает, что нельзя ограничивать состав камарильи только людьми «из ниоткуда». «Кроме людей из ниоткуда, в камарилью входили родственники царя, его ближний круг, прежде всего императрица Александра Федоровна, – утверждает Алексеева. – Она была вдохновительницей камарильи. В понятие камарильи обязательно должны включаться те приближенные, те члены императорского двора, которые в разные моменты приближались к царю и каким-то образом влияли на решение пусть мелких, но достаточно животрепещущих для России вопросов»¹⁰³, ссылаясь при этом на то, что С.Ю. Витте значительно пострадал от камарильи, и в его воспоминаниях постоянно встречается выражение «прокаженная дворцовая камарилья». Говоря о технологии самодержавной власти в момент нарастания ее тяжелого системного кризиса, И.В. Лукоянов приходит к выводу, что «камарилья в этом случае играет роль коррозии»¹⁰⁴.

Кризис власти в России стал особо заметным с 1911 г. Он был вызван целым рядом взаимосвязанных факторов, одним из которых, безусловно, следует считать камарилью. При этом понятие камарильи применительно к русской монархии тождественно понятию «темная сила». В годы Первой мировой войны в природе «темных» сил появился новый тревожный симптом: теперь вокруг «личностей из ниоткуда» во главе с Г.Е. Распутиным начал формироваться круг банкиров, таких как Д.Л. Рубинштейн, И.П. Манус и З. Жданов. Слияние камарильи с финансовой олигархией стало опаснейшим и решающим этапом в усилении безответственных влияний на верховную власть накануне краха императорской России. Безответственные и «темные» влияния в известной степени парализовали деятельность верховной власти, особенно в решающие моменты, когда необходимо было срочно принимать взвешенные и ответственные решения. Таким образом, камарилья, державшаяся на фатальных фигурах Николая II и его жены, сыграла зловещую, роковую роль в судьбе страны и явилась одним из факторов, приведших к падению русской монархии.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1967. Т. 31. С. 12.
- ² См.: Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 276. В сходном значении понятие «темные силы» употреблялось и ранее. В начале XX в. «подстрекателем всех темных сил» при дворе называли кн. В.П. Мещерского. (См.: Освобождение. 1902. № 19. С. 333.).
- ³ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479.
- ⁴ В ЧСК работали два следователя по фамилии Руднев – Т.Д. и В.М., и оба возглавили близкие по составу преступлений следственные отделы. Это совпадение ввело в заблуждение многих исследователей. Так, например, доктор

- исторических наук А.Я. Аврех, имея в виду и ссылаясь на В.М. Руднева, упомянул о Т.Д. Рудневе, и, смешав инициалы обоих, высказал предположение, что «Инициалы Руднева – В.Д. В протоколах ЧСК, по-видимому, ошибка» (*Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 98). Кстати, П.Е. Щеголев, упоминая о воспоминаниях следователя Руднева, указывает инициалы – «В.М.», а он-то знал его лично, и ошибки здесь быть не может. (См.: Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXVII).
- 5 Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 353.
- 6 Там же. Т. 6. С. 252.
- 7 Слово «камарилья» происходит от испанского «camarilla», и под ней обычно понимают группу придворных, клику, которая, пользуясь своим положением, при помощи разного рода интриг старается влиять на государственные дела в интересах личной выгоды.
- 8 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140–141.
- 9 Там же. С. 140.
- 10 *Лукоянов И.В.* Камарилья // Россия и Первая мировая война: Материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 230.
- 11 *Врангель Н.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924. С. 210.
- 12 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 6.
- 13 *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж, Б. г. С. 5.
- 14 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 236.
- 15 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 66.
- 16 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 230.
- 17 См.: *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 27–30.
- 18 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 230.
- 19 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 75.
- 20 *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 335.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 335–338.
- 23 Там же. С. 338.
- 24 Там же. С. 340.
- 25 Там же. С. 26.
- 26 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 82.
- 27 *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 341.
- 28 *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, Б. г. С. 13.
- 29 Там же. С. 92–97.
- 30 *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 333.
- 31 Падение царского режима. Т. 6. С. 354.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 354–355.
- 36 Там же. С. 355.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
- 40 *Руднев В.М.* Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39.
- 41 См.: *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 500. Письмо матери от 11 июня. Коллега В.М. Руднева по ЧСК А.Ф. Романов также считал его «умнейшим и талантливейшим» следователем. Подробнее см.: *Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии // Русская летопись. Кн. 2. Париж, 1922. С. 11.
- 42 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 39.
- 43 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 1; Д. 2. Л. 4.
- 44 Там же. Д. 2. Л. 28об–29.
- 45 Там же 1. Д. 9. Л. 29–30.
- 46 См.: Падение царского режима. Т. 1. С. 251–322.
- 47 *Аврех А.Я.* ЧСК Временного правительства... С. 85.
- 48 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 39.
- 49 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 261.
- 50 *Alexandrov V.* The End of the Romanovs. N.Y.; Boston; Toronto, 1966. P. 141.
- 51 *Dehn L.* The real tsaritsa. L., 1922. P. 94.
- 52 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 77.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Там же. Л. 76.
- 56 *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 272.
- 57 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 85.
- 58 *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 238–240.
- 59 Там же. С. 247.
- 60 Падение царского режима. Т. 3. С. 233–254.
- 61 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 45.
- 62 Фрейлина ее Величества. «Дневники» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 222.
- 63 *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 6. С. 446–447.
- 64 *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 69.
- 65 Подобную просьбу можно объяснить еще и тем, что А.А. Вырубова за время ее заключения в Петропавловской крепости убедилась в том, «...что у доктора Манухина было золотое сердце, и что он был справедливый и честный человек», поэтому и прониклась к нему теплыми чувствами и безграничным доверием. (См.: Фрейлина ее Величества... С. 226.)
- 66 *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 69.
- 67 Там же.
- 68 См.: Падение царского режима. Т. 4.
- 69 ГА РФ. Ф. 1467. Д. 10. Л. 67–67об.
- 70 См.: *Дубенский Д.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Пг., 1915.
- 71 ГА РФ. Ф. 1467. Д. 10. Л. 68–68об.
- 72 Там же. Л. 67об–68.
- 73 См.: Падение царского режима. Т. 3. С. 433–475.
- 74 См.: Последний временщик последнего царя. (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии о Распутине

- и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 122.
- ⁷⁵ Блок А.А. Записные книжки. С. 343.
- ⁷⁶ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 237.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 701. Л. 4–5.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ⁸⁰ Руднев В.М. Указ. соч. С. 44.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 46.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 227–228.
- ⁸⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 231.
- ⁸⁶ Падение царского режима. Т. 7. С. 171.
- ⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 59–61, 74.
- ⁸⁸ Руднев В.М. Указ. соч. С. 51–52.
- ⁸⁹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1990. С. 225.
- ⁹⁰ День. 1917. 27 июня.
- ⁹¹ Руднев В.М. Указ. соч.
- ⁹² Падение царского режима. Т. 1. С. 142, 143, 148, 186, 189.
- ⁹³ Там же. С. 169.
- ⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 33–35.
- ⁹⁵ См.: Шавельский Г. Указ. соч. С. 195.
- ⁹⁶ Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 105–106.
- ⁹⁷ Мосолов А. Указ. соч. С. 47.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 34–35 об.
- ⁹⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 238.
- ¹⁰² Алексеева И.В. Дискуссия // Россия и Первая мировая война. С. 242–243.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Лукоянов И.В. Заключительное слово докладчиков // Россия и Первая мировая война. С. 252–253.

УДК 17(47)(09)18+929 Лабзин

ЧЕЛОВЕК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ А.Ф. ЛАБЗИНА: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.И. Сидорова

Саратовский государственный университет
E-mail: sidorovani85@mail.ru

В центре внимания автора статьи – личность и мировоззрение А. Ф. Лабзина, воспитанника Московского университета, ученика Новиковского кружка, основателя масонской ложи и вице-президента Императорской академии художеств. На основе анализа его этических воззрений (по материалам периодического издания «Сионский Вестник») раскрываются некоторые особенности духовной жизни русской интеллигенции первой четверти XIX века.

Ключевые слова: идеология, культура, человек, общество, мировоззрение, мистика.

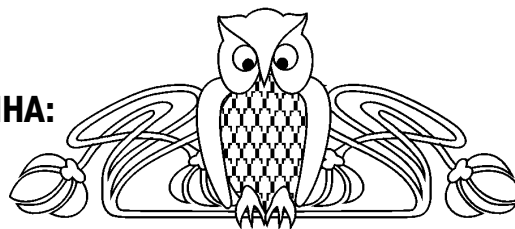
A. F. Labzin's Conceptualization of a Man: Ethical Aspect

N.I. Sidorova

The author of the article focuses on a personality and world view of A. F. Labzin, the Moscow University graduate, Novikovskiy coterie's disciple, Masonic Lodge founder and vice-president of Imperial Art Academy. Some peculiarities of spiritual life of Russian intellectuals in the first fourth of XIX century are revealed based on analysis of his ethical views (using Zion Bulletin periodical).

Key words: ideology, culture, men, society, philosophy, mysticism.

Идеология просветителей, события Французской революции, поток беженцев из Франции, Отечественная война 1812 года, дворцовые перевороты, непоследовательная государственная и религиозная политика высших властей, а также ожидания либерализации жизни страны после

вступления на престол Александра I стали явлениями, создавшими новую психологическую и идейную ситуацию в России. Очевидно, период конца XVIII – первой четверти XIX в., будучи чрезвычайно насыщен социально-культурными изменениями, явился переломным прежде всего для общественного сознания наиболее образованных слоев русского общества. Именно в это время, с 1806 и 1817–1818, А. Ф. Лабзин издает «Сионский Вестник», который подобно многим другим сочинениям, журналам, сборникам оригинального и переводного характера затрагивал важные морально-этические проблемы. Каким же представляет Лабзин человека? Как изображает его внешний облик, внутренние качества и земную жизнь? В чем видит его истинное предназначение?

В первых же номерах «Сионского Вестника» издатель говорит о проклятии всего человеческого рода, наложенном из-за презрения Адамом и Евой воли Господа. Вследствие нарушения Его завета «они лишились уже той божественной жизни, которая соединена была с познанием истины, правосудия и святости»¹, а их потомство подверглось трем страданиям: в мысли, воли, действии, известных под казнями (телесная, душевная и духовная), отразившихся на физических и нравственных качествах. После грехопадения тело оказалось подвержено многочисленным болезням, неминуемой смерти, стало менее подвижно, лениво, немощно. Оно превратилось в рану, «которая, хотя бы и не выказывалась наружу, носит в себе

яд, тайно грызущий оную; и человек не может остановить действия сего яда; ибо он есть тот самый огонь, который дает существование нашему бытию и вместе разрушает оно»².

Внешние изменения, очевидно, повлекли за собой внутренние, когда человек «начинает испытывать нападения через телесные чувства и подстрекания плоти»³, а поскольку практически все, уступая своим желаниям, стремятся к постоянным наслаждениям, увлекаются временными, маловажными вещами, «то потом возбуждаются в них еще порочнейшие и опаснейшие страсти...»⁴, когда «мы, желая насытиться, вместо света ищем пищи в собственной своей тьме, от ненасыщения и от голода и от жажды сердимся, кидаемся на другие предметы тьмы, пожираем их и столько делаем от того преступлений, что никакое перо изобразить того не может»⁵.

Впоследствии одни, по словам издателя, превращаются в суетных, жадных, самолюбивых, завистливых, развратных людей, желающих заслужить уважение более знатных и влиятельных современников, другие, не имея собственного мнения, следуют предрассудкам, обычаям народной толпы. В складывании образа жизни, основанного на неприемлемых, эгоистических принципах и понятиях, Лабзин, скорее всего, винит само общество, которое, воспитывая детей, вместо добродетелей прививает пороки, не понимая главного – «какое то воспитание, которого грунт: французский язык – столпы: музыка и танцы? Ибо где воспитание начинается с чего инаго как не с французского языка? Чем испытуеть воспитание человека, как не разговором на французском языке?»⁶.

Однако человеку были присущи не только пороки, но и добродетели, поскольку наряду с физическими данными, когда «и тленное сие тело, при всех своих недостатках, столь превосходно, что и самый острый разум тупеет при исследовании изящств его»⁷, животной души, содержащейся в крови и общей для всех живых существ, он имел «сотворенную по образу и подобию Божию» разумную душу, которая определяла умственные способности и нравственный облик. Но, если еще до грехопадения Адам и Ева, по мнению Лабзина, были несовершенны и пребывали в равновесии между добром и злом, сражаясь сами с собой для сохранения этого состояния, то уделом жизни современного человека стала тяжелая, непрестанная борьба во имя обретения хоть малой доли прежней гармонии. Однако, рассуждая о несовершенстве прародителей, Лабзин отступает от церковной традиции и вслед за мистиками акцентирует внимание на внутренней работе, масштаб которой многократно увеличился после появления смертного тела и вечной души, придающих человеческой природе ярко выраженный дуалистический характер.

Существование наряду с пороками добродетелей издатель обуславливает тем, что проклятие

загроуло свойства человеческой природы, ослабив их, сама же она, оставаясь неизменной, сохранила свое прежнее достоинство, воплотившееся в благодать, которая исходит от Бога в виде живых существей, воинов, искусных целителей, ангелов-хранителей. При условии распространения своей спасительной силы она могла привести к блаженству в вечной жизни, поэтому человек в течение жизни должен возратить свои прежние преимущества. Надо отметить, все высказывания Лабзина относительно прошлого, настоящего и будущего человечества полностью соотносятся с понятиями других мистиков, в разных вариациях сводящих сущность истинного христианства «к трем пунктам, которые и поставляют на вид каждому: первый – человек, по своему созданию, назначен быть причастным божественного естества, каким и обладал Адам; второй – падение низвергло человека в животную, земную и нечистую, в жизнь плоти и крови; третий – искупление даровало ему возможность возстановить себя в первобытном праве, сделаться снова Адамом»⁸. Но что должен был предпринять человек для достижения полного или хотя бы частичного возрождения?

Издатель предлагает читателям вспомнить с каким радостным нетерпением они ожидали начало Великого поста будучи детьми, подростками, юношами и девушками, которые, лишённые гордости, тщеславия и многих других дурных наклонностей, отличались от взрослых большим смирением, кротостью, добротой, доверчивостью. Пост необходим, полезен, поскольку сопряженный с исповедью, покаянием, молитвой, он на некоторое время «усмиряет тело и укрощает плотские вожделения»⁹, облагораживая душу. Но главное он, вероятно, хотел верить, что этот праздник, делая догматические тонкости несущественными, стирает границы между христианами всех конфессий и невидимым образом объединяет их независимо от состояния, гражданской, мировоззренческой позиций в одно духовное сообщество.

Не только церковные праздники оказывают благотворное влияние на сознание, но и таинства, которые желательно воспринимать трепетно и благоговейно, поскольку «для человека чувственного, а наипаче чувствами водимаго, нужны таковые внешние указания для обращения его на внутренность, и не только для воспоминания ему о преобразуемом тем, но для самага внутреняго в нем действия»¹⁰. Из трех видов исповеди, католической, протестантской, православной, Лабзин отдает очевидное предпочтение последней как наиболее совершенной и действенной, поскольку предстоящее покаяние перед лицом постороннего человека не могло не вызывать боязнь справедливого осуждения, смятение и впоследствии – укоры совести, мысль об избегании особенно тяжких проступков даже у самых отъявленных грешников.

Однако восприятие обрядов формальным, необходимым упражнением, «в котором надобно

ревностно трудится, но от которого и отдохнуть можно»¹¹, наряду с желанием показаться богобоязненным было, по мысли издателя, больше похоже на идолопоклонство или еще хуже – на лицемерие. Тогда человек бездумно одобряет то, в чем сомневается, чему на самом деле не верит и, неосознанно используя обряды, напускное благочестие для обмана Господа, заблуждается в итоге сам. За внешней пышностью богослужений, непонятными на первый взгляд словами, действиями священников скрывается, по словам Лабзина, глубокий внутренний смысл, без открытия которого «...учение, крещение, рукоположение, тайная вечеря, Богослужение...»¹², помогающее внутреннему перевоплощению и соединению с Господом, «тщетно употребляемы будут, ежели Дух Божий найдет сердца готовым к принятию Его святости»¹³ и не воздвигнет в нем свой «храм».

Крещение, самое важное из таинств, даря предварительную благодать, ангела-хранителя, отличает христианина от представителей других вероучений и предоставляет возможность на протяжении жизни обрести Божественный Дух, а после воскресения – новое тело. Следующее по значению таинство евхаристии призывает людей собраться вместе, вспомнить божьи заветы, страдания Иисуса и, что «... во Христе мы все члены одного тела, и в знак того вкушали бы от одной чаши, помня данную Им нам новую заповедь»¹⁴. При причащении человек не должен задумываться и интересоваться у других, превращается ли хлеб и вино под влиянием высших сил в тело и кровь Христово, поскольку «можно спросить вопрошающего: как вкушает он солнечную эссенцию, которая и в хлебе и во всяком растении и плоде существенно находится, дает оному рост, зрелость, спелость? Какова она вкусом?»¹⁵. Кроме того, люди, исполняющие евхаристию без искренней веры наносят себе непоправимый вред, но готовящиеся к ней, согласно завету Иисуса, соединяются душой с божественной искрой – всеобъемлющей высшей сущностью.

Получается, Лабзин следует Юнгу-Штилингу, писавшему о разделении церковей и истинном Филадельфийском теократическом государстве, отдельные признаки которого в VII в. можно было обнаружить на Востоке, в XII в. – у альбигойцев и вальденсов, а в XVIII–XIX вв. – у моравских братьев. Но, созидая свою малую и высокую церковь, он все-таки не отвергает внешних богослужений безусловно, а придает им определенную внутреннюю силу. Вероятно поэтому издатель не говорит об эстетической ценности богослужений, поскольку видит в культах ни струны, которые, затрагивая человека, возбуждают его религиозное чувство, а таинственные знаки, отчасти выражающие духовную сущность вероучения. Удовлетворяя потребность человека иметь явное доказательство существования сокровенной связи с Божеством, правильно совершаемые таинства, «крещение водой», не могли привести

к совершенству, но отвращали верующего от наиболее тяжелых грехов, грубых пороков, предвосхищая следующий, более сложный этап – мистический союз с Божеством, «крещение духом и огнем», позволяющее превратиться из ветхого в нового человека – воскреснуть душой и телом для истинного бытия. Естественно, духовному возрождению, главной цели всей жизни, Лабзин по примеру других мистиков уделяет особенно пристальное внимание, поэтому его описание занимает довольно много места в «Сионском Вестнике». Но наряду с душевным совершенствованием, полагает он, следует заботиться о сохранении, развитии физических качеств, поскольку, хотя душа, «...заключенная в тленной оболочке, подобно газу, запертому в воздушном шаре, безпрестанно стремится в верх»¹⁶, только «с развитием и укреплением телесных органов и разумная душа укрепляется и как бы созревает, приобретает познания, становится деятельнее и часто раскрывает в себе способности, доводящие ее до назначенного ей состояния совершенства»¹⁷. Для устранения основной причины всех душевных и телесных расстройств Лабзин предлагает комплексно воздействовать на человеческий организм по сути одинаковыми и единственно возможными средствами: «...рвотное и слабительное очищает внутренность от засорения, потовые проникают сквозь все тело и отвергают завалы во внутренних сосудах онаго, мази размягчают затверделости. – Как все сие согласно с средствами врачевания души и духа! И как одна наука объясняет другую!»¹⁸

Таким образом, Лабзин обозначает неразрывную внутреннюю связь и непрерывное взаимодействие между духовной и плотской стороной человеческой природы – двумя видами своеобразной энергии, одна из которых в процессе превращения сохраняется и усиливается за счет другой. Однако при этом он, следуя христианской аскетической традиции, разделяет два понятия: плотское начало и тело, «храм», который нужно не осквернять «...гнусными деяниями, не отравлять членов тела своего ядом сладострастия, обжорства, пьянства и не подвергать целость оных, или здравие оно, разрушению...»¹⁹, поскольку оно служит материальной основой духовной жизни.

Отчасти вопрос о необходимости гармоничного развития души и тела сводился издателем к борьбе между верой, которую известный мистик Дю-Туа называл «разумом веры», и собственно разумом. Признание неограниченных возможностей человеческого разума позволило философам, ученым, государственным деятелям совершать открытия в области естественных и гуманитарных наук, высказывать революционные идеи. Подвергая сомнению все предметы, явления окружающего мира, они, по словам Лабзина, смело рассуждали о христианских догматах и, отрицая таинства, пророчества, чудеса, основанные на Священном Писании, других исторических свидетельствах,

доходили до атеизма, деизма и материализма. Попытка защитить веру свелась к критике Беля, Вольтера, Руссо, д'Аламбера, Ренала, Гельвеция, якобы считавших многочисленные порочные склонности неотъемлемой частью всего человеческого существа, святость – суеверием, древним предрассудком, Иисуса – Зороастром, Конфуцием, Магометом или Сократом, а постулаты просветителей – единственно правильными суждениями. Своими категоричными суждениями, атеизмом и отрицанием малейшей надежды на помощь Всевышнего эти проповедники разрушали все вокруг, повергая других в «буйство страстей» и полное отчаяние.

Анализ, индукция, дедукция, сравнение и другие логические построения ученых, придавая науке излишнюю субъективность, не позволяли ни постигнуть истину, ни приблизиться к ней, а «от того системы всех наук часто переменяются, и всегда переменяться будут; и мнения, поставляемые на место истины, суть только вице-истины – истины на время, пока другие опыты, другие открытия не свергнут их с престола и не возведут на место их других мнений, других вице-истин же»²⁰. В итоге Лабзин приходит к выводу: поскольку многие средневековые и современные философы, за исключением Бекона и последователей мистицизма, не исполнили свое предназначение, продолжив важную миссию античных мыслителей – не отличились «чистейшей верою», пока «христианство распространяет чистейший свет», то их не стоит даже сравнивать с теми, кто в ожидании Иисуса стремился к истине.

Пытаясь оградить людей от многочисленных опасных заблуждений, Лабзин не ограничивается критикой философов и предлагает иную просветительскую концепцию, ведущую к открытию божественных истин. При подлинном, «живом» исследовании «вера владевает над разумом, благодать над натурою, а любовь над самолюбием... разум колеблется, но вера поддерживает его; самолюбие ослепляет разум, но любовь открывает ему глаза и служит ему вождем...»²¹ Но, советуя признать ограниченность умственных способностей, Лабзин, скорее всего, порицает их чрезмерное возвеличивание, а потом вслед за Арндом и Шварцем, своим учителем, провозглашает, что и вера, и разум одинаково имеют право на свое существование, а в их соединении не должно быть никакого противоречия. «Обижают веру, думая, что она требует пожертвования разумом: напротив того, – восклицает издатель, – разум есть грунт веры; вера упразднится, а разум пребудет вечно: ибо человек останется вечно существом разумным»²², поэтому «вере не страшно никакое исследование добродетельного философа. Чем более кто имеет ума и справедливости, тем более чувствует достоинство веры...»²³ Если современные ученые, опираясь на воображение, мышление, интеллект, выстраивают образные, идеальные модели вещей, которые складываются

в умозрительные схемы и гипотезы, то правозверные христиане, исследуя что-либо, полагаются на веру, любовь, другие положительные эмоции и впечатления.

Поскольку одним из главных источников всех истин являлось Священное Писание, Лабзин считал своим долгом высказать некоторые рекомендации по его толкованию. Указывая читателям на возможность двойного прочтения Библии, он уподобляет ее человеческому существу, плоть которого составляют тексты, «шелуха, скорлупа духовного», а душу – смысл слов, фраз и предложений. Поэтому «для людей, правящихся только разумом, Священное Писание есть мертвая буква, сухая история, или нравоучение без жизни: для духовного же человека оно есть истый дух, отпечатак, отпечаток духовного, есть – самая жизнь»²⁴. При объяснении значения каждого отрывка догматического, исторического или нравственного характера Лабзин так же как квакеры, Арндт с г-жой Гюйон придерживается экзотерического способа и практически во всех случаях отличает буквальное понятие, доступное большинству через образы, от внутреннего, символического, представленного лишь избранным. Так, в истории изгнания Измаила с матерью-рабыней он видит преимущество глубокого толкования смысла Священного Писания, которое воплощает Исаак, над поверхностным, а «... что в Ветхом Завете сказано о вещественном Храме, то в духовном смысле разуметь должно о Христе, о Его царствии, о Его церкви, которая есть Его тело»²⁵.

Стремящийся к просвещению христианин должен знать, что «и как самое Евангелие содержит не все деяния сего Учителя... то могут нам быть неизвестны деяния Господа, которые другим могли и могут учиниться известными чрез особенныя откровения, или особенныя предания»²⁶. Хотя при жизни человеку не суждено понять суть всех законов микро- и макрокосма Вселенной, вера и любовь – эти просвещающие разум добродетели – позволяют получить опытные, «страдательные» представления, когда христиане «говорят» с вещами – исходят из принципа: «вещи самые сказывают о себе гораздо больше, полнее, яснее, нежели все сказания, повествования и толкования об них...»²⁷ Для объяснения своей мысли Лабзин сравнивает изучение предметов окружающего мира с немислимым без Божественных откровений познанием явлений высшего порядка, «... которое могло бы довести нас к истинному просвещению, когда угодно Ему будет, по вере и упованию нашему, наполнить нас Самими Собою и дать узнать Его опытно»²⁸. Здесь он приближается к Бему, писавшему в трактате «Великое таинство» о том, что любые истинные рациональные и иррациональные понятия формируются в человеческой душе, «поэтому мы можем знать о Боге только посредством Его рождения в нас. Бог отсутствующий, отделенный от нас, есть Бог неведомый...»²⁹

Размышления о том, как одним творческим наитием достичь подлинного просвещения – приподнять завесы природы и проникнуть в сверхчувственный мир сущностей, приводят Лабзина к оправданию духовидцев, вступающих в самые деятельные отношения с загробным миром, астрологов, провидцев, предсказывающих судьбу людей и всего человечества. В доказательство того, что знаменитый шведский математик естествоиспытатель и духовидец Сведенборг обладал не только уникальным даром, но и являлся мудрым, добродетельным, благочестивым христианином, он приводит одну из четырех историй о нем Юнга-Штиллинга. Потом Лабзин останавливается на сочинении некоего Ф. Буиса, содержащего суждения об оракулах, сивиллах, Нострадамусе, а наряду со Сведенборгом говорит о малоизвестных французских мистиках, аббате Казоте, которые предчувствовали революционные события и даже пытались отдалить момент их неминуемого наступления. Кроме того, на основе анализа произведения Юнга-Штиллинга, где в аллегорической форме повествуется о покорении государств-наследников Древнего Рима и унификации всех религиозных систем для создания единой «Натуральной религии» разума, он выражает собственные пророчества. Вышедшего из низов могучего правителя, а также «некое великое тайное общество» из «Угроз...» Лабзин олицетворяет с иллюминатами и Наполеоном, по чьему приказу кардинал Мори будет составлять догматы нового вероучения, основанного на рационалистических принципах философии XVIII века.

Как ни всякий разумный человек может представить сложные вычисления высшей математики и стереометрии, к изучению которой не применимы элементарные, однолинейные аксиомы и гипотезы эвклидовой геометрии, так далеко ни каждый, по представлению издателя, способен предвидеть будущее. Вообще «способность к общению с царством духов главной ее развивается тогда, когда эфирное или световое тело души мало принимает в себя тяжелых частиц из крови, и постоянно от уз сих облегчается»³⁰. Кроме того, помимо аскетического образа жизни, когда некоторые мистики подобно г-же Гюйон доходили в своих пророчествах до состояния экзальтированного восторга, к ясновидению приводили магнетические сеансы. Последние были особенно действенны при болезнях, когда изменения физиологического характера влияли на психику, ослабляя или возбуждая нервную систему человека. Сведения о предсказаниях девицы Кремер, излечения дворянки Анны Лакис и 13-летнего мальчика, явившихся результатом любопытных экспериментов последователей известного гипнотизера Месмера и Общества Гармонии, Лабзин почерпнул из немецкого журнала «Магнетический архив» и книги витебского издания «Описание Жизне-Магнетического лечения, произведенного на опыте Д. Карлом фон Гибенталем...»

Уподобляя прорицателя стоящему на горе человеку, который видит куда больше находящегося на холме, а тем более на равнине, Лабзин, тем не менее, отмечает, что «зрение у людей разное, острее и тупее: потому и на одной высоте стоящие могут видеть разное и разное»³¹. Однако, если одни с трудом понимают и толкуют те или иные полученные свыше истины, то другие, сами того не подозревая, слушают внушения «лживых духов» и совершают череду ошибок. Тогда обманываются не только ясновидцы наподобие персонажей рассказов Юнга-Штиллинга: девушки, использующей пророческий дар для соблазнения женатого мужчины, и женщины, преждевременно готовящейся к смерти, но и те, кто их окружает. Одна только непоколебимая уверенность в своей избранности Господом ввела в заблуждение даже знаменитого Сведенборга, чьи «сочинения содержат в себе много изящного, поучительного и достойного: местами попадают в них такие нелепости, что потребен многоупражнявшийся в сем деле ум, чтобы читати их без разбору»³². Во избежание подобных казусов издатель предлагает читателю задуматься о целях и задачах, преследуемых прорицателем, который со своей стороны сначала должен стать высоко нравственным, глубоко религиозным человеком, а потом уже анализировать свои идеи, согласуя их с известными фактами и представлениями.

Справедливо предупреждая христиан от заблуждений при познании всяких истин, Лабзин все-таки больше всего дорожит той сокровенной религиозностью, которая ведет человека к непосредственному общению с Богом и возлагает на верующего подвиг духовного возрождения. Видимо, именно поэтому он просит читателей не судить строго тех, кто, не встречая одобрения и претерпевая гонения за проповедническую деятельность, искренне объявляет о своих, пусть даже ложных, видениях, поскольку и ученым свойственно ошибаться, а такие откровения могут содействовать нравственному совершенствованию. Так, считая магнетизм необыкновенным явлением своего времени и не забывая о его противоречивом общественном восприятии, когда некоторые «...почитали все то за ухищрение и обман, и даже за чародейство самое гнусное и опаснейшее, и объявляли его за порождение самого ада»³³, Лабзин советует людям не делать поспешных негативных выводов. Вообще он не подвергает сомнению пользу подобных опытов, которые иногда вернее Священного Писания обращали атеистов, а не вполне ясную природу их происхождения списывает на ограниченность разума самого человека. В другой раз он отмечает несправедливое отношение к секте моравских братьев и защищавшему ее Юнгу-Штиллингу: «Обыкновенно, когда хотят помешать действиям честного человека, стараются во первых дать ему странное какое-нибудь наименование, которого иногда никто прямо и не разумет: Езуит! Гернгутер!.. Но добро ли то, что Гернгутеры живут

честно, терпеливы, трудолюбивы, ведут дни свои в братском согласии, любят Спасителя и стараются сообразоваться с религией Его в самом правлении своего общества? Нельзя ли сего примера взять иногда к подражанию? Нет, сомнительно. Почему? Потому что они – Гернгутеры»³⁴. Поскольку и просвещение, и нравственное совершенствование одинаково основаны на видениях, опытном познании, вытекают один из другого и ведут к главной цели – совершенствованию человека, Лабзин связывает их в единое целое.

Представляя процесс возрождения своеобразной лестницей и подробно останавливаясь на каждой ее ступени, издатель говорит, что в настоящее время все христиане могут осуществить эту высокую цель. Более того, лучше достойно пройти весь путь духовной эволюции, поскольку в противном случае процесс неизбежного очищения, начавшийся после смерти, будет долгим и мучительным. Однако потом он сравнивает эпоху правления римского императора Юлиана с современным положением дел, когда «возвещать что либо к славе Божией сделалось ныне не в обыкновении»³⁵. Продолжая размышлять о своем времени и ссылаясь на пространное описание Апокалипсиса Юнгом-Штиллингом, Лабзин заключает: «отрицание бытия Сатаны, невидимаго врага спасителя и человеков, учинившееся ныне почти всеобщим, пролагает путь к Антихристову учению»³⁶. Подобные суждения наводят на мысль, что среди современников Лабзина единицы согласились бы встать на путь подобного самоотречения, в то время как большинство из них совсем не думали о вечных ценностях. Но все же находились те, кто, просвещая разум, развивая душевные качества, приближался к идеалу совершенства, кто, в отличие от людей, которые не смогли или не захотели частично реализовать свои способности, получил «власть вязать и решить, очищать, отпускать, заключать врага во тьму и воззывать свет в душах»³⁷ и кто со спокойной совестью, «без сожаления, страха и с радостью» ожидал смерти, ведущую к полному преображению.

Полагая, что смерть знаменует собой завершение духовного возрождения и начало телесного воскрешения – последнего этапа на пути человека к совершенству – Лабзин задумывается над ее загадочной природой. «Семя [дерева] умирает, дух же семени в земле, чреватой верхними притечениями света и теплоты солнечной, оплодотворенной разтворительною влагою росы и дождя, сбросив с себя узы гления, продлится сквозь ее к соединению со всеобщим духом, разлитом в воздухе, и там берет себе новое тело»³⁸. Прах являет собой нечто неизменное, «соль завета вечного», которая сохраняет память о прежнем строении человеческого существа и содержит «семя» будущего тела. «Соль вечного завета» Лабзин сравнивает с пеплом, который был не просто продуктом горения тех или иных предметов, веществ, организмов, а наглядным примером испытания «огнем», символом внутренней

и внешней чистоты. При этом особое внимание он обращает на то, что полезные свойства золы находили применение в хозяйстве при очищении, промышленном производстве, когда она «... будучи же чиста и очищена огнем, служит к очищению и других веществ, и мы в домашнем быту делаем для того из нее шолок»³⁹. Сквозь призму подобных идей он представляет и погребальные обряды, характерные для Античного мира, скифо-сарматских, славянских племен, полагая, что «недаром древние сжигали тела достойных мужей и пепел их хранили в урнах...»⁴⁰ Хотя потом, вероятно, желая избежать обвинений в явном вероотступничестве или опасаясь неправильного истолкования этого двусмысленного высказывания, издатель оговаривается – «сие не значит впрочем того, чтобы и мы сжигать тела совет давали»⁴¹ – он, тем не менее, не может удержаться от осторожных замечаний насчет этого ритуала. Так, подобное действие «только служит в подтверждение многократно представленного свидетельства, что все богословские и священные обряды, в начальном своем учреждении, заключали всегда великие и весьма важные истины; и пока то означали, до тех пор и уважение заслуживали»⁴². «Соль завета вечного» Лабзин сравнивает и с обыкновенной солью, которая использовалась при консервировании и которая издавна ввиду своей незаменимости заслужила особенное отношение, закрепленное обрядом встречи гостей хлебом-солью.

В день Страшного Суда «соль вечного завета» умерших и божественная искра душ живых людей соединится с повсюду распространяющимся огнем и сожжет все, тогда же земной шар окажется светящимся кристаллом, а избранные христиане изменятся. Предстоящее действие угадывается через наблюдение самых простейших природных явлений и процессов: «Цветок нежнее и величественнее согнившего семени, из которого разцвел, бабочка прекраснее червяка, из коего она выражается... возьмем в пример смердящий навоз и благоухание трав, из перегоревшей с навозом земли произошедших»⁴³. Люди обретут новые, прозрачные тела и «кажется, желудок, кишки и различие полов, не будут там иметь места»⁴⁴. Тех, кто преобразится и достигнет совершенного воссоединения с Господом, Лабзин уподобляет зеркалам, которые, имея единственный источник света – солнце, отражают его лучи и этим усиливают сияние друг друга. Однако «иная слава солнцу, иная луне, и звезда от звезды во славе разнится. Так и блаженные разнствовать конечно будут, смотря по тому, больше ли, меньше ли кто за честь Божию сражался, подвизался, и работал...»⁴⁵ Подобно тому как одни чувства и переживания придают глазам благочестивого, милосердного человека кроткое выражение, а другие – искажают черты лица завистника, сребролюбца, гордеца, развратника до неузнаваемости, тела, по словам Лабзина, будут выражать душевные качества. Поэтому праведники, получившие ясное представление обо всех вещах и наслаждающиеся блаженством, будут на вид совершеннее других,

а самые отъявленные грешники и преступники, страдающие от внутреннего и внешнего жара, будут довольствоваться темной, словно «прокопченной» оболочкой.

Случаи телесного преображения происходили не только с библейскими апостолами, пророками, но и с простыми обывателями. В доказательство этого Лабзин рассказывает историю таинственного исчезновения женщины на глазах толпы изумленных прихожан, «причем сказано, что примечено было только некотораго рода мелькнувшее пламя, и на полу, где она стояла, самые малые признаки как бы масла»⁴⁶.

Аккумулируя представления натурфилософов, идеи Бема, согласно которым все в мире возвращается к всемирному началу – Духу и поэтому нет гибнущего, мертвого – есть только противоположенное, Лабзин олицетворяет смерть с постоянством законов природы, этим вечным круговоротом, который, воплощаясь в смене времен года, жизнедеятельности растительного и животного мира, проходит через «хаос», единую первопричину. Продолжая рассуждать о посмертном существовании и втором пришествии Спасителя, он приближается к Дю-Туа, который также говорит о прославленных телах, приходящих на смену настоящим, грубым, но относит появление идеи сожжения и преображения всего мира еще ко временам античности, а в доказательство этого предположения цитирует Овидия. Однако стремление Лабзина открыть образы божественного происхождения с помощью окружающего мира делает его суждения чрезмерно прозрачными, ясными для понимания. Так, от сравнения смерти человека с ростом деревьев, цветением растений, появлением насекомых он доходит, очевидно, основываясь на некотором внешнем сходстве, до отождествления золы и тлена, объединяет процессы гниения и горения, и, слишком упрощая, материализуя эту сложную философскую проблему, придает праху сакральный смысл – называет его «солью вечного завета».

Итак, в «Сионском Вестнике» Лабзин подобно многим другим своим современникам стремился найти выход из противоречия между национальными традициями и западной культурой с ее гуманистическими принципами, культивирующими разум. Ощущая переломный характер эпохи и общественную потребность в прочных и верных духовно-нравственных ориентирах он обращается к человеческой личности и, объясняя какое место она занимает в мироздании, говорит о Боге, душе, разуме, вере, религии и философии. Не отвлекаясь на правила нравственного поведения, житейской морали и не думая о всей сложности взаимоотношений между людьми, физическую, нравственную природу человека, а также саму его жизнь Лабзин подчиняет одной единственной цели – возрождению. Видно, как в изложение издателя постоянно вплетаются мистические идеи, основанные на принципах общехристианской этической доктрины с ее проповедью самоотречения, аскетизма. Однако, хотя Лабзин не ставит задачу выработать оригинальную

религиозно-антропологическую концепцию и, заимствуя основные идеи из мистических трактатов, не скрывает стремление популяризировать их, он творчески переосмысливает и переносит на национальную почву многие известные представления западноевропейской общественной мысли.

Примечания

- 1 Сионский Вестник. 1806. Март. С. 275.
- 2 Там же. 1818. Апр. С. 3.
- 3 Там же. 1817. Июль. С. 33.
- 4 Там же.
- 5 Там же. 1806. Март. С. 261.
- 6 Там же. 1806. Сент. С. 339.
- 7 Там же. 1817. Авг. С. 150.
- 8 *Галахов А.Д.* Обзор мистической литературы царствования Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 1. С. 100.
- 9 Там же. С. 300.
- 10 Там же. С. 307.
- 11 Сионский Вестник. 1806. Янв. С. 63.
- 12 Там же. 1818. Июль. С. 308.
- 13 Там же.
- 14 Там же. 1806. Март. С. 314.
- 15 Там же. С. 312.
- 16 Там же. 1818. Май. С. 187.
- 17 Там же. 1817. Сент. С. 376.
- 18 Там же. С. 298–299.
- 19 Там же. 1817. Авг. С. 150.
- 20 Там же. 1806. Июль. С. 20.
- 21 Там же. 1806. Февр. С. 173.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 172.
- 24 Там же. 1817. Сент. С. 294.
- 25 Там же. С. 291–292.
- 26 Там же. 1806. Авг. С. 123.
- 27 Там же. 1806. Июль. С. 8.
- 28 Там же. С. 74.
- 29 *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 132.
- 30 Сионский Вестник. 1818. Июнь. С. 342.
- 31 Там же. 1806. Июль. С. 83.
- 32 Там же. 1818. Июнь. С. 347.
- 33 Там же. 1817. Июль. С. 54.
- 34 Там же. 1806. Март. С. 365.
- 35 Там же. 1806. Янв. С. 94.
- 36 Там же.
- 37 Там же. 1818. Май. С. 172.
- 38 Там же. 1806. Авг. С. 141.
- 39 Там же. С. 138.
- 40 Там же. С. 143.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же. 1817. Авг. С. 162–163.
- 44 Там же. 1817. Авг. С. 163.
- 45 Там же. 1806. Авг. С. 145.
- 46 Там же. 1806. Авг. С. 147.

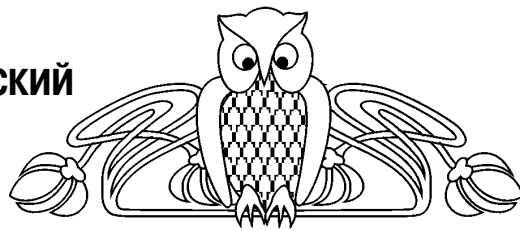

УДК 94 (47+470.44–25)/16/+929 Черново-Оболенский

ЛИЧНОСТИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: ФЕДОР ТИМОФЕЕВИЧ ЧЕРНОВО-ОБОЛЕНСКИЙ

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В центре внимания автора статьи – судьба одного из малоизвестных деятелей Смуты, оказавшегося в 1611–1612 гг. в эпицентре событий, связанных с образованием новгородско-шведского политического альянса (союза), с переговорами в Ярославле между лидерами Нижегородского ополчения и новгородцами. Автор подробно рассматривает дальнейшую судьбу этого человека, его переход на сторону правительства Михаила Романова, пребывание на посту воеводы Саратова, участие в строительстве новой крепости в Астрахани. В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова 1620-х годов.

Ключевые слова: Смутное время, Швеция, Яков Деллагарди, Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, переговоры, воевода, Новгород, Старая Русса, Саратов.

Personalities of the Time of Troubles: Feodor Timofeevich Chernovo-Obolensky

Y.N. Rabinovich

In the center of attention of the article is the life of one of the little-known figures of the Time of Troubles, who was in the center of events, related to the formation of the Novgorod-Swedish political union, and the negotiations in Yaroslavl between the leaders of the Nizhny Novgorod's militia and Novgorod's citizens. The author considers the following life of this person in detail, his joining the government of Michael Romanov, his post of voevoda of Saratov, taking part in the construction of a new fortress in Astrakhan. The article pays attention to the unknown facts of Saratov history on the left bank of the Volga in the 1620-s.

Key words: The Time of Troubles, Sweden, Yakov Delagardi, Feodor Timofeevich Chernovo-Obolensky, talks, voivode, Novgorod, Staraya Russa, Saratov.

Федор Тимофеевич Черново-Оболенский – князь Рюрикович, потомок святого Михаила Всеволодовича Черниговского – принимал активное участие в событиях Смутного времени, был стольником в Тушино, в 1611 г. присягнул шведскому королевичу Карлу Филиппу, а затем перешел на сторону Москвы, признав царем Михаила Федоровича Романова. Ф.Т. Черново-Оболенский прожил бурную и долгую жизнь, служил не только Михаилу Федоровичу, но и Алексею Михайловичу.

О родословной воеводы Ф.Т. Черново-Оболенского можно сказать следующее. Один из сыновей Михаила Всеволодовича Черниговского, Юрий Михайлович, получивший в удел Тарусу, имел пятерых сыновей, один из которых, Константин Юрьевич, стал родоначальником князей Оболенских. Князья Оболенские рано перешли

на службу Москве, уже при Дмитрие Донском участвовали в борьбе с Тверью, Литвой и Ордой.

Внук Константина Юрьевича Оболенского, Константин Иванович, погиб в 1368 г. при нашествии на Москву литовского князя Ольгерда. Его внук, Семен Иванович Оболенский, имел двух сыновей: Дмитрия Щепу (родоначальника князей Щепиных, Золотых и Серебряных) и Константина. Один из десяти сыновей последнего – Михаил Константинович Оболенский-Сухорук – являлся прадедом нашего героя, князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского.

Старший из трех сыновей Михаила Константиновича, Федор Михайлович Черный, был боярином во времена Ивана Грозного. Его младший брат, Василий Михайлович, имел сыновей Тимофея и Бориса. У Тимофея Васильевича Оболенского был единственный сын Федор, который также получил прозвище Черный или Черново.

По сведениям авторов Славянской энциклопедии, Федор Тимофеевич Черново-Оболенский родился в 1588 г.¹ Он был новгородцем по происхождению, на Новгородской земле, в Деревской пятине, находилось поместье его отца. Это поместье около 1597 г. было передано братьям Порецким. Среди документов Новгородского оккупационного архива сохранились Дачные книги Деревской пятины 1610/11 г., в которых записано: «Иван Иванов сын Порецкой Меншой, ... дано ему в 105 г. кн. Тимофеевское Оболенского 95 чети ... Иван Иванов сын Большой Порецкой... Дано в 105 г. князь Федоровского Оболенского 95 ч.»².

Во время голода в 1603 г. Федор Оболенский закабалил трех холопов (за 2 руб.)³. Достигнув 15 лет, молодой новик начал службу в качестве жильца при царском дворе Бориса Годунова в Москве (1604–1605 гг.). Позднее он получил чин стряпчего с платьем, ему был установлен оклад 25 рублей. В источниках более позднего происхождения записано: «Оболенский Федор Тимоф... старый его оклад 25 р., сыскан в Разряде в боярской книге 117 г.»⁴. Трудно сказать, от кого были получены эти пожалования: от царя Бориса, его сына Федора или Лжедмитрия I. События в Москве в это время происходили с головокружительной быстротой.

Федор Тимофеевич был свидетелем трагических событий начала XVII в. в Москве: последних дней жизни Бориса Годунова, кратковременного царствования Федора Борисовича и его смерти,

восстания москвичей 17 мая 1606 г. и убийства Лжедмитрия I.

После вступления на престол Василия Шуйского Ф.Т. Черново-Оболенский участвовал в подавлении движения Ивана Болотникова. В боях под Калугой упомянут стряпчий с платьем «князь Федор княж Тимофеев сын Черного-Оболенский»⁵. Первоначально Ф.Т. Черново-Оболенский, судя по всему, принадлежал к аристократической оппозиции Василию Шуйскому. Сохранились сведения о том, что Ф.Т. Черново-Оболенскому был установлен старый оклад (25 руб.) и что при Василии Шуйском в 1608 г. он получил придачу (15 руб.)⁶. По-видимому, эта придача к окладу – награда за бои с Болотниковым. Однако эти дополнительные пожалования не изменили отношения князя Федора к царю Василию. В 1608 г. после поражения князя Дмитрия Шуйского под Болховом и создания Лжедмитрием II тушинского лагеря Федор Тимофеевич, как и многие другие молодые дворяне, отъехал в Тушино. Как отметил современный исследователь А.А. Селин, Смутное время способствовало карьерному росту молодых служилых людей, особенно провинциалов: «Смута открыла для них невиданные перспективы личной карьеры»⁷. В Тушино Ф.Т. Черново-Оболенский занял должность стольника.

После свержения царя Василия Ф.Т. Черново-Оболенский вместе со многими бывшими тушинцами принял сторону Семибоярщины, признал королевича Владислава Московским царем (июль-август 1610 г.). Трудно сказать, при каких обстоятельствах наш герой в дальнейшем оказался в Новгороде. Скорее всего, Федор Тимофеевич прибыл в Новгород весной 1611 г. в составе отряда В.И. Бутурлина, которого лидер Подмосковского ополчения Прокопий Ляпунов отправил вести переговоры со шведами об избрании шведского королевича на московский престол⁸. Данной версии придерживается Е.И. Кобзарева, которая пишет: «Ф.Т. Черный-Оболенский, судя по всему, служил в Подмосковном ополчении»⁹.

Переговоры между новгородцами и представителем Подмосковского ополчения В.И. Бутурлиным, с одной стороны, и шведским военачальником Яковом Делагарди – с другой, зашли в тупик. Воспользовавшись беспечностью новгородцев, шведы в ночь на 16 июля 1611 г. захватили Софийскую сторону города и вынудили новгородского воеводу И.Н. Одоевского и митрополита Исидора подписать соглашение (договор от 25 июля), по которому новгородцы признали покровительство шведского короля, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский престол шведского королевича. В качестве главного воеводы в Новгороде оставался Яков Делагарди, в подчинении которого находился новгородский воевода И.Н. Одоевский.

Летом–осенью 1611 г. после захвата шведами Новгорода и формирования шведско-

новгородского правительства Делагарди – Одоевского многие из дворян, прибывших в 1610–1611 гг. в Новгород из центра страны в составе отрядов И.М. Салтыкова, С.Г. Звенигородского и В.И. Бутурлина, оказались перед выбором: что делать дальше? Под Москвой в это время после убийства казаками дворянского предводителя Прокопия Ляпунова произошел распад ополчения; большинство дворян, опасаясь репрессий, разъехалось из-под Москвы. В Подмосковном ополчении, которое теперь возглавил казачий атаман И.М. Заруцкий, остались в основном казаки и москвичи. Можно полагать, что Ф.Т. Черново-Оболенский и другие дворяне, приехавшие из центра страны, – все эти люди, оставшиеся в Новгороде, сознательно предпочли его переживавшему раскол Подмосковному ополчению¹⁰.

Федор Тимофеевич в это время стал активным поборником идеи избрания шведского королевича на русский престол. В декабре 1611 г. в Швецию было отправлено новгородское посольство во главе с архимандритом Никандром. Новгородские послы в Стокгольме должны были вести переговоры об условиях избрания шведского королевича «на Новгородское государство, а также на Владимирское и Московское». Текст приговора новгородцев об избрании шведского королевича от 25 декабря 1611 г. сохранился. К этому приговору приложили руку некоторые прибывшие в Новгород дворяне Подмосковского ополчения, в том числе поставил свою подпись кн. Ф.Т. Черново-Оболенский¹¹.

После того как город был захвачен шведами, в Новгороде было произведено выделение поместий ряду лиц, которые ранее не имели владений в Новгородской земле. Пожалование получил среди прочих Ф.Т. Черново-Оболенский. Федор Тимофеевич получил оклад 700 четей (четь, или четверть, – единица площади земли). Е.И. Кобзарева впервые ввела в научный оборот более сотни документов из Стокгольмского государственного архива, в том числе Дачную книгу Шелонской пятины 1611–1612 гг. В результате тщательного анализа данного источника Е.И. Кобзарева приводит следующие сведения: «Ф.Т. Черново-Оболенский: размер оклада – 700, получил – 239, недодано – 461»¹². Известно, что ещё до 1613 г. Федору Оболенскому и Курапу Мякинину были пожалованы поместья Лобана Лугвенева в Водской пятине в Будковском, Лужском и Хрепельском погостах¹³. Федору Тимофеевичу было пожаловано также поместье Андрея Трусова в Обонежской пятине. Сохранилась челобитная Федора Оболенского, в которой он просил освободить от податей пожалованное ему поместье Андрея Трусова в Обонежской пятине. Новгородские власти приняли решение «...немецких кормов до указа не имати за его службу и разоренье»¹⁴.

В конце 1611 г., когда шведы окончательно утвердились в своей власти, они организовали централизованный сбор кормов с поместий

руками своих сторонников из русских людей. В основном этим делом занимались те, кто сознательно делал ставку на избрание Карла Филиппа на русский престол. Среди выявленных сборщиков кормов почти половина подписалась под приговором 1611 г. об избрании шведского королевича на русский престол, получив при этом дополнительные земельные пожалования. Новгородское руководство стремилось обеспечить в первую очередь тех, кто оказывал активную политическую поддержку созданному режиму. В Новгороде к этому делу были привлечены дворяне во главе с выходцами из Подмосковного ополчения князем Ф.Т. Черново-Оболенским и С.Е. Отрепьевым. Подъячий Федор Ларионов в своей челобитной в Новгород в декабре 1611 г. писал, что он «... послан был в Оштинской стан с князем Федором Оболенским ... приводить к крестьянину целованию и для денежного сбора». Также сами крестьяне Воскресенского Важенского погоста Оштинского стана позднее писали, что «в 120 году (1611/1612 гг.), приезжал к нам по твоему государеву указу приводит нас к крестному целованию князь Федор Тимофеевич Оболенской да Иван Захарьевич Лутохин с товарищи. И мы ... в своем Важенском погосте тебе, государю королевичу Карлу Филипу Каролевичу, крест целовали»¹⁵.

Весной-летом 1612 г. представители Подмосковного ополчения, оставшиеся в Новгороде, в основном были поглощены проблемой возведения одного из сыновей Карла IX на московский престол. По мнению Е.И. Кобзаревой, именно этим служилым людям практически полностью принадлежала заслуга в установлении контактов с Нижегородским ополчением Минина и Пожарского, а также в переговорах относительно шведской кандидатуры¹⁶. Эти переговоры с князем Д.М. Пожарским летом 1612 г. со стороны новгородцев возглавлял Ф.Т. Черново-Оболенский.

Весной 1612 г. ополчение Минина и Пожарского прибыло в Ярославль. Отсюда Пожарский отправил в Новгород Степана Лазаревича Татищева. При этом бояре в Ярославле просили прислать к ним новгородских послов «вскоре, не замешкав», вместе со С. Татищевым и его спутниками¹⁷. Из Новгорода в Ярославль вместе с Федором Тимофеевичем Черново-Оболенским были отправлены игумен Геннадий и С.Е. Отрепьев. В Отписке кн. Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы новгородскому митрополиту Исидору впервые указываются полностью имена посланцев: «Никола Чудотворца Вяжицкого монастыря игумен Геннадий, да стольник князь Федор Тимофеевич Черной Оболенский да дворянин Смирной Елизарьевич Отрепьев, и дворяне из пятин и торговые люди»¹⁸. По подсчетам А.А. Селина послы выехали из Новгорода в Ярославль 8 июня. Эти люди представляли «шведскую партию», которая в то время была достаточно сильной в Новгороде.

Путешествие из Новгорода до Ярославля

было длительным и опасным. К этому времени Федор Тимофеевич имел семью в Новгороде (жену Марию и малолетнего сына), поэтому он переживал за их судьбу. Сохранилась челобитная Ф.Т. Черново-Оболенского к воеводе И.Н. Одолевскому с просьбой дать его жене, сыну и людям хлеба «в то время как он ездит для государева земского дела в Ярославль»¹⁹. Было принято положительное решение, в июне 1612 г. семье выдано 15 четвертей ржи.

Новгородские посланцы прибыли в Ярославль не позднее 24 июня. Эта дата определяется из следующих строк документа: «... королевич пришел на Иван день в Выборг или кончае на Петров день будет»²⁰. Из этих слов видно, что переговоры проходили между 24 и 29 июня (между Ивановым и Петровым днем). Новгородцы привезли с собой грамоту, в которой сообщалось о согласии короля и его матери отпустить на Новгородское государство Карла Филиппа, а также другие документы: копию договора новгородцев с Делагарди от 25 июля 1611 г., копию грамоты, которую дал Делагарди новгородцам, копию с грамоты и с приговора, отправленного из-под Москвы Прокопием Ляпуновым в июне 1611 г. и статейный список, также отправленный из-под Москвы. Эти документы ранее не были известны лидерам Нижегородского ополчения.

О ходе переговоров между новгородцами и Д.М. Пожарским мы узнаем из грамоты, отправленной из Ярославля в северные города. Получив данную грамоту, жители северных городов, в частности, Великого Устюга, отправили список с нее в другие города (Соль Вычегодскую) для ознакомления²¹. В данной грамоте дается полное имя руководителя посольства новгородцев – Федор Тимофеевич Черново-Оболенский. В «Новом летописце» он назван кратко – Федор Оболенский²². Все исследователи, говоря о переговорах Новгорода с Ярославлем в 1612 г., включая С. Смирнова, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, П.Г. Любомирова, так кратко и называют его²³. Полное имя Ф.Т. Черново-Оболенского мы встречаем лишь в статье В. Корсаковой о Д.М. Пожарском и в работе Г.А. Замятина²⁴. Из саратовских краеведов впервые обратил внимание на связь руководителя переговоров в Ярославле с будущим воеводой Саратова А.А. Гераклитов²⁵.

Ход самих переговоров изучен хорошо, поэтому нет смысла подробно останавливаться на них. Интересно отметить лишь несколько моментов. Говоря о приглашении новгородцами шведского королевича, Федор Тимофеевич отметил, что Новгород действовал не самовольно, а по указанию Прокопия Ляпунова. Затем он сказал о цели своего посольства: «Новгород от Москвы никогда не был отлучен», поэтому на Земском соборе в Ярославле выборные должны избрать на Московское государство Карла Филиппа. Однако Пожарский в ответ заметил, что королевича еще нет в Новгороде, поэтому соединиться опасно, при

этом он привел пример с поляками (переговоры москвичей с Жолкевским об избрании Владислава, который так и не прибыл в Москву).

Ф.Т. Черново-Оболенский, сравнивая действия шведов и поляков, убеждал Пожарского, что от шведов не будет никакого разорения. Однако Д.М. Пожарский и митрополит Кирилл, изучив документы, привезенные из Новгорода, обратили внимание, что королевич не православной веры, а Федор Тимофеевич в первой речи умолчал о вере королевича. В договоре новгородцев с Делагарди об этом также ничего не было сказано. Еще при отправке в Новгород С.Л. Татищева ему был дан наказ – узнать о вере королевича. Это главное требование – королевич должен креститься в православную веру²⁶. Поэтому Д.М. Пожарский твердо поставил два предварительных условия, на каких члены Земского собора согласны договариваться с Новгородом: прибытие королевича в Новгород и принятие им православной веры. В ответ Федор Тимофеевич сказал, что новгородцы будут просить, чтобы Карл Филипп принял православие. На прощание Ф.Т. Черново-Оболенский произнес знаменательные слова: «Если только Карл королевич не захочет быть в православной христианской вере греческого закона, то не только с вами, боярами и воеводами, и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры, государя не хотим»²⁷.

Из переговоров с Ф.Т. Черново-Оболенским Д.М. Пожарский мог сделать и другой вывод: если Карл Филипп не будет избран на русский престол (это могло произойти в случае, если королевич не примет православие, не приедет в Новгород, либо из-за нежелания членов Земского собора), то часть детей боярских, в том числе и сам князь Федор Оболенский, покинут Новгород и будут сражаться вместе с ополченцами против шведов. Федор Тимофеевич не был сепаратистом, он был убежденным сторонником сохранения Новгорода в составе Российского государства.

Пока же разрыва с Новгородом не последовало. Лидеры ополчения дали понять Федору Тимофеевичу и другим послам, что на указанных условиях (скорейшее прибытие королевича в Новгород и его православная вера) они готовы продолжать переговоры и избрать Карла Филиппа московским царем. Пожарский и бояре писали новгородцам: «...пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать»²⁸.

Новгородские послы во главе с Ф.Т. Черново-Оболенским вернулись в Новгород в середине августа 1612 г. вместе с послами князя Д.М. Пожарского. В Новом Летописце сообщается, что «послаша к новгородцам с присланными от них

Перфирия Секирина»²⁹. 13 августа из Новгорода для их встречи и для сбора кормов членам посольства был отправлен по Бельской дороге подъячий Михаил Кудрявцев с наказом: «Ехать до Прилук или где доведетца встретить Послы: Вяжицкого монастыря игумена Геннадия, стольника князя Федора Тимофеевича Черного Оболенского, дворянина Смирного Елизарьевича Отрепьева с товарищи да московского государства ... посланника Перфирия Ивановича Секерина с товарищи»³⁰. В письме Делагарди королю от 23 августа 1612 г. говорится, что новгородцы и ярославцы уже прибыли в Новгород за несколько дней до отправки этого письма³¹.

Послы привезли ответ из Ярославля относительно королевича, из которого видно, что у Собора было серьезное намерение избрать в цари Карла Филиппа. В письмах к Делагарди и к митрополиту Исидору Д.М. Пожарский и бояре согласились пока не выбирать никого, ждать королевича этим годом, «по летнему пути», до осени; они также согласны держаться приговора Ляпунова, однако намекают, что в случае задержки выберут царем другого: «нам без государя быть невозможно»³².

Эта посольская служба Федора Тимофеевича была высоко оценена в Новгороде. 3 сентября 1612 г., приблизительно через две недели после возвращения в Новгород, новгородское правительство пожаловало дополнительными земельными владениями Ф.Т. Черново-Оболенского и С.Е. Отрепьева за ведение переговоров с Д.М. Пожарским: «Сентября в 3 день дана отдельная грамота кн. Федору Оболенскому да Смирному Отрепьеву на старорусское поместье в Чертицком погосте, что осталось за отделом у Ивана Якушкина, да в Ляцком погосте в селе Боброве. На кн. Федоре взят перевод до Дмитриева дня»³³. В дальнейшем Ф.Т. Черново-Оболенский получил также поместье Лобана Лугвенева.

Сохранилась челобитная Федора Оболенского, Смирного Отрепьева и Ивана Якушкина боярам, в которой они просили уменьшить непомерно большой обещанной оклад в их поместьях в Старорусском уезде (у них было в тягле 10 обож). Обжа – мера пахотной площади и одновременно – единица налогообложения. Федор Тимофеевич «с товарищи» жаловались, что у них на обжу положили по 10–12 мужиков, тогда как у других помещиков – в два–три раза больше (по 25–30 мужиков). Соответственно им приходилось платить намного больше налогов³⁴.

В дальнейшем мы встречаем Федора Тимофеевича на самых ответственных постах в новгородской администрации. Именно Ф.Т. Черново-Оболенскому было поручено проведение в марте 1613 г. в районе Старой Русы смотра детей боярских, призванных на службу в Новгород и стоявших на «подъезде» к Новгороду. Сохранился список этих людей, охватывающий все новгородские пятинны: «Марта в ... день. Дворяне и дети боярские быти им на государеве службе

с столником и воеводою со князем Федором Тимофеевичем Чорным Оболенским...»³⁵ На этом смотре присутствовало 227 детей боярских, т.е. половина из находившихся в Новгороде во время захвата его шведами в 1611 г. (летом 1611 г. в Новгороде находились 4 дворянские сотни, всего 450 дворян)³⁶. У тех лиц, которые не прибыли на смотр («нетчики»), отбирались поместья, которые передавались другим детям боярским. В ряде документов перечисляются лица, отсутствующие на смотре: «И в списке, каков прислал из Старые Русы князь Федор Оболенской в нынешнем во 121 году марта в 14 день написано...»³⁷

Из собравшихся 227 человек отряд, включавший 101 человека, выступил в поход во главе с Ф.Т. Черново-Оболенским. По мнению Е.И. Кобзаревой, отряд Федора Тимофеевича присоединился к шведскому войску Э. Горна и направился к Пскову. Однако войска, располагая ограниченными силами, не рискнули совершить нападение на крепость. Э. Горн писал королю, что «пошедший в поход князь Федор» сообщил, что новгородцы предполагают совершить какое-то мошенничество. Дети боярские стали дезертировать, пока их не осталось 50 человек³⁸.

Сведений о дальнейшей судьбе Ф.Т. Черново-Оболенского имеется чрезвычайно мало. Можно предположить, что этот неудачный поход весной 1613 г. повлиял на его карьеру. Также следует учесть и избрание в Москве царем Михаила Романова, при этом многие бывшие соратники Федора Тимофеевича присягнули новому царю. Вскоре начались восстания в Новгородской земле против шведов (Тихвин, Гдов, Порхов).

Летом 1613 г. в Выборг прибыл, наконец, шведский королевич Карл Филипп. Новгородцы отправили к нему очередное посольство во главе с архимандритом Киприаном. Однако состав тех, кто подписался под новым приговором, заметно отличался от состава новгородцев, в свое время приложивших руку к приговору в декабре 1611 г. Нет подписи под приговором 1613 г. и князя Ф.Т. Черново-Оболенского, все еще находящегося в Новгороде. Как отмечает Е.И. Кобзарева, представители Подмосковного ополчения, в том числе Ф.Т. Черново-Оболенский, «стали явно тяготеть к Москве, ... начали отходить от политики. Только опасение, что царь может не удержать власть и личное благополучие (наличие поместья, которое, впрочем, приносило все меньше дохода), препятствовало их отъезду в московские полки»³⁹. Многие новгородцы с этого времени не только уклонялись от участия в боевых действиях на стороне шведов, но и бежали к москвичам. Их имущество после переписи и оценки поступало в распродажу. Так, после бегства в конце сентября 1613 г. Григория Загоскина уже в начале октября в ходе распродажи его имущества Ф.Т. Черново-Оболенский купил «медведно деланую болшое... Медведно черное полполтины. Продано князю Федору Оболенскому, денги взяты по цене»⁴⁰.

Чтобы предотвратить это бегство, шведы заставляли новгородцев составлять поручные записи за других жителей. Поручитель в случае бегства человека, за которого он ручался, рисковал своим имуществом. В январе 1614 г. Ф.Т. Черново-Оболенский вместе с другими дворянами подписался за Ефима Федоровича Мышецкого⁴¹. Имя Федора Тимофеевича стоит в этом списке первым, что подчеркивает значение его подписи. Его подпись стоит и в поручной записи от 20.11.1613 г. о невыезде за рубеж Тушиных, Лупандиных и Нарбековых⁴².

Однако бегство служилых людей из Новгорода продолжалось. При этом теперь стали бежать и поручители. 14 июня 1614 г., когда московское войско Д.Т. Трубецкого подошло к Новгороду, шведский военачальник Яков Делагарди отправил к москвичам для переговоров Федора Тимофеевича и других новгородцев. Судьба вновь свела бывших тушинцев и бывших соратников по Подмосковному ополчению. Ф.Т. Черново-Оболенский так и не вернулся в Новгород, перешел на службу царю Михаилу. Вместе с ним остались у москвичей и многие другие новгородцы. Об этом Д.Т. Трубецкой сообщал в Москву в июне 1614 г.: «Июня, государь в 14 день выехал к тебе, государю... из Новгорода от немецких людей из-за Мсты реки из Самойлова полку Кобриня и приехал к нам, холопом твоим, на Бронницы князь Федор княж Тимофеев сын Оболенский...»⁴³ Семья Ф.Т. Черново-Оболенского (жена Марья и сын) осталась в Новгороде. Имя жены Федора Тимофеевича указано в сентябре 1614 г. среди других имен вдов, которым по приказу дьяка Монса Мортенсона должны были давать хлеб⁴⁴.

Две дочери погибшего ранее Никиты Назимова писали в 122 г. (1613/1614) про своих дядей Бестужевых, которые должны были заботиться о них: «Ныне тех наших дядей со князем Федором Оболенским грабили шиши и свели с собою»⁴⁵. Эту фразу можно понимать двояко. А.А. Селин считает, что этих «шишей» возглавлял сам Федор Оболенский. Авторы Славянской энциклопедии пишут, что Ф.Т. Черново-Оболенский «в 1615 г. упоминается источниками, как уведенный из своего поместья шишами»⁴⁶. Речь в данном случае идет об одном и том же источнике, в котором говорится о событиях, происходивших в 122 г., т.е. до 1 сентября 1614 г. Редко удается точно определить, действительное или мнимое насилие было при взятии данного лица в плен. Возможно, переход Федора Тимофеевича на сторону Москвы в июне 1614 г. был вначале воспринят новгородскими властями, как захват его в плен, поэтому репрессий к его семье в Новгороде не было.

После того как Федор Тимофеевич «отъехал за рубеж», его поместье было передано другим людям, которые продолжали служить шведам. Поместье Лобана Лугвенева, которое было ранее передано Ф.Т. Черново-Оболенскому и Курапу Мякинину, после их «измены» в 1614 г. получили

Ф.М. Аничков и дьяк Пятой Григорьев. В ряде документов говорится про бывшие поместья Ф. Оболенского и К. Мякина в Будковском, Лужском и Хрепельском погостах, а также про «опальный хлеб князя Федора Оболенского»⁴⁷. Сам же Ф.Т. Черно-Оболенский уже в сентябре 1614 г. состоял стольником при дворе Михаила Романова и получал жалование в Галицкой четверти. Ему был установлен оклад в 40 руб., что было зафиксировано в московском документе: «Оболенский Федор Тимоф., стольник. 123 г. 30 сентября велено записать его в 40 рублях: старый его оклад 25 р.,... а 15 р., придача, что было придано при царе Василии, велено справить по разрядному списку стольников, стряпчих и дворян московских»⁴⁸.

На протяжении осени 1614 – весны 1615 г. не прекращалось верстание денежными окладами бежавших из Новгорода детей боярских⁴⁹. Известно, что 30 июня 1615 г. Федор Тимофеевич вместе с другими стольниками, стряпчими и жильцами в Разряде подтвердил оклад Артемия Пуляева и «руку приложил»⁵⁰. Перед этим он 20 июня 1615 г. получил 15 руб. государева жалования «для скудости», после чего был отправлен в Ярославль, собирать ратных людей, чтобы с ними «идти на государеву службу под Смоленск»⁵¹.

Как Федор Тимофеевич выполнял эту задачу по сбору ратных людей, участвовал ли он в боевых действиях под Смоленском – неизвестно. В это самое время (в начале июля 1615 г.) с севера к Москве подходили казачьи отряды из войска атамана Баловня (Михаила Баловнева), которые грабили все на своем пути, забирая с собой многих местных жителей. Казаки выдвигали перед правительством ряд требований, осадили Москву, но в итоге были разбиты боярином Б.М. Лыковым в воскресенье, 23 июля⁵². Ф.Т. Черно-Оболенский сыграл определенную роль в подавлении движения Баловня. Во всяком случае, уже на следующий год Федор Тимофеевич получает щедрые пожалования от правительства. В 1616 г. Ф.Т. Черно-Оболенский записан в стольниках с окладом уже в 100 руб.: «Князь Федор княж Тимофеев Оболенской, поместный ему оклад – ... четей, из чети 100 рублев»⁵³. В этом документе он стоит на 91-м месте между Н.И. Ласкиревым и Ю.А. Сицким (всего перечислены 116 стольников).

Дальнейшая судьба нашего героя связана с городом Саратовом. Сведения о назначении Ф.Т. Черно-Оболенского в Саратов сохранились в Книгах разрядных. Саратов в этих источниках упоминается начиная с 1617 г. За этот год имеется следующая запись: «В понизовых городех: На Саратаре (sic) воеводы князь Федор княж Иванов сын Черно-Оболенской». По-видимому, дьяки Разрядного приказа допустили здесь ошибку в отчестве. Записи за 1618 и 1619 гг. уже содержат другие сведения: «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черно-Оболенской»⁵⁴.

Ф.Т. Черно-Оболенский находился в Саратове довольно долго, не менее трех лет, с 1617 до 1620 г. События завершающего периода Смуты в центре страны происходили уже без его участия. Ему не пришлось участвовать в обороне Москвы от войск королевича Владислава, его имя отсутствует в Осадном списке 1618 г.⁵⁵.

По-видимому, именно Федор Тимофеевич возглавлял строительство левого бережного Саратова в устье реки Саратовка и был первым его воеводой. Будучи воеводой в Саратове, Ф.Т. Черно-Оболенский встречал в начале июля 1618 г. царского посла в Персию к шаху Аббасу князя Михаила Петровича Борятинского и персидских послов «Кай салтана и Булат бека». Этот посольский караван отплыл из Казани 22 июня, через дней десять сделал остановку в Саратове, а 11 июля 1618 г. уже прибыл в Астрахань⁵⁶.

Только летом 1620 г. Федора Тимофеевича сменил на посту саратовского воеводы Ефим Федорович Мышецкий. В Книгах разрядных записано: «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черно-Оболенской; и с Саратова князь Федор отпущен к Москве, а на его место во 128 году послан с Москвы князь Ефим княж Федоров сын Мышетцкой, ... послан во 128 году в июле»⁵⁷. Можно представить, при каких обстоятельствах происходила эта смена воевод.

30 июля 1620 г. из Астрахани в Казань отправился большой караван, в составе которого находились прежние астраханские воеводы Андрей Андреевич Хованский, Алексей Михайлович Львов и их помощники – знаменитый дьяк Иван Тимофеев и Иван Грязев. Этим же караваном везли на 12 стругах государеву рыбу, плыли также «русские торговые люди на больших судах и в кладных стругах с рыбою и солью и с товары, да тезиков (купцов) едет человек с тридцать с товары ж». Список будет полным, если к нему добавить членов посольства М.П. Борятинского вместе с гробом самого посла, умершего в Персии ещё полтора года назад, 15.12.1618 г., персидского посла Булат-бека со свитой, персидского же купца Ага Асана с товарами. Персы везли с собой в подарок царю Михаилу Федоровичу живого слона («а слона велено отпустить с кызылбашским послом»). Караван сопровождал крупный отряд стрельцов. Такая предосторожность не была излишней в связи с участившимися случаями нападения донских и волжских казаков на караваны на Волге.

Этот караван прибыл в Саратов во второй половине августа 1620 г., примерно через 20 дней после отплытия из Астрахани. Тогда же из Москвы приехал в Саратов новый воевода Ефим Мышецкий. Из Саратова «на легком стружку канун Семена дня» (около 1 сентября) отправились гонцы в Казань: «торговые люди свияженин Ларя Онтипин и казанский посадский человек Якуш Минин», которые, прибыв в Казань 12 сентября, доложили местным воеводам, что караван «пошел с Саратова того же дни» (Семен день), а при-

бытие его в Казань ожидается к Покрову Святой Богородицы⁵⁸. Можно предположить, что Федор Тимофеевич убыл из Саратова в начале сентября 1620 г. вместе с этим караваном и 25–26 сентября прибыл в Казань, откуда направился в Москву.

После Саратова Ф.Т. Черново-Оболенский в 1622–1623 гг. был воеводой в Ржеве Володимировой: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Чорного-Оболенской». Он сменил в этом городе воеводу Н.Н. Гагарина⁵⁹. Здесь Федор Тимофеевич находился до прибытия нового воеводы Ф.С. Вельяминова: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской; и князь Федор отпущен, а во Ржеве велено быть воеводе Федору Семенову сыну Воронцову-Вельяминову»⁶⁰.

В 1625 г. мы видим Федора Тимофеевича уже на южных рубежах: он командовал в Мценске «прибылым» полком. В Книгах разрядных приведен текст наказа, который был отправлен дьяками Разрядного приказа «в прибылой полк во Мценск к воеводам ко князю Федору Чорному-Оболенскому да к Ондрею Совину Лета 7133, марта в 30 день». Согласно этому наказу, срок прибытия Ф.Т. Черново-Оболенского в Мценск был указан «Вербное воскресенье, апреля в 10 день». Почти одновременно с Федором Тимофеевичем в мае 1625 г. воеводой в Мценск был назначен Степан Васильевич Чемесов⁶¹. В одном из документов Разрядного приказа приводятся сведения о тех мерах, которые правительство Михаила Романова предпринимало по отношению к дворянам, не явившимся на службу к Федору Оболенскому в Мценск⁶². Только в октябре 1625 г. Федору Тимофеевичу была отправлена грамота о возвращении в Москву: «Из прибылого полку, изо Мценска, отпустить к Москве воеводу князь Федора княж. Тимофеева сына Чернаго-Оболенскаго»⁶³.

После Мценска Ф.Т. Черново-Оболенский несколько лет находился в Москве: в 1626–1627 гг. в чине дворянина московского он неоднократно приглашался к столу патриарха и государя. Все записи сходные: «Августа в 15 день на праздник Успения пречистыя Богородицы... царь ... у отца своего... Филарета в столовой в патриаршей палате; у стола были ... дворяне: ... Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской» или «у Государя ... Михаила Федоровича ... был стол, по золотой подсенной палате ел у государя отец его... у стола были ... дворяне ... Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской»⁶⁴.

В 1627 г. в отсутствие царя Федор Тимофеевич оставался в Москве «для ее бережения», что говорит о высоком доверии к нему со стороны государя, а 14 сентября 1628 г. он присутствовал при дворе на приеме персидских купцов⁶⁵. Дворцовые разряды сообщают об участии Федора Тимофеевича 17–24 февраля 1630 г. на приеме («при приезде, в ответе и отпуске») шведского посла «Антоня Монира»⁶⁶.

В марте 1631 г., как специалиста по строительству укреплений Ф.Т. Черново-Оболенского отправили в Астрахань. В Дворцовых разрядах сохранилась следующая запись: «Марта в 30 день... да для городского дела сказано в Астрахань: князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской да дьяк Михайло Патрикеев»⁶⁷. В апреле с началом навигации на Волге Федор Тимофеевич отплыл из Нижнего Новгорода к новому месту службы. Его маршрут по Волге в апреле-мае 1631 г. проходил через Саратов. Та саратовская крепость, в строительстве которой принимал участие Федор Тимофеевич 14 лет назад, сильно пострадала от нападений татар. Укрепления её стали ненадежными и недостаточными. Когда Федор Оболенский по пути в Астрахань в мае 1631 г. останавливался в Саратове, строительство новой саратовской крепости уже шло полным ходом под руководством воеводы Степана Васильевича Чемесова. Аналогичное «городовое дело», но в более крупных размерах, предстояло предпринять в Астрахани Федору Тимофеевичу. Отдохнув несколько дней в Саратове у старого соратника по совместной службе в Мценске 1625 г., Федор Тимофеевич отправился дальше в Астрахань.

Адам Олеарий, немецкий ученый-энциклопедист, секретарь и советник голштинского посольства в Россию и Персию, впервые увидел Астрахань 15 сентября 1636 г. и оставил следующее описание: «Город этот впоследствии тиран (Иван Грозный) укрепил толстой каменной стеною, а нынешний же великий царь (Михаил Федорович) велел расширить его и построить около него Стрелецкий город (Strelitzta gorod) или часть, где живут стрельцы»⁶⁸. Это указание царя Михаила Федоровича о расширении города и постройке Стрелецкого города в 1631 г. начал выполнять Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, за пять лет до прибытия Олеария в Астрахань. На гравюре А. Олеария восточнее Кремля, между Кремлем, Белым городом и Татарским городом обозначен под буквой «С» прямоугольник с четырьмя угловыми башнями с надписью «Der Strelit-prouiant haus». После строительства, предпринятого Федором Оболенским, в Астрахани, по словам Олеария, стало значительно больше стрельцов: «9 приказов, каждому из которых принадлежит 500 стрельцов».

Сведений о Федоре Тимофеевиче и о его деятельности за период с 1632 по 1639 г. пока не найдены. В 1640 г. мы видим его на воеводстве далеко на севере, в Кольском остроге. 1 декабря 1642 г. во время приема датского посла М. Шляка («графа Магияша Шлякова») Федор Тимофеевич встречал его в сенях перед Золотой палатой⁶⁹. В июне 1643 г. Федор Оболенский уже в преклонном возрасте был послан воеводой под Темников и Ломов против ногайцев⁷⁰. 16 января 1648 г. Ф.Т. Черново-Оболенский упоминается в чине свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Ильинишны Милославской: «шел за санями

государыни»⁷¹. Умер Федор Тимофеевич около 1650 г. без потомства.

Хочется надеяться, что эта попытка воссоздания биографии князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского, жившего на переломном этапе отечественной истории, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, позволит полнее представить образ этого деятеля Смутного времени, возбудит интерес к событиям Смуты – периоду истории, на долгие годы определившему судьбу страны.

Примечания

- 1 Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. Т. 2. Н–Я / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 54.
- 2 Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1:38. Л. 3-5. Данный документ из Новгородского архива, как и все последующие, указаны автору этих строк А.А. Селиным.
- 3 См.: *Кобзарева Е.И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). № 9 (19). СПб., 2003. С. 361; См. также: Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1938.
- 4 *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Чтения в обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 315.
- 5 Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин; Ин-т российской истории. М., 2003. № 39. С. 137.
- 6 См.: *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 315.
- 7 *Селин А.А.* Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 39; См. также: *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999. С. 551.
- 8 См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей Т. 14. Первая половина (далее – Новый летописец). СПб., 1910. С. 110, 112. Гл. 264, 270.
- 9 *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 136, 175, 180.
- 10 Там же. С. 136.
- 11 См.: Приговор митрополита Исидора, князя И.Н. Большого Одоевского, земских чинов. 25 декабря 1611 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 162. С. 284.
- 12 *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода.... С. 136, 192.
- 13 См.: Роспись, сколько в Водской пятине дворянам и детям боярским и вдовам и недорослям дано поместий по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича Делегарда да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского в нынешнем во 122 г. // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–22.

- 14 См.: Дело по челобитной стольника кн. Ф. Черново-Оболенского о невзимании кормов с его поместья в Обонежской пятине вконец разоренного литовскими людьми. 1612, мая // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 38-40.
- 15 Челобитная боярам и воеводам подьячего Федки Ларионова о даче денег из государевой казны. 1611. Декабря 28 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 4; См также: Дело по челобитной крестьянина Приезжего Михеева... 1612. 22.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 28-31.
- 16 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 136.
- 17 См.: Отписка устюжан к вычегодцам, с приложением трех отписок к воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищами: от Новгородского Митрополита Исидора, о немедленном отправлении из Новгорода в Ярославль посланников с полномочием, для совещания об избрании шведского королевича на Российский престол; от воеводы князя Одоевского и всех новгородцев о том же; от шведского полководца де ля Гарди о согласии его послать в Ярославль опасный лист для беспрепятственных сношений князя Пожарского с новгородцами. 1612 года в июне // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 208. С. 352–358.
- 18 Новый Летописец. С. 121 (Гл. 299. «О послах из Новагорода»); См. также: Отписка кн. Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы митрополиту Исидору. [1612 г.] // ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 362.
- 19 Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланного в Ярославль кн. Ф.Т. Черново-Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 81, 85.
- 20 Отписка устюжан к вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф.Т. Черново-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. Т. 2, № 210. С. 370.
- 21 Там же.
- 22 Новый Летописец. С. 121.
- 23 См.: *Смирнов С.* Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852. С. 38; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 734; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1994. С. 723; *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 142.
- 24 См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 52; *Корсакова В.* Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович // Русский биографический словарь: Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. С. 228.
- 25 См.: *Герасимов А.А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 65.
- 26 См.: Окружная Грамота (в списке) Военачальника Князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Сибирские

- города: о происшествиях в Великом Новгороде и о присылке к нему в ополчение выборных от всякого чина людей с полномочием для советования с новгородскими посланниками, избрать ли на Российское Царство шведского Королевича Карла Филиппа. 1612 года, июня 10 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). СПб., 1819. Т. 2. № 282. С. 598–599; См. также: ААЭ. Т. 2. № 208. С. 352–358.
- 27 ААЭ. Т. 2, № 210. С. 370.
- 28 ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290
- 29 Новый Летописец. С. 121.
- 30 Грамота бояр и воевод подьячому Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.
- 31 См.: Донесение Якова Деллагарди Густаву Адольфу. 1613. 23.8 // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – Сб. НОЛД). Новгород, 1911. Вып. V. С. 15.
- 32 ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290
- 33 Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Водской, Шелонской и Деревской. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:100. С. 4–5.
- 34 См.: Челобитная Федора Витовтова, Андрея Шаховского о том, переписывать ли им заново поместья Ивана Якушкина, Смирного Отрепьева и князя Федора Черного Оболенского // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 81.
- 35 Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170-B. Л. 11.
- 36 См.: *Седов П.В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. 1993. № 4 (14). С. 121.
- 37 Дело по челобитной Григорья Ондреева с. Ресницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 44.
- 38 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 258.
- 39 *Кобзарева Е.И.* Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // Новгородика-2006: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2007. С. 186.
- 40 Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10 – 1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2: 101-B. Л. 3, 8–9.
- 41 См.: Поручная запись кн. Ф.Т. Черново-Оболенского и др. лиц по кн. Ефиме Федорове с. Мышецком в том, что быть ему в Новгороде и не отъехать в «изменные» города. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18–19.
- 42 См.: Поручная запись новгородских детей боярских по Богдане и Федоре Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128; Поручная запись о невыезде за рубеж Лупандиных и Нарбековых. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–18.
- 43 *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Тр. Воронеж. гос. ун-та. 1926. Т. III. С. 63; *Он же.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 227 (Из истории борьбы Швеции и Польши...), с. 369 (Борьба за Псков...); см. также: Отписка кн. Д.Т. Трубецкого царю. 1614 г. // РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. № 1. Л. 101.
- 44 См.: Память Ф.Н. Неклюдову и подьячому Б. Бересскому о даче хлеба вдовам детей боярских. 1614. 12.09 // RA, NOA. Serie 2: 289. Л. 1.
- 45 Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и князя Ивана Одоевского. 1615, апрель // ДАИ. Т. 2, № 40. С. 69.
- 46 *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 466; *Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. Н–Я.* С. 54.
- 47 Память Г.С. Оболянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Оничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA. Serie 2: 148. Л. 13; Роспись поместных дач во 122 г. // RA, NOA. Serie 2: 79. Л. 22; Выпись из ужиных и умолотных книг ... Старорусского уезда. 1614/1615 // RA, NOA. Serie 2: 66. Л. 10.
- 48 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. (1604–1617). С. 315.
- 49 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода ... С. 351. См. также: Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1894. Т. 15.
- 50 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 226.
- 51 Приходно-расходная книга Разряда 7123 года / Приходно-расходные книги московских приказов. Книга первая // РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 347.
- 52 См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 142–143.
- 53 Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... с поместьями и с денеж... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова (далее – АМГ). Т. 1 (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 141.
- 54 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР). СПб., 1853. Т. 1. Стб. 405, 545, 663.
- 55 Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
- 56 См.: Посольство князя Михаила Петровича Борятинского. Статейный список // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3 / Под ред. Н.И. Веселовского // Тр. Восточного отд-ния императорского Русского археологического общества. Т. 22. СПб., 1898. С. 396.
- 57 КР. Т. 1. Стб. 720, 871.
- 58 Донесение казанских воевод Бориса Лыкова и Федора Борятинского царю Михаилу Федоровичу. 1.10.1620 г. // Посольство князя Михаила Петровича Борятинского // Тр. Восточного отд-ния императорского Русского археологического общества. Т. 22. С. 390–392 (о караване), 386, 388 (о слоне), 438 (о дате смерти М.П. Борятинского).
- 59 См.: КР. Т. 1. Стб. 867, 762.

- ⁶⁰ См.: КР. Т. 1. Стб. 923.
⁶¹ Там же. Стб. 1086–1087, 1120.
⁶² Доклад и боярский приговор о нетчиках // АМГ. Т. 1, № 185. С. 200.
⁶³ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 755.
⁶⁴ ДР. Т. 1. Стб. 831 (6 авг. 1626 г.); Там же. Стб. 832 (15 авг.); Там же. Стб. 878 (6 янв. 1627 г.); Там же. Стб. 880 (2 февр.); Там же. Стб. 906 (18 марта); Там же. Стб. 909 (25 марта) и т.д. См. также: Записные книги Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 404, 437, 445, 472, 475, 489.
⁶⁵ См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 6.
⁶⁶ Там же. Стб. 841.
⁶⁷ ДР. Т. 2. Стб. 194; Ср.: Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. С. 56 (здесь ошибочно указан 1630 г.)
⁶⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. лазами иностранцев. Л., 1986. С. 460.
⁶⁹ См.: ДР. Т. 2. Стб. 640, 695.
⁷⁰ «Того же году июня в 5 день по ногайским вестям, что приходили татары воевать Темниковские места, послал Государь воевод: на Ломов воеводы князь Федор князь Тимофеев сын Черной-Оболенской». См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 703.
⁷¹ ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 81.

УДК 94(4)+94(47).08

«КАЖДУЮ РУССКУЮ НОТКУ ЦЕНИТЬ НА ВЕС ЗОЛОТА...»: СТРАНИЦЫ СПОРА О КНИГЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Статья посвящена спору о русском искусстве, вызванному обсуждением книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Точки зрения Данилевского и его критика Владимира Соловьева рассмотрены с позиций русской художественной интеллигенции. Выдающийся критик Владимир Стасов, выразивший мнение националистически настроенных русских художников и музыкантов, выступил в этом споре против взглядов Соловьева. Этот любопытный факт не рассматривался ранее в научной литературе. Автор проясняет позицию Стасова и делает вывод о важном значении спора вокруг «России и Европы» для становления самосознания русской художественной интеллигенции.

Ключевые слова: русская художественная интеллигенция, русское искусство, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Стасов.

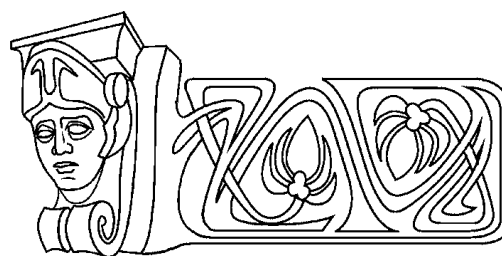
«Kazhduju Russkiju Notku Tsenit' na Ves Zolota...»: the Pages of Dispute on Book N. Danilevsky

D. E. Lukonin

This article is devoted to the dispute about the Russian art, which are developed as regards the Danilevsky' book «Russia and Europe». There were distinguished the points of view Danilevsky and Vladimir Soloviev, his opponent, from the positions of Russian art intellectuals. The well-known critic Vladimir Stasov, who represented nationalistic tendency among Russian artists and musicians, appeared against Soloviev's side in this dispute. This significant fact was not considered in the scientific literature. The author clarifies the Stasov's position and proved the important value of dispute on «Russia and Europe» for self-consciousness of Russian art intellectuals.

Key words: Russian art intellectuals, Russian art, Nikolay Danilevsky, Vladimir Soloviev, Vladimir Stasov.

В своей известной работе «Россия и Европа», которая впервые увидела свет на страницах перио-

дической печати в 1869 г., выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский сформулировал концепцию «культурно-исторических типов», определявшую место русской культуры и искусства во всемирно-историческом процессе. Однако при жизни автора это сочинение осталось практически незамеченным. Широкий общественный резонанс идеи Данилевского приобрели только к концу 80-х гг. XIX в., когда автора уже не было в живых. Н. Н. Страхов, апологет концепции Данилевского, полагал, что книгу «Россия и Европа» «можно назвать катехизисом или кодексом славянофильства, так полно, точно и ясно в ней изложено учение о славянском мире и его отношении к остальному человечеству»¹. Современная, теперь уже достаточно многочисленная, литература, посвященная этому сочинению, в основном дает более взвешенные оценки². Но, так или иначе, была ли концепция «культурно-исторических типов» квинтэссенцией славянофильства, противостояла ли она «западническим» взглядам или во многом она была совершенно оригинальным учением и стояла особняком от «главного русского спора»³, нам она интересна по двум причинам. Во-первых, Н. Я. Данилевский в логически продуманной форме представил такую позицию русской культуры и искусства, которая будет весьма характерна для самосознания русской художественной интеллигенции в 80-е гг. XIX в. Во-вторых, идеи Данилевского были известны самим русским художникам и музыкантам и имели существенное влияние на формирование их взглядов и представлений.

Один из самых заметных представителей русской художественной критики В. В. Стасов в начале 80-х гг. еще с осторожностью говорил о превалировании русской художественной школы

на мировой арене. «Новое наше искусство – и не копия, и не продолжение чего-то чужого, – писал он. – Оно родилось при совершенно других условиях, чем новое искусство Запада, и вследствие своих собственных резонансов, и на свой собственный манер»⁴. К настоящему моменту, по его мнению, русское искусство успешно конкурирует с лидерами в данной сфере человеческой деятельности, и не только не уступает, но по некоторым параметрам и превосходит их. Так, русская музыка, в частности, может быть поставлена в сравнение с музыкальными достижениями крупнейших в этой области держав – Франции и Германии. «...Только усилиями новой французской, но еще более новой русской школы музыка двигается вперед...»⁵ «...Молодая музыкальная Россия скоро сделается для Германии опасным соперником в борьбе за музыкальное первенство, и новые русские музыкальные создания все более и более убеждают... в этом», – не устал подчеркивать Стасов, ссылаясь на европейские авторитеты⁶.

Н. А. Римский-Корсаков, заслуженно признанный крупнейшим русским композитором в последней четверти XIX в., глава «беляевского кружка», также придерживался подобных взглядов. 24 марта 1890 г. он писал жене из Брюсселя: «Скажи детям, чтоб они хорошо знали говорить по-французски и по-немецки для того, чтобы, когда они будут за границей, могли бы свободно говорить и свободно защищать Россию перед иностранцами, которые ее не знают и потому судят вкривь и вкось, а между тем приходится или молчать, или чуть-чуть что не соглашаться, по незнанию языка. Они очень любезны, но через любезность сквозит какое-то желание оказать протекцию, благосклонное внимание и т. д. Они дают тебе знать, что они выше нас: это сквозит во всем; самомнение у них ужасное... Они очень ценят русскую музыку; говорят, что русские сделали “кельке шоз де нуво” и т. п. Но сквозь это звучит нотка протектората. Глупые они: не понимают того, что русские сделали столько, что им и во сне присниться не может. Если б они понимали, то должны были бы восхищаться и благоговеть и каждую русскую нотку ценить на вес золота, так, как они ценят Вагнера. ... Конечно, это мое горделивое мнение и только, но это в эту минуту мне так ясно представляется, что я не мог этого не высказать»⁷.

Стремление к привнесению русской музыки в Европу разделяли с В. В. Стасовым и Н. А. Римским-Корсаковым и многие другие музыканты. Так, например, Н. Н. Амани, один из композиторов «беляевского кружка», писал своему меценату М. П. Беляеву из Палермо: «Мне необыкновенно досадно, что русские произведения или совсем не проникают за границу, или чрезвычайно туго. У русских есть предубеждение, что европейцы ими не интересуются и поэтому они, русские, не стараются показать себя, даже заявить о своем существовании. Какая великая

ошибка! ...Нужны русские деятели, которые показали бы Западу, что у них есть в стране хорошего. Трудно это! Трудно хотя бы потому, что и свои-то не признают того, что истинно хорошо!»⁸

Итак, в среде русской художественной интеллигенции действительно бытовали взгляды, вполне созвучные идеям Данилевского, согласно которым русское искусство должно было в ближайшем будущем стать доминирующим в Европе. Рассмотрим вкратце основные теоретические положения, на которых могли базироваться подобные убеждения.

Очевидно, что главными противниками, в сторону которых были направлены критические стрелы книги Данилевского, сочетавшей в себе стили политического памфлета и теоретической работы, были авторы европоцентристских и космополитических учений. Данилевский ставил своей задачей, с одной стороны, доказать несостоятельность взглядов, признающих «бесконечное во всем превосходство европейского перед русским» и «непоколебимой веры в единую спасительную европейскую цивилизацию», а с другой стороны, развенчать идеал «возвышенной и благородной» любви ко всему человечеству в целом, противоположный «естественному национальному чувству»⁹. Согласно его концепции, германо-романский (Европа) и славянский (с преимущественно русской отраслью) миры – суть два различных культурно-исторических типа, один – находящийся в стадии позднелетнего или осеннего цветения, другой же – зарождающийся. Один культурно-исторический тип никаким образом не может быть поверен опытом другого или поставлен с ним в сравнение. По Данилевскому, самобытные начала цивилизации, разрабатываемые одним культурно-историческим типом, не передаются народам другого типа¹⁰. Более того, Европа враждебно относится к славянскому миру, вражда эта лежит в «неизведанных глубинах» «исторического инстинкта» европейских народов. Дряхлеющий европейский мир готов бросить все силы для предотвращения развития новой славянской цивилизации, для уничтожения грозного для Европы «подлого, бородатого русского»¹¹.

С другой стороны, существование самобытных культурных типов, по Данилевскому, теоретически отрицало наличие «прогресса» как единой восходящей линии исторического развития. Не только Европа не является средоточием этого «общечеловеческого» развития, но и вообще никакого «общечеловеческого» развития не существует. Ни одна цивилизация «не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»¹². Говорить о превосходстве европейской или русской культуры с точки зрения культурно-исторических типов нелепо, настолько же нелепо, как задаваться вопросом, какая форма растительного царства осуществляет наиполнейшим во

всех отношениях образом идею растения: дуб, пальма или кипарис?¹³ Таким образом, те выводы, которые можно было бы сделать, исходя из идей Данилевского применительно к анализу русской культуры, состоят в следующем: во-первых, культурное наследие одного типа (в том числе искусство) не может быть измерено никакими рамками, кроме своих собственных, во-вторых, славянское культурное наследие не может претендовать и не должно в конечном итоге каким-либо образом войти в европейскую (романо-германскую) сокровищницу культуры.

Но работа Н. Я. Данилевского имела и еще один аспект. Одним из самых ее уязвимых мест стало рассуждение о «задатках» развивающегося славянского культурно-исторического типа, по которым можно составить представление о будущем лице этой «новой цивилизации». Этому вопросу посвящена последняя, семнадцатая глава книги «Россия и Европа». Прежде чем вступить на шаткую почву пророчеств и предсказаний, Данилевский снабдил свое повествование всевозможными оговорками, в которых указал на «гадательное значение» характеристики будущего хода культурно-исторического развития и на невозможность в удовлетворительной форме дать ответ на вопрос о будущем¹⁴. Тем не менее, все-таки пустившись на этот путь, Данилевский предсказал славянству поистине великую будущность: славянский культурно-исторический тип не только скажет новое, оригинальное слово во всемирной истории, но скажет его во всех областях человеческого развития, «представит синтезис всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова»¹⁵.

В 1888 г., в отечественной печати разгорелся жаркий спор, открытый статьей В. С. Соловьева в журнале «Вестник Европы» против концепции Данилевского. Обвинив последнего в «национализме», Соловьев в объемной критической работе с названием, идентичным книге оппонента, подробным образом разобрал ее главные утверждения и доводы и дал небезосновательную критику основных ее положений¹⁶. Впоследствии целый ряд авторов, среди которых необходимо отметить таких крупных ученых и публицистов, как Н. И. Кареев, П. Н. Милюков, Э. Л. Радлов¹⁷, посвятил свои работы критике концепции Н. Я. Данилевского, но даже на столь серьезном фоне статья В. С. Соловьева продолжала оставаться лидирующей. С другой стороны, в защиту Данилевского, помимо Н. Н. Страхова, выступили такие авторитетные публицисты, как К. Н. Леонтьев и К. Н. Бестужев-Рюмин¹⁸. В. В. Стасов также опубликовал фельетон против статьи В. С. Соловьева, оказавшись, таким образом, в этом споре безусловно на стороне Н. Я. Данилевского¹⁹.

В подобной позиции В. В. Стасова априори прослеживается некоторая неоднозначность. Вряд ли можно поставить этого автора в ряды защитников идей славянофильства. Более того,

многие годы его публицистика ассоциировалась с деятельностью либерально-западнического журнала «Вестник Европы», на страницах которого появились многие его основополагающие работы. В частности, в начале 80-х гг. «Вестник Европы» опубликовал серию очерков В. В. Стасова «Двадцать пять лет русского искусства», содержащую анализ современной русской живописи, скульптуры, архитектуры и музыки²⁰. В указанном цикле Стасов доказал точку зрения, прямо противоположную мнению Соловьева, и убедительно продемонстрировал впечатляющие результаты русского искусства за последнюю четверть века. Поэтому Стасов имел все основания полагать, что своими трудами он, так сказать, «застолбил» определенную точку зрения, которую более невозможно просто игнорировать²¹. На фоне всего вышесказанного неудивительно, что Стасов построил свою статью против Соловьева на обвинении в «невежестве».

Н. Я. Данилевский сформулировал гипотезу, согласно которой существует четыре вида человеческой культурной деятельности в ее высшей категории деления, а именно религиозная, культурная (в узком смысле науки и искусства), политическая и общественно-экономическая деятельность. Каждый культурно-исторический тип индивидуально развивает какую-либо из этих деятельностных сторон, «основу» или «начало», заложенную в самом существе типа. Первые пять типов: египетский, китайский, вавилонский, индийский и иранский не проявили в особенности *ни одну* из вышеперечисленных основ, так как были культурами *приготовительными*. Еврейский, греческий и римский типы были *одноосновными* соответственно в областях религии, культуры и политики. Романо-германский тип (Европа) является *двухосновным* (политика и культура)²². Современный арабский тип выпал из поля зрения автора (по причине, видимо, того, что, кроме России и Европы, все остальные культурно-исторические типы весьма мало интересовали Данилевского или же служили только подспорьем в раскрытии основной темы). Славянский культурно-исторический тип, о котором теперь можно говорить лишь «гадательно», обнаруживает, по мнению Данилевского, все «задатки» для того, чтобы стать уникальным *четырёхосновным* типом, т. е. раскрыть потенциал человеческой деятельности во всех ее основных областях²³.

Именно в таком контексте Данилевского интересовала русская культура и русское искусство, в частности. Не будучи по роду своей деятельности близок русскому искусству, Данилевский тем не менее находил, что «совершенное до сих пор русским и другими славянскими народами в науках и искусствах весьма незначительно в сравнении с тем, что сделано двумя великими культурными типами: греческим и европейским»²⁴. Причин такому положению может быть две: коренная неспособность славян к культурной

деятельности на этом поприще или сравнительная молодость их в этом деле вкупе с неблагоприятными обстоятельствами развития. Данилевский настаивал на второй причине²⁵. Из уже существующих «задатков» будущего расцвета, помимо (по понятным причинам) творчества Гоголя, Данилевский отметил драму А. С. Пушкина «Борис Годунов», которую, в противоположность мнению В. Г. Белинского, он решительно поставил на один уровень с драматическими хрониками Шекспира и значительно выше трагедий Ф. Шиллера. Кроме того, он обратил внимание на творчество Л. Н. Толстого. В области живописи Данилевский выделил картину А. А. Иванова «Явление Христа народу», в скульптуре – группу «Преображение» Н. С. Пименова для Исаакиевского собора, в музыке – творчество М. И. Глинки²⁶.

Возражая Данилевскому практически по всем пунктам выдвинутой им концепции, В. С. Соловьев, разумеется, не обошел вниманием и вопрос о русском искусстве и его перспективах. Перед этим Соловьев последовательно отверг наличие каких-либо особенных достижений славянства в общественном сознании, науке и философии (которые могли бы послужить «задатками» нового культурно-исторического типа). Он безусловно признавал заслуги отечественных «первоклассных» ученых в различных отраслях современной науки. Однако он настаивал на том, что эта наука – не только неотъемлемая часть европейской науки, но и никакой другой, «особой русской науки» существовать не может. С точки же зрения европейской науки заслуги русских велики, но не всеобъемлющи. «...Русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы или голландцы», – к такому неутешительному выводу приходил В. С. Соловьев²⁷.

В сравнении с предыдущими областями деятельности русское искусство сын выдающегося историка ставил значительно выше. Он полагал, что именно русская действительность в области литературы и искусства «могла бы несомненно представлять хороший положительный задаток великого будущего»²⁸. Однако и в области искусства Соловьев находил непреодолимые препятствия перед тем, чтобы согласиться с прогнозами Данилевского. Первое его возражение было основано на том, что если славянский тип только развивается, то его достижения в области искусств должны идти по восходящей линии, т. е. произведения ныне творящих художников должны превосходить работы Пушкина, Гоголя, Толстого, Иванова и Глинки. «Но наши новые литературные поколения, – полагал Соловьев, – не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равного старым мастерам. То же самое должно сказать о музыке и об исторической живописи... Трудно, кажется, отрицать тот очевидный факт, что литература и искусство в России идут в последнее время по нисходящей линии (со стороны художественного достоинства)...»²⁹

Другое возражение состояло в том, что русское искусство, как и наука, представляет собой неотъемлемую часть европейского искусства. Нисколько не покушаясь на самобытность русской, например, литературы, можно было бы, по Соловьеву, утверждать, что «русский роман, несомненно, отличается от английского, не более, однако, чем этот последний от испанского»³⁰. Более того, только в тесном общении с Европой русское искусство (как, впрочем, и другие стороны общественной жизни) обретает импульс к своему самобытному развитию. Напротив, «утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное»³¹. Таким образом, окончательный вердикт идеям Данилевского и их последователям у Соловьева выглядел следующим образом: «...Если у наших противников Европы отобрать все, по праву принадлежащее идеям европейского просвещения, то на долю славянской самобытности с ее «лучшими началами» останутся только хотя и чрезвычайно великие, но совершенно пустые и ничем не оправданные претензии»³².

Подобные заключения Соловьева вызвали негодование и гневную отповедь В. В. Стасова, построенную на многочисленных примерах из различных областей современного русского искусства. Так, по поводу рассуждений Соловьева о русской архитектуре Стасов указал на незнание им новой научной литературы («...кто не знает, что у нас сделано теперь по части подобного изучения, тот лучше молчи»), по поводу живописи, скульптуры и музыки – на незнание и нежелание принимать во внимание происходящее («...подумаешь, что Влад. Соловьев точно будто бы где-то заснул в углу и ничего не знает и не слышит из того, что происходит в мире. Никакой внешний шум, голоса, движение не достигают до него, и он невозмутимо пребывает в своей Нирване»)³³. В доказательство противоположной точки зрения Стасов привел в пример в области русской живописи – творчество И. Е. Репина («Бурлаки на Волге») и В. В. Верещагина, в области скульптуры – М. М. Антокольского³⁴, в области музыки – А. С. Даргомыжского, А. П. Бородин и всю «школу новой русской музыки»³⁵. И это только примеры тех художников, которые, по мнению В. В. Стасова, абсолютно признаны в самой Европе. Стасов не устал это подчеркивать. «А что говорит Европа? Европа, со времен последних всемирных выставок, т. е. с тех пор, как она стала, наконец, понемножку узнавать русское искусство, говорит совсем не то, что Влад. Соловьев. Европа все более и более начинает уважать русскую живопись и ценить ее. Нашим картинам присуждают там теперь большие золотые медали на всемирных выставках, наравне с высшими современными представителями искусства в Европе...»³⁶ «...В России есть некоторый скульптор Антокольский,

пользующийся громадной репутацией не только у нас, но и в Европе, и получавший высшие награды по целой скульптурной выставке из рук международных жюри, на всемирных выставках...»³⁷ «...Выросла у нас целая школа новой русской музыки, целая плеяда талантливых композиторов, высоко ценимых даже везде в Европе...»³⁸ Поэтому и выводы В. С. Соловьева Стасов называл предвзятыми³⁹. «Вл. Соловьев считает, – писал он, – что всего, сделанного нашими художниками, “еще слишком мало для особенного культурно-исторического типа”. Как мало! Да какого же ему “типа” надо? И какие же еще более характерные «типы» ему известны в Европе? Кто и что в состоянии, после того, его удовлетворить? Мне кажется, поднеси ему еще хоть сто капитальнейших русских художников, важных не только для нас, но и для всей Европы, он все будет махать рукой и кричать: “Не то! Не то!” Французская пословица говорит: “Нет глухого больше того, кто не хочет слушать”»⁴⁰.

В целом же позиция Стасова по вопросу о современном русском искусстве отличалась и от позиции Соловьева, и от позиции Данилевского. Как было прослежено выше, Данилевский (вслед за старыми славянофилами⁴¹) полагал, что в настоящее время развитие искусств в России не столь значительно, но, тем не менее, вполне достаточно, чтобы питать положительные надежды на великое будущее. В противоположность ему Соловьев указывал на творчество Пушкина, Гоголя, Иванова и Глинки как на вершину развития русского искусства, а в настоящем находил лишь упадок и «нисходящую линию». Стасов же не только признавал великих мастеров первой половины XIX в., но и относил к настоящему период истинного расцвета, также питая надежды и на дальнейшее процветание в будущем. К концу 80-х гг. XIX в. В. В. Стасов уже был абсолютно уверен в том, что русские художники «догнали и перегнали» Европу. Русское искусство, «новая русская школа», национальный принцип в искусстве, – подобные доминанты, рассматриваемые как откровение для Запада, как «луч света от России» (по словам Н. А. Бердяева), будут еще долгое время оказывать существенное влияние на всю систему представлений русской художественной интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Страхов Н. Н.* О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 510.
- ² См.: *Абалкин Л. И.* Н. Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 3–7; *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. М., 1992; *Бажов С. И.* Проблемы культуры и цивилизации в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского // Социальная философия в России в XIX веке. М., 1985. С. 111–134; *Он же.* Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997; *Балуев Б. П.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001; *Белов А. В.* Органицизм как основание теории культурно-исторических типов (философия истории Гегеля и Данилевского) // Идеи русского ученого энциклопедиста Н. Я. Данилевского и реалии современного мира: Сб. ст. М., 2002. С. 97–101; *Ефремов А.* Историсофия и культура: Н. Я. Данилевский и русские писатели // Москва. 2006. № 5. С. 169–183; *Захарова А. А.* Россия в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского. Томск, 1986; *Ионов И. Н.* Империя и цивилизация: Идеи и догадки Н. Данилевского в сравнительно-историческом освещении // Общественные науки и современность. 2003. № 2; *Хачатурян В. М.* Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика и противоречия // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
- ³ Сам Данилевский рассматривал «западничество» только как «пагубное заблуждение, которое... отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, лишает нас надежды на самобытно культурное значение, т. е. на великую историческую будущность». (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 469).
- ⁴ *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства // Стасов В. В. Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 393. (Первоначально – «Вестник Европы». 1882, ноябрь, декабрь. 1883, февраль, июнь, октябрь).
- ⁵ Там же. С. 567.
- ⁶ Там же. С. 568.
- ⁷ Избранные письма Н. А. Римского-Корсакова к Н. Н. Римской-Корсаковой // Римский-Корсаков: Исследования, материалы, письма: В 2 т. М., 1953. Т. 2. С. 50.
- ⁸ ГЦММК. Архив М. П. Беляева. Ф. 41. Д. 107. Л. 2–4.
- ⁹ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 65–66.
- ¹⁰ Там же. С. 91.
- ¹¹ Там же. С. 50–53.
- ¹² Там же. С. 109.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 469–471.
- ¹⁵ Там же. С. 508.
- ¹⁶ См.: *Соловьев В. С.* Россия и Европа // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Философская публицистика. М., 1989. С. 334–396.
- ¹⁷ См.: *Кареев Н. И.* Теория культурно-исторических типов // Кареев Н. И. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 67–107; *Миллюков П. Н.* Разложение славянофильства // *Миллюков П. Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 266–308; *Радлов Э. Л.* Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1890.
- ¹⁸ См.: *Леонтьев К. Н.* Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 466–511 (первоначально – в газете «Гражданин» 1888. № 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152); *Бестужев-Рюмин К. Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1889 (послесловие).

- ¹⁹ См.: *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева // *Стасов В. В.* Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Т. 2. М., 1954. С. 215–218.
- ²⁰ См.: *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства. С. 391–568.
- ²¹ Еще 20 лет спустя «Вестник Европы» в лице критика Г. Н. Тимофеева, автора первой серьезной биографии В. В. Стасова, окончательно признал его заслуги в этой области. «Это новое направление в русском искусстве [«национальное направление». – Д. Л.] стало крепнуть, расти, развиваться, – писал Г. Н. Тимофеев, – и в этом-то его движении живейшее участие принял Стасов. Он сделался его разъяснителем, глашатаем, апостолом. То, что для нашей литературы делали Белинский, Добролюбов и Чернышевский, то для нашего искусства... делал Стасов». (Вестник Европы. 1908. Кн. 2, февраль. С. 208).
- ²² *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 472–479.
- ²³ Там же. С. 508.
- ²⁴ Там же. С. 493.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 501–506.
- ²⁷ *Соловьев В. С.* Россия и Европа // *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 344.
- ²⁸ Там же. С. 350.
- ²⁹ Там же. С. 351.
- ³⁰ Там же. С. 352.
- ³¹ Там же. С. 353.
- ³² Там же. С. 392.
- ³³ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁴ По этому пункту В. В. Стасов заслужил порицание от М. А. Балакирева, выраженное в следующей форме: «Признаюсь, мне было очень странно прочитать в Вашем крохотном возражении В. С. Соловьеву имя Антокольского, которое Вы приводите в доказательство талантливости русских (!) и крепости молодого искусства. Об таланте его не берусь рассуждать, но скажите на милость, отчего он представитель русской школы, тогда как он коренной еврей, даже не крещеный и постоянно живущий в Париже и даже дурно говорящий по-русски. – Неужели только потому, что он русский подданный? Тогда Вы должны признать и Рубинштейна за русского музыканта...» (*Балакирев М. А. и Стасов В. В.* Переписка: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 133).
- ³⁵ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁶ Там же. С. 217.
- ³⁷ Там же. С. 218.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ В. В. Стасов был не одинок в скептической оценке работ В. С. Соловьева. Так, например, с крайней иронией относился к ним выдающийся русский композитор А. К. Лядов. В письме В. А. Авдееву он писал: «Читаю твоего “философа” Соловьева. Мужичок в европейском костюме. Все кухонные предрассудки, соединенные с поповским «это человеческому разуму непонятно», – налицо. Нет, плоха твоя нянюшка и напрасно ты держишься за ее подол! А все-таки принеси его что-нибудь “тузовое”, – я для тебя его прочту». – Ан. К. Лядов. Пг., 1916. С. 58. Лядов противопоставил философию В. С. Соловьева более близким ему по духу Ницше и Метерлинку. (Там же). Ученик и биограф Н. А. Римского-Корсакова В. В. Ястребцев также вспоминал о том, как они с учителем вели разговоры «о Соловьеве». (*Ястребцев В. В.* Н. А. Римский-Корсаков: Воспоминания: В 2 т. Л., 1960. Т. 2: 1898–1908. С. 271).
- ⁴⁰ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 218.
- ⁴¹ «Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу, – писал, например, И. В. Киреевский. – Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам». (*Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 152).

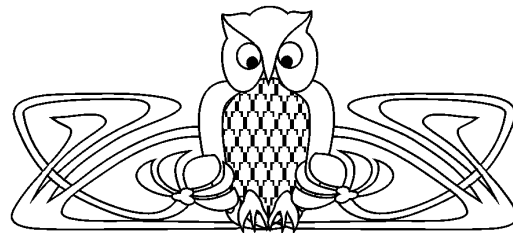
УДК 94(47). 082/083 + 929 Победоносцев

«БЕЗОЧАРОВАННЫЙ СКЕПТИК» (власть и общество в политической концепции К.П. Победоносцева)

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Stepanovug@list.ru

В статье рассматривается политическая концепция русского консерватора и государственного деятеля. Победоносцев создал политическую концепцию необходимости монархии в России, доказывал историческую необходимость сильной власти, поскольку в русском обществе нет традиций самостоятельности народа. Его оригинальное учение о взаимодействии власти и общества интересно как пример консервативной мысли.

Ключевые слова: монархия, общество, власть, Россия, Англия, инициатива, Запад.

The Sceptic without Illusions (Society and Power in Pobedonoscev's Political Concept)

Yu.G. Stepanov

Research is devoted the Russian conservative and the statesman. Pobedonoscev created the political concept of necessity of a monarchy

in Russia. Its original doctrine about power and society interaction interestingly as an example of conservative thought. Proved historical necessity of the strong power for Russia as in Russian society there are no traditions of independence of the people. His conclusions are paradoxical and represent the big interest.

Key words: Monarchy, society, the power, Russia, England, the initiative, the West.

Выражение «хорошо устроенное общество» применительно к взглядам К.П. Победоносцева впервые использовал американский историк Р. Бирнс. Он же одним из первых попытался проанализировать его взгляды на соотношение власти и общества в России. Значимость этой темы велика, поскольку именно обер-прокурор четверть века был символом правительственной политики и в церковном, и в государственном отношении.

Лейтмотивом большинства исследований о виднейшем идеологе самодержавия можно считать фразу лидера кадетов П.Н. Милюкова, заявившего, что Победоносцев – «один из тех, кто несет главную ответственность за крушение династии»¹. Такой подход до определенного времени был вполне естественным, поскольку, как писал Б.Б. Глинский, «безразлично к нему (Победоносцеву. – Ю. С.) никто не относился...»² Разумеется, для самого Константина Петровича такое отношение к нему не было секретом. «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых общественных деятелей», – писал он С.А. Рачинскому³. А в письме П.А. Тверскому уточнял: «С давнего времени люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают, что все, что ни происходит в России от правительства, движется волей или прихотью какого-нибудь одного лица, кто в ту или другую минуту считается влиятельною силой, так сказать “первым по фараону лицом”»⁴.

Победоносцев, будучи одним из самых образованных людей своего времени⁵, оставался убежденным защитником неограниченной монархии, что и предопределяло к нему отношение со стороны образованного общества. А.Ф. Кони не мог понять, почему такой образованный человек не на стороне прогресса. Чтобы ответить на этот вопрос необходимо понять логику эволюции взглядов К.П. Победоносцева.

Общее чувство нестабильности, незавершенности и переходности эпохи конца XIX в., предчувствие перемен и страх перед ними были устойчивыми признаками в размышлениях о судьбе России наиболее проницательных русских консерваторов. «Нерв эпохи» остро чувствовали многие из современников обер-прокурора. Академик А.В. Никитенко в своем дневнике размышлял: «Россия странное государство: это страна всевозможных экспериментов – общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго. Залог ли это

будущей самобытности, которая не успела еще отыскать своей опоры, или доказательство неспособности установиться на чем-либо твердом и судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы к другой? Избави Бог!»⁶. Знаменитый А. С. Суворин, со слов А. В. Богданович, признавал «конец XIX столетия... временем неожиданностей, тяжелой, но интересной эпохой. Он уверен, что в эти 10 лет будет переворот... Сказал, что теперешние люди за 2–3 года совсем изменились, что у них есть много инициативы, что они совсем иначе работают, что эти люди с убеждениями, а если правительство их не подержит, они будут хуже анархистов»⁷.

Разрушение традиционных ценностей России – одна из наиболее мучительных для Константина Петровича тем. На протяжении XIX столетия русское общество под сильнейшим воздействием западных идей теряло свою первоначальную простоту и цельность: «В прежнем порядке не было тех резких разграничений между сословиями, которые явились теперь в одежде, в образе жизни, в нравах и привычках, во всех внешних формах и принадлежностях жизни, посредством которых человек входит, прежде всего, в общение с себе подобными», – писал он в одной из своих статей⁸.

Характерно, что обер-прокурор связывал усложнение общественной жизни с властными отношениями. Он был убежден, что власть – производная народного самосознания, плод многовекового развития общества, а «вековой опыт истории всех новых народов показывает, что прочны и действительны только те учреждения, которых корни глубоко утвердились в прошедшем и возникли из свойств народных»⁹.

Моментом истины стало для него взаимодействие на российской почве отечественных традиций с «новыми философскими и экономическими началами, выработанными в Западной Европе жизнью, мыслью и наукой»¹⁰. В ранних работах он высказывал осторожную надежду, что если «первым плодом новых начал было сознание и упразднение этих противоречий», то «конечным результатом должно быть примирение»¹¹. Но для Победоносцева было исключительно важно, чтобы новации не шли вразрез с традициями. Все новшества еще должны пройти своеобразную верификацию, новые идеи не должны противоречить сложившимся в обществе отношениям. Только в этом случае возможно гармоничное восприятие «чужого», которое еще должно стать «своим».

Своеобразный «историзм», проверка прошлым настоящего, чтобы узнать свое ближайшее и отдаленное будущее, становятся для главы Русской церкви методом во всех умозаключениях. В речи, посвященной памяти Александра III, он так обосновал свое понимание связи исторического прошлого с психическим складом народа: «Человек делает историю: но столь же верно и еще более значительно, что человек образует себя не иначе как со всей своей историей»¹².

Строгий традиционалист, он подчеркивал преемственность не только социальных и политических институтов (они могут изменяться в соответствии с потребностями государства и общества), но и, прежде всего, то, что народ – не просто этнографический материал истории, а духовная общность, основанная на единстве самосознания, пронесенного сквозь столетия. «Человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными признаками и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода»¹³.

Победоносцев был убежден, что «и для отдельного человека, и для народа, и для общества всю цену *истории* составляет самосознание». Далее следует важнейший для него постулат: «И отдельный человек, и народ, представляемый властью, познает себя в своей истории»¹⁴. *Деятельное, творческое начало в истории народ осуществляет через власть*, утверждал идеолог абсолютизма. Еще Б.Б. Глинский в начале столетия отмечал: «Он действовал с полным убеждением, что русская государственность, как она сложилась после петровской реформы никоим образом не подлежит какой-либо радикальной ломке, а лишь нуждается в прогрессивной постепенной эволюции в смысле улучшения законодательства, нравственного и культурного усовершенствования исполнителей закона и тех, для кого они пишутся, в исправлении нравов и усилении церковного элемента жизни»¹⁵.

Характерно, что Победоносцев связывает усложнение общественной жизни с властными отношениями. Он был убежден, что власть – производная народного самосознания, плод многовекового развития общества, а народ – не материя, подлежащая просвещению, посредством *науки* в усовершенствованном методе обучения. В.В. Ведерников справедливо подчеркнул, что «подобно Руссо, Победоносцев решающую роль отводил человеческой природе, нравам, испорченным цивилизацией, которую он неустанно обличал»¹⁶.

В речи, посвященной памяти Александра III, обер-прокурор вспоминал, что «еще в детстве любимым его (Александра Александровича. – Ю. С.) чтением были исторические романы Загоскина и Лажечникова»¹⁷. Константин Петрович сам с детства увлекался романами Лажечникова и Загоскина и воспитывал в наследнике любовь к русской исторической литературе. Но важно то, как настойчиво обер-прокурор апеллирует к русскому прошлому, как он пытается придать глубину своим рассуждениям за счет постоянных исторических экскурсов и аналогий, как важно для него, чтобы Александр III понимал и ценил историческое прошлое России. Большинство его аналогий сводятся к тому, чтобы доказать: самодержавие – *исторически сложившаяся, обществом признанная и единственно возможная форма власти в России*.

В доказательство этого положения Победоносцев сравнивает двух монархов – Александра I и Александра III, в пользу последнего из них: «Первый Александр тоже любил Россию и народ свой, но его воспитание не дало ему возможности узнать ни историю страны, ни народ свой. Он родился в такое время, когда простой народ слыл под общим названием *подлых людей*, а сверху мало кто различал в нем облик достоинства <...>. Русская история, русская действительность были ему закрыты и представлялись чистым полем, на котором можно строить все, что угодно»¹⁸.

Победоносцев доказывал, что русская историческая власть поддалась, начиная с Александра I, «надвинувшейся с Запада туче космополитизма и либерального доктринерства», что и стало одной из главных причин постигших Россию бедствий¹⁹. Только в конце XIX в. власть вернулась к истокам, ибо Александр III «верует... в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допускает... гибельного смешения языков и мнений»²⁰.

Формулировку «самодержавие, православие, народность» Победоносцев уточняет, дополняет, придает ей убедительность и даже некоторый интеллектуальный блеск. Он прекрасно понимал, что триада Уварова в конце XIX столетия не является аксиомой для большинства образованной русской публики. Вялость и слабость официальной идеологии предопределяла попытки обосновать старые идеи на новом историческом витке развития. Согласно представлениям Победоносцева в «правильно устроенном обществе» должно быть и «правильное воспитание монарха». Уникальность опыта Победоносцева как идеолога самодержавия еще и в том, что ему представилась возможность внушать свои идеи сразу трем наследникам престола.

Последнему из русских царей – Николаю II – Победоносцев прочитал целый курс лекций по истории государства, церкви и общества в России. Этот «исторический ликбез», предназначенный для будущего государя, чрезвычайно интересен как сжатый очерк основных идей наставника цесаревича. Особенности развития России и ее политического устройства во многом объясняются, в представлении Победоносцева, ее геополитическим положением. «Окруженная врагами, раздробленная, оттесненная в глубь равнин и степей, Россия достигла своей независимости и своего могущества благодаря единению власти, сосредоточенной в личности царя. Государства гибнут из-за распрей партий и власти», – так была сформулирована обер-прокурором основная идея²¹. Его выводы не допускают никаких иных толкований: природа и враги поставили Россию в такое положение, что спастись она могла только единодержавием.

Курс, прочитанный Победоносцевым Николаю Александровичу, – не историческое исследование, не лекции по истории России в собственном смысле слова, это, безусловно, и прежде всего

политическое наставление. Особенно характерна последняя фраза из приведенного отрывка – предупреждение о гибельности партийной борьбы. В том, что касается особенностей развития России, Победоносцев в чем-то, хотя и односторонне, прав. Современник и противник обер-прокурора В. О. Ключевский связывал многие особенности российской государственности с ее «этнографическим составом» и географическим положением²².

Современный историк В. А. Китаев также считает, что «географические условия России, особенности русского национального характера более всего соответствовали абсолютистскому режиму»²³. Для Победоносцева вся русская история – иллюстрация для утверждения о необходимости самодержавия. Он почти дословно повторяет выводы великого Н. М. Карамзина: «Как только власть ослабевала, начинались внутренние распри, грозившие гибелью государству, занятому борьбой за свое существование с ордами кочевников, с Польшей, Германией, Швецией, домогавшихся уничтожить нашу национальную независимость. Но сила возрождалась с упрочением власти»²⁴.

Исторический экскурс в прошлое – переходный мостик к описанию опасностей, подстерегающих Россию в настоящее время. «Как только наше правительство сделалось бы правительством партий, каким оно является во всей Западной Европе (даже в славянских государствах, к их несчастью) оно стало бы основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы, на которых держатся все нравственные убеждения нашего народа»²⁵.

Историческая обособленность России подчеркивается Победоносцевым очень четко. В течение столетий, в его представлении, Россия подвергалась угрозам со стороны в основном Запада. Но если ранее под угрозой оказывалась национальная независимость, то в XIX столетии главная опасность для власти исходит от «подрывной доктрины» порожденной французской революцией²⁶. Фактически обер-прокурор высказал ту же идею об особенностях культурно-исторического типа России, что и Н. Я. Данилевский, хотя и по-своему. Последний не столь явно акцентирует внимание на спасительной роли самодержавия, как Победоносцев, по которому, «согласно пониманию народа», связь, соединяющая «его с государем, должна быть единой и неделимой и власть государя должна быть неограниченной. Вся наша история провозглашает этот принцип и подтверждает его»²⁷. С. Л. Фирсов верно отметил, что для Победоносцева «самовластие – не синоним самодержавия, а, наоборот, отрицание его. Самодержавие же воспринимается как освященная Богом *традиционная* и отвечающая национальному складу характера русского человека *власть*»²⁸. Народ как бы делегировал власти право государственного строительства, оставив себе инстинктивную, не рассуждающую веру в монарха.

Поэтому, «несмотря на злоупотребления власти и даже по причине этих злоупотреблений, эта вера народа в своих государей не потерпела никакого ущерба». Она то и позволила, считал Победоносцев, «Петру великому и его преемникам укрепить государство победами и реформами, это она в наше время позволила императору Александру II совершить мирно великое преобразование – отмену крепостного права»²⁹.

Признание монарха единственным источником власти для К. П. Победоносцева не просто «фигура мысли», у него нет любования византийскими началами российского самодержавия, как у К. Н. Леонтьева. Для обер-прокурора царь – «движитель российской истории», неколебимая опора порядка и самодержавной законности в стране. Пореформенные десятилетия понимались им гораздо шире, чем просто политический кризис. После Крымской войны был налицо кризис власти, вызванный ее же промахами и ошибками. Но в конце столетия под сомнение была поставлена сама идея самодержавия, что убежденный монархист Победоносцев рассматривал как «начало конца» России. Он считал, что нельзя смешивать «теоретическую возможность» преобразования России с реальным положением вещей, что в отечественных традициях не выработано иных положений вне православия и абсолютизма, которые могли быть положены в основу духовно-государственного организма страны.

Идеи «свобод западной цивилизации» Победоносцев рассматривал как модные, но пустые по содержанию понятия, не имеющие основания в народном сознании, в духовном складе народа и, следовательно, чуждые русскому народу. Притягательность этих идей – залог их стремительного распространения в обществе, но возможность «цивилизованного», прозападного переустройства России равна нулю, поскольку именно цивилизационные, духовно-исторические основания России и Запада противоположны.

В «Московском сборнике» Константин Петрович выдвинул тезис о том, что все значительные преобразования в истории достигаются волей «просветленной идеей» меньшинства, что идея народовластия и политического равенства – «заблуждение цивилизации», поддерживаемое «демократами» ради достижения собственных целей. И в этом случае он как всегда использует исторические аналогии. «В прежнее время все думали, что правитель должен быть превосходнее тех, кем управляет, и опыт истории подтверждает, что все успехи цивилизации достигнуты желанием способнейших людей *вопреки* противодействию среды, в которой им приходилось действовать. Но в новой демократии, вопреки этой бесспорной истине укореняется такое мнение, что и обширное государство может быть успешно управляемо всякими людьми и низшего достоинства»³⁰. Под «обширным государством» обер-прокурор, без сомнения, имеет в виду «разноплеменную» Рос-

сию с ее уникальным историческим прошлым. В качестве противоположного исторического опыта выделяется Англия³¹.

Если в большинстве случаев Победоносцев доказывает неприемлемость многих европейских институтов, опираясь на исторический опыт самой России, то в «Московском сборнике» ту же идею он обосновывает от противного, выделяя англосаксов, как уникальный и неповторимый феномен истории: «Англосаксонское племя, с тех пор как заявило себя в истории, и донныне отличается крепким развитием самостоятельной личности», чему «и в сфере политической, и в сфере экономической англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и... несравненными успехами». Существенное отличие этого быта «состоит в отношении каждого гражданина к государству <...>. Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения. Вот на каком корне сами собою исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землей; вот почему и голос их может считаться в достаточной мере голосом земли и органом национальных интересов»³².

Индивидуализм англосаксов Победоносцев противопоставлял «прочим народам Европы», которые «образовались и выросли совсем на ином основании, на основании общинного быта»³³. Общинный быт большинства народов Европы, в том числе и русского, воспитывал в личности особую зависимость от «общественного союза». С возникновением государственности личность в силу традиции по-прежнему ищет защиты в корпоративности, растворяя самостоятельность в коллективе. «Отсюда, – констатировал Победоносцев, – в таком состоянии общества оскудение людей самостоятельных и независимых, людей которые сами держатся на ногах своих, и знают, куда идут, составляя в государстве силу, служащую ему опорой, и напротив того, крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его соками, и не столько дают ему силы, сколько от него требуют»³⁴. Именно такое положение вещей вызывает усиление роли государства, расширение его функций, появление массы чиновников. Опасность такого рода обществ состоит в том, что его граждане, возлагая всю вину за свое положение на государство, в нем ищут себе защиты. «В таком состоянии общество мало-помалу подготавливает у себя благоприятную почву для развития социализма, и привычка возлагать на государство заботу о благосостоянии всех и каждого обращается, наконец, в безумную теорию социализма госу-

дарственного»³⁵. Логическим следствием этого Победоносцев считает полную невозможность развития истинно представительных начал у большинства народов континентальной Европы.

Попытка заимствовать чуждые народу установления объясняется утопичной попыткой интеллигенции найти в смене формы правления «прогрессивный путь развития». В «Московском сборнике» обер-прокурор очень подробно и педантично обосновывал, в чем суть этой «ошибки». «Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили все бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия», но в итоге, «люди, оставаясь при слабостях и пороках собственной природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, ими правит личная воля», которая «осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству»³⁶.

Таким образом, совершенно очевидно, что «православный Торквемада» не был убежденным и фанатичным противником представительного образа правления вообще. Но он считал, что парламент возможен только в очень немногих обществах, к коим русское не относится. Для него политическое устройство Англии – абсолютно уникальный исторический феномен, следствие особых качеств «англосаксонского племени» и особых условий развития этого народа. Культурно-историческое своеобразие каждого из народов кроется глубоко в его прошлом, когда психология этноса и обстоятельства развития обусловили и формы соотношения власти и общества.

Сравнивая между собой единоличное правление с демократическим автор «Московского сборника» приходит к выводу: «Повсюду, кто оказывается сильнее, тот и становится господином правления: в одном случае – счастливый и решительный генерал, в другом – монарх или администратор с умением, ловкостью, с ясным планом действия, с непреклонной волей. При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов, со своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов»³⁷. На практике, считал Победоносцев, выборная система – иллюзия народовластия, поскольку избранные «никоим образом не стесняются взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикой

противной партии»³⁸. В действиях политических партий Победоносцев усматривал только голый политический расчет, страсть к удовлетворению собственных амбиций, утолению собственного политического честолюбия.

Диалектика рассуждений Победоносцева сводится к утверждению основополагающей для него идеи: гражданское равноправие – фикция, прикрывающая интересы новой политической элиты. «Горький исторический опыт показывает, – отмечал он, – что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»³⁹.

Победоносцев до мельчайших нюансов разбирает недостатки западной демократии. Виртуоз в области критики, он на широчайшем историческом материале, используя самые неожиданные, порой парадоксальные сравнения, пытается развенчать «либеральные иллюзии». В то же время его собственные представления о государственно-политическом устройстве российской империи – абстрактный, очень схематичный идеал. Все идеи обер-прокурора строятся на безусловном признании традиций прошлого, как единственной формы существования в настоящем. При этом он почти не предлагает сам никаких вариантов развития ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. Рассуждая о правящей элите как «просветленном идеей меньшинстве», создающем и утверждающем государственную идею, он в практической своей деятельности вынужден был признавать отсутствие подобных «государственных мужей» в российской правящей элите. И дело здесь не только в его характере скептика, как это следует из объяснений В. П. Мещерского или Е. М. Феоктистова. Как политический деятель, Победоносцев постоянно наталкивался на противоречие собственных идеальных представлений тому историческому потоку, которому он пытался противостоять. Как ни парадоксально, но, подвергая европейский исторический опыт сокрушительной критике, он невольно утверждал включенность России в общеевропейский процесс развития.

Победоносцев был уверен: положение каждого человека в обществе, так же как и каждого сословия, класса, социального слоя, определяется в строгом соответствии с традиционными устоями, «наследственным геном» своего сословия. Он считал, что только самым сильным и талантливым стоит пытаться изменить свою судьбу. В остальных случаях человеку не стоит «расширять свою судьбу» и стремиться изменить свой социальный статус. Устойчивость государства, по его мнению, почти полностью зависит от строгой корпоративности общества, обеспечивающей и политическую, и социальную его стабильность. Одна из «болезней времени» состоит в том, что люди вырастают в чрезмерных ожиданиях, происходящих от чрезмерного самолюбия, чрезмерных,

искусственно образовавшихся потребностей, считал обер-прокурор.

Политическая философия Победоносцева, как идеолога самодержавия содержала в себе несколько важнейших положений. Согласно его представлениям, все элементы общественно-государственного организма России есть плод тщательного исторического отбора. Русский народ в ходе многостолетней эволюции не случайно пришел к той системе организации общества, которая имеется. В огромной, исключительно сложной по составу населения, разнообразию экономических укладов и конфессий империи народ почти бессознательно, почти на генном уровне, выбрал тот порядок, который должна сознательно поддерживать власть.

Русское средневековье Победоносцев рассматривал как печальный пример того кровавого хаоса, когда верх берут корыстные интересы, политические и личные амбиции, когда сословный эгоизм разрушает разумные государственные основания. Кровь и смута в русской истории неоднократно приводили Россию на край гибели, и каждый раз только восстановление неограниченной монархии спасало страну. Тот внутренний порядок, который установился со времен Петра I (с учетом проведенных после его смерти *оправданных реформ*), основывался на трагическом опыте России и был итогом ее духовно-исторического развития. Поэтому столь велико значение власти в России, поэтому могут быть поняты и прощены ошибки и даже преступления власти, вынужденной действовать сообразно условиям и далеко не всегда руководствоваться абстрактными гуманными принципами. «Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается ни на чем ином, как на единстве самосознания народа и правительства», – писал в «Московском сборнике» Победоносцев⁴⁰.

Обер-прокурор прекрасно осознавал, что во второй половине XIX в. цельность российского общества была разрушена новыми социально-экономическими процессами, новыми идеями. Были поставлены под сомнение многие традиционные институты, в том числе самодержавие. Хроническое недовольство своим положением и стремление изменить его становилось во многом определяющей жизненной мотивацией. «Ни для кого нет готовой рамки – всякий деятель сам создает и идею, и размеры, и арену для своей деятельности. Каким надо быть цельным и здоровым, чтоб разрешить для себя такую задачу», – так определял положение в обществе Победоносцев⁴¹.

В пореформенный период кризис затронул практически все стороны жизнедеятельности государства и общества. Практика российской жизни, многочисленные ошибки и злоупотребления власти, общее ухудшение положения масс вызывали и революционное движение, и многообразие вариантов решения проблем: от призыва к диктатуре самодержавной до призыва к диктатуре революционной. Растерянность официальной

идеологии и ее adeptов перед лицом всего разнообразия идей и отсутствие в русском обществе традиций терпимости к такому идейному противостоянию усиливали напряженность в обществе.

Примечания

- 1 Милуков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 231.
- 2 Глинский Б.Б. Материалы к биографии // Исторический вестник. 1907. №. 4. С. 268.
- 3 Цит по: Пешков А. И. «Мал – кто разорвет во царствии Христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 4.
- 4 См.: Тверской П.А. Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900–1904 // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 654.
- 5 Факт этот неоднократно отмечался современниками обер-прокурора, в том числе и нерасположенными к нему лично. Так, например француз Е.М. Вогюэ отмечал исключительную начитанность Победоносцева. См.: *Vogue E.M. Les route.* P., 1910. P. 136.
- 6 Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955–1956. Т. 2 – 3. С. 109.
- 7 Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1991. С. 138.
- 8 Цит. по: Эвенчик С.Л. К.П. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенный период // Учен. записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 309. С. 95.
- 9 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 182.
- 10 Цит. по: Эвенчик С. Л. Указ. соч. С. 95.
- 11 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 42.
- 12 Там же. С. 164.
- 13 Там же.
- 14 Там же. 166.
- 15 Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 272.
- 16 Ведерников В.В. «Московский сборник» К.П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестн. ВолГУ. 1996. Сер. 4. История. Философия. С. 43.
- 17 Победоносцев хорошо знал И. И. Лажечникова, переписывался с писателем. В марте 1869 г. Лажечников

благодарил Победоносцева за «доставленный Рескрипт Государя Наследника Цесаревича». (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 89. Л. 1).

- 18 Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 166.
- 19 Там же. С. 167.
- 20 Там же. С. 168.
- 21 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Сост. Ю. Б. Соловьев // Археографический сборник за 1972 г. М., 1974. С. 316.
- 22 См.: Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1990. С. 442.
- 23 Китаев В. А. От фронды к охранительству. (Из истории русской либеральной мысли). М., 1972. С. 131.
- 24 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 318.
- 27 Там же. С. 316.
- 28 Фирсов С. Л. Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // Победоносцев: Pro et Contra. СПб., 1996. С. 21.
- 29 Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- 30 Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 282.
- 31 Победоносцев блестяще знал английскую литературу, которую читал в оригинале. По воспоминаниям Вогюэ, обер-прокурор особенно любил английских поэтов Шелли, Суинберна, Бродинга. См.: *Vogue E. M. Op. cit.* P. 136.
- 32 Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 294.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 295.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 286.
- 37 Там же. С. 279.
- 38 Там же. С. 285.
- 39 Там же. С. 183.
- 40 Там же. С. 264.
- 41 К. П. Победоносцев в письмах к друзьям / Сост. О.Е. Майорова // Новый мир. 1989. № 3. С. 281.

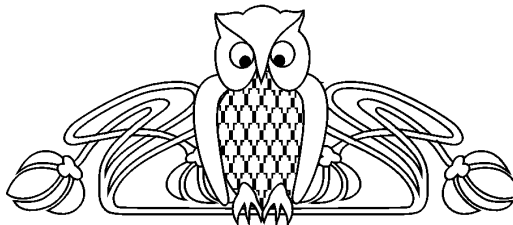
УДК 94(47). 082/083 + 929 Урусов

ССЫЛЬНЫЙ АДВОКАТ А.И. УРУСОВ

А.В. Степанова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: angelaalmas@mail.ru

В статье рассматриваются малоизвестные факты из жизни знаменитого русского адвоката А.И. Урусова, который прославился на процессе по делу о тайной террористической организации, подвергся гонениям власти и долгое время не мог вернуться к профессиональной деятельности. Исследование основано на большом количестве архивных данных.

Ключевые слова: адвокат, самодержавие, право, революционеры, суд, наказание, профессиональная деятельность.

The Lawyer in the Reference A.I. Urusov

A.V. Stepanova

Scientific research about well-known Russian lawyer A.I. Urusov. Urusov has become famous as the lawyer protecting participants of

the secret terrorist organisation. For support of revolutionaries was exposed to prosecutions. The power forbade it to conduct professional work. In article severe methods of prosecution are shown by Russian autocracy of oppositionists. Long time was in exile, but has not surrendered. In research it is a lot of contemporary records.

Key words: the lawyer, autocracy, the right, revolutionaries, court, punishment, professional work.

Столичная знаменитость, титулованный дворянин голубых кровей, родственник самого канцлера Горчакова, известный театральный критик, талантливый адвокат, непревзойденный оратор, неординарная личность, просто персона *non grata* – и все это закончилось в один миг. Князь А.И. Урусов 2 октября 1872 г. был арестован и изгнан из столицы. Впереди запрет на все: на свободу, на адвокатскую деятельность, на общественную деятельность, на сохранение здоровья – одним словом, запрет на жизнь.

Безусловно, главную роль в аресте и высылке Урусова сыграло «нечаевское дело». Для правительства было принципиально важным «правильное» решение этого важного государственного дела. За процессом внимательно следил Александр II. Власть рассматривала любые попытки оправдать, либо защитить государственных преступников, уличенных в уголовном преступлении, как оскорбление лично самодержцу. Александр Иванович на свою беду слишком интересовался теми, кто хотя бы косвенно был причастен к этому делу.

Появление Александра Ивановича Урусова в Швейцарии совпало со временем переговоров российских и швейцарских властей о выдаче С.Г. Нечаева. Опрометчивый поступок Урусова, если он был, не мог пройти незамеченным. Но это был не единственный вольнодумный поступок либерального адвоката, озлобивший власть¹.

Сослали опального адвоката в Лифляндскую губернию, в захолустный Венден. Более того, оговаривалось, что «корреспонденция князя Урусова должна быть... под надзором полиции подвергнута просмотру»². На полях рукой Александра II было высочайше начертано: «Надеюсь, что надзор за ним будет действительный»³. Столь сурово аристократа с такими связями (родственник самого князя А.М. Горчакова) наказали за совокупность непрерывно провоцирующих власти и рассчитанных на публичность поступков.

Любопытна дневниковая заметка князя В.М. Голицына⁴ по поводу ареста Урусова. «Разлился слух об аресте адвоката Урусова, арест... связан с нечаевским делом. Я никогда особенно не верил этому делу... Серьезно относиться к проповедуемым нечаевцами... утопиям едва ли возможно какому бы то ни было образованному человеку. Утопии эти не в силах выявить какие-либо сочувствия... слишком безумно, чтобы затронуть какие-либо стороны жизни. Нечаевское дело, раздутое до размеров демонической демонстрации, не представляло собой борьбу какой-либо идеи против другой...»⁵

Итак – Венден... Страшная для пошатнувшегося здоровья А.И. Урусова ссылка. Сахарный диабет провоцировал прогрессирующую глухоту и сильную близорукость, болезнь сердца, поражение центральных нервных окончаний, с сильнейшими болями и конвульсиями, которые снимались лишь морфием и отразились на опорно-двигательной системе. Позднее сам Александр Иванович так определял свое состояние: «Умерли... уже три вещи: звук, свободное перемещение в пространстве и вкус»⁶. Для такого активного, деятельного и трудолюбивого человека это было равносильно гибели. Урусов был лишен права трудоустройства, ему запретили вести адвокатскую деятельность. Он оказался в полной духовной и культурной изоляции, а самое страшное для него – забвение. Нет новых экстравагантных и вызывающих возмущение властей и восхищение публики подвигов, нет новых громких дел – нет и адвоката.

Любопытно, что до ареста все знакомые Урусова были уверены в его богатстве, так как легенды о баснословных гонорах присяжного поверенного не давали покоя прессе. Между тем, когда состоялся арест, оказалось, что деньги, нужные на дорогу и проживание в Вендене, ничтожно малы, учитывая, что срок ссылки был неизвестен: лишь 5 тыс. руб. Это все, что было на тот момент у князя.

Очень тяжело переживая ссылку, Александр Иванович страдал еще и без семьи, родных и близких. Терзаемый невралгией, подвижный и эмоциональный, он более всего мучался тем, что не знал, куда приложить свои таланты. Урусов перевез в Венден библиотеку, оборудовал минилабораторию и стал изучать химию, увлекся естественными науками. Родные, особенно мать, делали все возможное, чтобы вызволить Александр Иванович из изгнания. «Девушка замечательной красоты нерусского происхождения, без приданого и без определенного общественного положения, никогда не умевшая разделить с ним его умственные интересы <...>»⁷ рвалась с месячным ребенком к мужу в ссылку⁸, чтобы быть надежной опорой в трудный час этому светскому льву. Стоит отдать должное женщине, «сумевшей навсегда удержать его привязанность добрыми свойствами души и характера»⁹.

Как ни храбрился князь Урусов в ссылке, посылая письма, полные возмущения администрацией и полицией, зная, что корреспонденция вскрывалась, он усугублял свое положение и затруднял ходатайства за него родственников. Более того, было стремление власти просматривать бумаги и корреспонденцию жены Александра Ивановича. По мнению органов надзора, бывший адвокат мог воспользоваться неприкосновенностью корреспонденции Марии-Анны и передать ей преступную информацию¹⁰. Но все же до тотального контроля дело не дошло: «Я не признаю возможным подвергать просмотру корреспонденцию лица, имеющего прибыть в г. Венден для совместного

с кн. Урусовым сожительства...», – констатировал жандарм. Вместе с тем за супругой опального адвоката настоятельно рекомендовали «установить совершенно секретное наблюдение»¹¹.

Между тем прогрессирующая болезнь, культурная изоляция, невообразимая тоска делали свое дело. 7 марта 1873 г. лечащий врач Урусова, в течение пяти месяцев наблюдавший пациента, засвидетельствовал болезненное состояние организма Александра Ивановича вплоть до конвульсий. Прописанные ссыльному средства не помогали. После усиленных хлопот матери¹² просьба о переводе его по болезни из Вендена в Ригу, к великому счастью, была удовлетворена 20 марта 1873 г., но «с продолжением как за ним так и его корреспонденцией строгого надзора»¹³. Переезд, столь ожидаемый и необходимый, задержался в связи с ухудшением здоровья. В июле 1873 г., находясь уже в Риге, Урусов просил разрешения у губернатора Лифляндии о дозволении на время купального сезона по настоянию врача отправиться на лечение под Ригу. К радости, его разрешение было получено¹⁴.

В Риге Урусов вздохнул «свободнее», насколько это вообще было возможно в его положении. Тут был театр, записным посетителем которого и рецензентом в русской газете не мог не сделаться князь. Блестяще владея немецким языком, он сотрудничал и с немецкими газетами, был завсегдатаем в шахматном клубе в популярном обществе немецких баронов, к которым принадлежал по родственным связям; был вхож в знатные семейства и оставил веселую память о вольном нраве русского князя в бюргерских кругах Риги.

Несмотря ни на что, князь А.И. Урусов остался прежним. Молодость, энергия, вольный нрав и неумная натура брали свое, а после «заточения» это проявилось еще резче. Словно он подкопил сил и наверстывал упущенное время. И это незамедлительно сказалось. Стараясь найти максимальное применение кипучей энергии, Александр Иванович участвовал во всех общественных делах. Когда в России разразился голод, он затеял сбор пожертвований и создание комитета в помощь самарским голодающим. Для этой цели в ноябре 1873 г. было составлено воззвание на трех языках: немецком, латышском и русском, где не было ни единого крамольного выражения. В воззвании был перечислен список лиц, внесших пожертвования, среди которых были и лица, облеченные высшей властью в губернии, а в конце скромно без титулов и званий стояла подпись: А. Урусов¹⁵. Воззвание стало поводом для новой ссылки князя в г. Венден¹⁶. В высшей степени замечательно и с точки зрения «бдительности», и с точки зрения полицейского авторитета своеобразное внушение и наставление на «путь истинный», которое сделал самому губернатору края полицмейстер: «В разосланном особыми листами воззвании заметно сопоставление таких имен, как Вашего превосходительства и состоящего под надзором

полицейского князя Урусова. Принимая во внимание, что самый надзор за князем Урусовым подчиняется непосредственно Вашему превосходительству, как представителю правительствующей власти и что допущение его к общественной деятельности, хотя бы в таком деле, как организация благотворительности, делает этот надзор в глазах публики как бы недействительным, я считаю необходимым обратить внимание Вашего превосходительства на крайнюю неуместность допущения с вашей стороны подобного рода гласной деятельности лица, состоящего под надзором»¹⁷.

Е.А. Пушкин указал еще на один факт, напомнивший власти о «либерализме» ссыльного адвоката. При обыске у одного неблагонадежного студента (впоследствии он имел богатый «послужной» революционный список), показавшегося и прощенного, нашли завещание Александра Ивановича Урусова, написанное в 1870 г. Суть завещания довольно вызывающая, если не сказать нигилистическая: 1) он объявлял себя не верующим в Бога; 2) требовал не делать ему похорон; 3) требовал поставить ему памятник, на котором должно быть написано: «Да здравствует свобода»; 4) завещал своему другу Н. (возможно, Никольскому. – А. С.) портрет горячо любимого А.И. Герцена и 1000 руб. редакции журнала для премии за лучшую работу о первой французской революции, «написанной не в ретроградском духе»¹⁸.

Ссылка по состоянию здоровья Александра Ивановича не была продолжительной. «Переведенный из Риги в г. Венден князь Александр Урусов находится... в болезненном состоянии, требующем особого лечения электричеством, что в г. Вендене невозможно», – констатировал лечащий врач¹⁹. В январе 1874 г. Урусов вернулся в Ригу.

Вторая ссылка была очень тяжелой, просительные письма Александра Ивановича к шефу жандармов гр. П.А. Шувалову²⁰, написанные в верноподданническом тоне, не помогли. Лишь обращения матери Урусова к венценосцу смягчили положение ссыльного. В феврале 1875 г. кн. Урусов подал ходатайство о помиловании на имя нового шефа жандармов А.Л. Потапова²¹. В этом послании, в частности, говорилось: «Ваше Высокопревосходительство! Каково бы ни было <мнение>, которое составилось обо мне, я взываю к вашему чувству человечности и справедливости: не искупил ли я несколько теоретических заблуждений и юношеской заносчивости годами безмолвной ссылки, томительного бездействия и совершенного разорения? Не наступила ли возможность, на основании данных, добытых столь тщательным надзором, предоставить мне вновь право состояния, дабы я мог не словами, а на деле доказать, что я воспользовался уроками жизни и изменился к лучшему?»²². Позднее Урусов написал еще одно письмо с просьбой «даровать... прощение» и уверением «в... глубоко, искреннем раскаянии». Письмо было приурочено ко дню празднования вступления

на престол императора²³. Но просьба была отклонена. Лишь в мае 1875 г. Урусову позволили поступить на государственную службу. В архиве сохранилась справка следующего содержания: «Генерал-губернатор, получив Высочайшее распоряжение о поступлении кн<язя> Урусова на службу, сделал распоряжение об освобождении от политического надзора»²⁴. 1 июля 1875 г. кн. Урусов поступил на службу старшим помощником секретаря канцелярии Лифляндского и Курляндского генерал-губернатора князя П.Р. Багратиона²⁵ по рекомендации попечителя Рижского учебного округа А.А. Сабурова²⁶. Однако вскоре – 21 марта 1876 г.²⁷ – по случаю упразднения Прибалтийского генерал-губернаторства²⁸ Александр Иванович остался за штатом. 27 мая того же года министром юстиции К.И. Паленом кн. Урусов был назначен товарищем прокурора Варшавского окружного суда. 15 июня 1876 г. он приступил к своим обязанностям²⁹.

Трудно сказать, обрадовался ли этому назначению А. И. Урусов, но, безусловно, отрадным был для него факт обретения свободы, поскольку с поступлением на государственную службу с него был снят полицейский надзор. Кроме того, новая должность вселяла надежду на скорое возвращение в центр России. Увы, этим чаяниям не суждено было сбыться! Стремление получить разрешение посетить Санкт-Петербург свидетельствует о страстном желании Урусова если не вернуться, то хотя бы прикоснуться к прежней вольной жизни. Однако князю было сухо отказано со словами, что в течение 15-ти дней он получит распоряжения и не стоит совершать столь дальнего путешествия³⁰.

Этот период можно считать переломным в профессиональной деятельности Урусова. Прокурорская работа в продолжении 5-ти лет повлияла и на его жизненные взгляды и, если не изменила их коренным образом, то существенно сместила акценты. «Вернулся он без прежних иллюзий: и ссылка, и государственная служба значительно усилили природный скептицизм его и воспитали политический индифферентизм...»³¹, – вспоминала А.А. Андреева. Те, кто знал Александра Ивановича до 1872 г., а затем общались с ним после ссылки, видели явные перемены: сколь в характере его прибавилось мягкости, терпимости и добродушия, столько же исчезло задора, веселости и беззаботности. Сам Урусов так объяснял свою перемену: «Посылаю вам карточку, чтобы Вы могли видеть, что я переменяю кожу, как змея, которой я должен – хоть и позднечко! – подражать в мудрости. Это легко, пока не приходится ползать. Быть может, змеи оттого и мудры, что ползают на животе. Нам это трудно»³².

Находиться в польском крае русскому князю было небезопасно. «Настроение здесь к нам ... вообще враждебное. Писал ли я Вам, какое анонимное письмо с угрозами я получил из Львова? здесь эти шутки – обещания убийства – в большом ходу»³³. Как со стороны польских

националистов, так и русских псевдопатриотов отношение к Урусову было подозрительным: этот князь, этот пришелец, какие идеи исповедует, как вписывается в новое для него общество, на каких позициях стоит? А он был европеец и по духу и по образованию, ценил индивидуальность характера и талант, «придавал большое значение влиянию ремесла, профессии, быта, не меньше, чем наследственности или расе»³⁴. Космополит, он талантливо доказывал право быть «своим среди чужих», так как приветствовал и исповедовал общечеловеческие ценности. Такие люди всегда вызывали недоверие у псевдопатриотов административного пошиба.

Урусов, находясь в польском крае, «не перешел в тот лагерь торжествующего цинического оппортунизма и не заразился теми “патриотическими” веяниями, которые несли с собой расовую нетерпимость, лакейское подобострастие»³⁵. Александр Иванович имел не только редкое мужество своего мнения, но и мужество не бояться и не стыдиться своих предпочтений и симпатий. Он стал прокурором, продолжая оставаться в сфере правосудия. Как ни парадоксально, но и здесь он нашел применение своим ораторским талантам. Можно сказать, что этому способствовало отсутствие у князя всяких национальных предрассудков, чему свидетельством была вся его дальнейшая деятельность. Видимо, понимая, что спрятать, разрушить, либо уничтожить талант невозможно, власть согласилась на применение его в своих интересах: «Местное начальство <...> смотрело на его службу в [собственных] интересах» и «под своим контролем»³⁶.

Урусова, как переведенного «в разряд управляющихся» по уставу о ссылных, не «обременяли» серьезными делами³⁷. Самый яркий эпизод, можно сказать, дебют в прокурорской работе, связан с обвинением в убийстве профессора Гирштовта. Речь Урусова произвела фурор, стало ясно, что талант оратора не погиб и в столь сложный период переживает новый расцвет. О князе вновь заговорили критики, как истинные ценители красоты формы слова, так и недоброжелатели. Урусов вновь был в своей стихии, хотя его положение, безусловно, изменилась. Прокурор – это обвинитель, это государственная должность, здесь нет возможности эпатировать публику, а следовательно, победа профессионально значима и ценна. «Коронный суд... все-таки, всегда стесняет полет мысли и слова сторон. Из-за почтенного облика труженика, судьи, заваленного ежедневной деловой работой, всегда невольно виднеется “дьяк в приказе посеведевший”, и этот образ налагает свою руку на вдохновение, на блеск красок и игру ума»³⁸.

Деятельность в качестве прокурора, безусловно, изменила князя Урусова, его правовое развитие сильно продвинулось, что отразилось в блестящих победах. Появилось мнение, что Урусов нашел себя в новом призвании, а адвокатура была прихо-

тью строптивой натуры, бравадой молодости. Эти выводы основаны на письмах пессимистического периода жизни князя. «... Я всегда с некоторой брезгливостью относился к торгашескому элементу в адвокатуре. Я искал в ней идеальные цели и в этих поисках нередко заблуждался и наткнулся на пни или попадал в дебри <...>. И, теперь, вышедши из сферы, где многие торгуют словами, я как-то внутренне ежусь, как-то коробит меня при мысли о возвращении в оную, но я не могу не признать, что государственная служба хороша или для людей обеспеченных, или при особо счастливых условиях. Будь я материально обеспечен, знай, я, что могу умереть спокойно, оставив семье безбедное существование, я с радостью служил бы в судебном ведомстве ...»³⁹

Это письмо написано в марте 1877 г., когда Урусов уже почти год не по собственному желанию был исключен из той стихии, где чувствовал себя как рыба в воде, на неприметный берег периферийной прокуратуры. Как говорилось, выбором адвокатской профессии не были довольны его родные, готовившие ему «более благородное» для родовитой особы занятие, – дипломатию. И выбор профессии защитника был осознанно сделан самим Александром Ивановичем без всякого давления извне. А прокуратура – это та спасительная соломинка, за которую он так радостно ухватился, но цену ей и в момент эйфории ощущал всегда: «... во мне крепнет любовь к делу и деловое отношение к нему. Не надоело ли это и не является ли тут пресыщение – не знаю. Но теперь я чувствую, что перевес “достоинства” и важности защищаемых интересов на стороне государственного обвинения. Оно втрое, иногда вдесятеро труднее защиты, следящей и гарцующей на легконом скакуне “сомнения”»⁴⁰.

Достаточно скоро Урусов испытал разочарование и пресыщение. Опасаясь ярких и эмоциональных выпадов и заключений бывшего адвоката, власть ограничила доступ в руки Урусова крупных и в профессиональном отношении интересных дел. Это вызвало у князя новый всплеск меланхолии и пессимизма. «... Болезнь, бездомность, порабощение способностей и нужда. О будущности своей семьи я уже стараюсь не думать, благодаря тому удивительному легкомыслию, с которым мы, как говорит Ж. де Местр⁴¹, считаем чужую смерть явлением понятным и обыкновенным, а свою – каким-то невероятным событием»⁴². Трудно представить, что такой человек, как Александр Иванович, мог всю жизнь работать ради материального благосостояния, пожертвовав своими способностями. Он знал цену своим талантам и искал им подтверждение в славе. А.И. Урусов был ярким человеком и ярко старался жить. Что же касается материальных благ, то работая почти до последнего дня, «он не оставил после себя крупного состояния – все до чего могут прийти наши талантливые адвокаты, ни серьезного большого труда, а только начала и в

том и в другом деле»⁴³. Вспомним, что в момент ареста и ссылки, в период наивысшего успеха, у него не оказалось приличной суммы для существования. Безусловно, есть весомая доля истины в словах: «... Александр Иванович – прокурор был далеко не то, что он же в роли защитника <...>. Что касается ... прокурорских речей, то они поражали всех своей талантливостью и красотой формы, но не всегда убеждали опытных судей»⁴⁴.

И все же, он любил адвокатуру, потеряв иллюзии, зная, что «часть адвокатов наибольшая, устремилась резвым аллюром за наживою. Часть ушла за кулисы, стала торопливо ковать рубли и ефимки из людской глупости. Часть... познакомилась с местами, куда... “Макар телят не гонял”⁴⁵.. Даже с падением ее общественного значения, никогда не переставал ею интересоваться. Он ... любил в ней и труд, дающий средства к независимости, и привычное занятие, сродное природе его дарований, и возможность быть полезным в этой специальной сфере интересов»⁴⁶. Переведенный с помощью А.Ф. Кони, в январе 1878 г. товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, и проведя ряд громких дел (Гулак-Артемовской, Юханцева, Августовского и др.), насладившись славой и доказав, что на новом поприще он может быть столь же знаменитым, сколь и на адвокатском, он описывал свое положение так:

В делах казенных, арестантских,
И в уголовных, и в гражданских,
Я с мрачной миною встаю,
И заключения даю.
Стою верблюдом на показ,
Ох, службе я такой не рад.
И даже вид имею серый ...⁴⁷

Много кривотолков вызывала каждая речь Урусова на судебных процессах. Болезненно, но достойно воспринимал это Александр Иванович. У власти он оставался на подозрении. На неоднократные просьбы об отпуске и поездке за границу с целью поправить изрядно пошатнувшееся здоровье он неизменно получал отказы: «... У меня сделался сильный приступ неврастения, и я прокричал..., несмотря на хлорал и впрыскивания морфия. Не знаю от умиротворяющего влияния наркотиков или от жары, но я не умею выразить всего негодования, возбуждаемого во мне начальническим отношением ко мне “отцов-командиров”! Я в их глазах не более как “подчиненный”, которому и болеть то не позволено, не говоря уже о лечении»⁴⁸.

И все же судебное поприще в должности помощника прокурора было узким для адвоката Урусова. С большими трудностями и при посредничестве А.Ф. Кони удалось князю добиться того, что хотя и не изменилась должность, но расширился масштаб его деятельности, когда он осел в северной столице. Здесь «жизнь его существенно поправилась, вплоть до возможности выезжать за границу, причем на длительный срок»⁴⁹. Жалование в 1000 руб., столовых 500 руб., да квартирных

столько же, если не решило всех материальных проблем, то изрядно поправило финансовое положение семьи князя⁵⁰. Возможно, из ссылки в Петербург Александр Иванович вернулся уже узаконив отношения с Марией Юргенс. Вероисповеданию большого значения он не придавал, особенно в своей бурной молодости, будучи большим скептиком по этой части. А Мария-Анна была из мелкой бюргерской семьи, где вера протестантская почиталась столь же благоговейно, как и семейные устои. Думается, если и было венчание, то именно в лютеранской церкви, хотя в формулярных списках значится запись «православного вероисповедания»⁵¹.

Долгое время, несмотря на многочисленные просьбы об отставке и возврате в адвокатуру, Урусов неизменно получал отказы. Министр юстиции гр. Пален в ответ на просьбы Александр Иванович хладнокровно отвечал: «Послужив, успеете еще нажиться»⁵². Лишь в 1881 г. благодаря наступившей в эпоху «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова⁵³ короткой оттепели Урусов добился своего. Этому, возможно, содействовало награждение 1 января 1881 г. орденом Св. Владимира 4-й степени действительно «послужившего» титулярного советника князя А.И. Урусова⁵⁴.

Примечания

- 1 См. подробнее: *Степанова А.В.* Князь А.И. Урусов – личный враг Александра II // *Вопросы истории.* 2008. №11. С. 144–149.
- 2 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 10.
- 3 Там же. Л. 14.
- 4 Голицын В. М. (1847 – 1931) – князь, московский губернатор в (1888 – 1891).
- 5 РГБ РО. Ф. 75. Д. 3 (Дневник князя В. М. Голицына). Кн. 3. С. 69–70. (На этот источник не составлена опись).
- 6 *Урусов А. И.* Письма к сестре // Князь Александр Иванович Урусов (далее – Князь А.И. Урусов): В 3 т. Т. 2–3. С. 157.
- 7 *Андреева А. А.* Князь А. И. Урусов. К характеристике литератора и человека // Там же. С. 435.
- 8 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 16.
- 9 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 435.
- 10 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 16(об.).
- 11 Там же. Л. 19–20.
- 12 Там же. Л. 32.
- 13 Там же. Л. 29, 31; 35.
- 14 Там же.
- 15 РГБ РО. Ф. 311. П. 6. Д. 5. Л. 3.
- 16 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 39.
- 17 Там же. Л. 47. Любопытно, что на одном из экземпляров воззвания рукой Урусова была сделана карандашная надпись: «За это дело я был выслан в Венден» (См.: РГБ РО. Ф. 311. П. 6. Д. 5. Л. 6).
- 18 *Пушкин Е. А.* Воспоминания о князе Урусове // Князь А. И. Урусов. Т. 2–3. С. 108–109.
- 19 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 44.
- 20 П. А. Шувалов (1827–1889) – граф, шеф жандармов и управляющий III отделением (1866–1874).
- 21 А. Л. Потапов (1818–1886) – начальник Штаба корпуса жандармов (1861 – 1864), шеф жандармов и главноуправляющий III отделением (1874 – 1876).
- 22 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 47.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л. 53.
- 25 Багратион П. Р. (1818–1876) – генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии.
- 26 Сабуров А. А. (1838–1916) – попечитель Дерптского учебного округа. В 1880–1881 гг. министр народного просвещения.
- 27 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 131(об.).
- 28 Там же. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2307. Л. 130(об.)–131(об.).
- 29 Там же.
- 30 Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 320. Л. 54–55.
- 31 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 467.
- 32 Цит. по: *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 466.
- 33 Цит. по: *Кони А. Ф.* Воспоминания о князе А. И. Урусове // Князь А. И. Урусов. Т. 2 – 3. С. 200.
- 34 Цит. по: *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 418.
- 35 Там же. С. 469.
- 36 *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 199.
- 37 Там же. С. 199.
- 38 Там же. С. 198.
- 39 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 199.
- 40 Там же. С. 200.
- 41 Ж. де Местр (1754–1821) – французский религиозный мыслитель.
- 42 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 202.
- 43 *Кирпичников А. И.* Князь А. И. Урусов // Князь А. И. Урусов. Т. 2–3. С. 126.
- 44 *Пушкин Е. А.* Указ. соч. С. 111.
- 45 РГБ РО. Ф. 311. П. 5. Д. 7. Л. 11–11(об.).
- 46 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 470.
- 47 Цит. по: *Федорова* Вступительная статья. РГБ РО. Ф. 311. Оп. (м. ф.). С. 6.
- 48 Цит. по: *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 202.
- 49 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2307. Л. 131.
- 50 Там же. Л. 130(об.).
- 51 Там же.
- 52 *Андреева А. А.* Указ. соч. С. 467.
- 53 М. Т. Лорис-Меликов (1825–1888) – граф, генерал-адъютант, в 1880–1881 гг. министр внутренних дел и начальник Верховной распорядительной комиссии.
- 54 РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1512. Л. 40–41.

УДК 94(47). 082/083 + 929 Милютин

ОБЗОР «ДНЕВНИКА» ВОЕННОГО МИНИСТРА ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МИЛЮТИНА. 1878–1882 ГОДЫ

К.В. Белов

Саратовский государственный университет
E-mail: nordkvb111@gmail.com

В работе даётся обзор дневниковых записей военного министра Д.А. Милютин за 1878–1882 гг. В данный период шло усиление позиций этого известного реформатора, ставшего к тому времени крупным политическим деятелем, на которого была возложена большая ответственность за проведение внешнеполитического курса государства. Д.А. Милютину пришлось решать ряд насущных проблем как во внутриполитической, так и во внешнеполитической сферах. Вплоть до своей отставки военный министр способствовал тому, чтобы Российская империя не оказалась опять в международной изоляции, за исключением решения среднеазиатской проблемы шёл на компромисс для того, чтобы помочь разрешить спорные вопросы по Балканам и Ближнему Востоку. Дневник как важный источник даёт возможность получить достаточно ясную картину происходящего в проводимой политике, которая была поддержана министром-реформатором Д.А. Милютиным.

Ключевые слова: Особое присутствие Государственного совета, защита черноморских проливов, европейское международное право, Адрианопольский вилайет, «Балканская конфедерация», Берлинский трактат, Тырновская конституция, международная дипломатическая изоляция, «конституционная реформа».

Review of the Diary of Minister of War D.A. Miliutin. 1878–1882

K.V. Belov

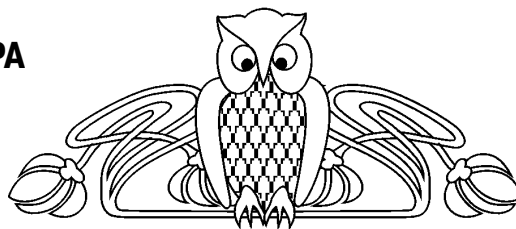
The article reviews the diary of the Minister of War D.A. Miliutin, 1878–1882. This period is marked by strengthening of Miliutin's position. By that time he became an important political figure who determined the national foreign policy. D.A. Miliutin was to solve a number of urgent problems both domestically and internationally.

Until his resignation his main course of action was to avoid the possibility of international isolation for Russia again. Except Central Asiatic problem he was ready to compromise in order to solve the disputable questions about Balkans and Near East.

Being an important source of historical information the Diary gives a clear picture of the politics supported by the minister-reformer D.A. Miliutin.

Key words: Special Meeting of the State Council, protection of the Black Sea straits, European International law, the vilayet of Adrianople, «The Balkan Confederation», The Treaty of Berlin, The Constitution of Tyrnovo, international diplomatic isolation, «constitutional reform».

Мемуарное наследие – «Дневник» и «Воспоминания» Дмитрия Алексеевича Милютин, известного государственного деятеля, военного министра и учёного – военного историка, пережившего четырёх самодержцев (Александра I, Николая I, Александра II и Александра III) и

заставшего первое десятилетие XX в., вызывает значительный интерес при изучении истории данного периода.

Собственно «Дневник» как первая часть мемуаров военного министра был опубликован в 1947–1950 гг. и состоит из четырёх томов, где охватывается период с 1873 по 1882 г.¹ В настоящее время – с 2008 г. – издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) начало выпускать новую, более полную версию «Дневника» Д.А. Милютин в пяти томах за 1873–1899 гг. Вышел пока только первый том². В первоначальной и новой редакциях данного труда первый том (1873–1875 гг.) содержит в виде вступительной части биографический очерк о видном государственном деятеле.

Д.А. Милютин начал вести Дневник с 8 апреля 1873 г., со времени заседаний Особого присутствия Государственного совета для обсуждения проекта о воинской повинности³. Сведения об этом являются основным фоном повествования в данном томе. Здесь же подробно описывается деятельность как самого военного министра, так и его соратников – А.А. Абазы, князя М.Т. Лорис-Меликова, великого князя Константина Николаевича и других, сумевших добиться реализации этого законопроекта, несмотря на противодействие со стороны одиозной личности – министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и шефа жандармов графа П.А. Шувалова. В этом же томе анализируются военные операции русских войск против Хивинского ханства и большое количество эпизодов, непосредственно связанных с прямыми обязанностями Д.А. Милютин на посту военного министра. Это, например, приёмы, участие в парадах, смотрах, сопровождение коронованных особ вроде германского императора Вильгельма I и австрийского императора Франца-Иосифа I. Небезынтересны такие сведения, как посещения военным министром военных округов весной-летом 1875 г. для инспектирования военно-учебных заведений.

Во втором томе «Дневника» (1876–1877 гг.), вышедшего в 1949 г., помещены сведения о восточном кризисе и начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁴ Описываются также действия русских войск во главе с «белым генералом» М.Д. Скобелевым и присоединение к империи Кокандского ханства (по Высочайшему указу от 19 февраля 1876 г. ставшего Ферганской областью)⁵. В этом же томе Д.А. Милютин очень подробно показывает ход переговоров по разрешению Восточного кризиса с Германией и Австро-Венгрией. Большое

количество фактического материала посвящено Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сам автор «Дневника» сопровождал императора Александра II по театру военных действий в первый год войны – с 17 апреля по 10 декабря 1877 г.⁶

Последние тома, третий и четвёртый, где Д.А. Милютин вёл дневниковые записи с 1878 по 1880 г. и с 1881 по 1882 г. соответственно вышли в 1950 г. Первоначально было заявлено, что «Дневник» будет содержать записи до 1886 г. включительно, но в последнем томе последняя же дата приходится на конец 1882 года. Это объясняется тем, что дневниковые записи, охватывающие последующие 4 года, повествовали в первую очередь о семейных делах Милютина и малоинтересны для исследователей⁷. Это решение издателей может быть оправдано тем, что военный министр ушёл в отставку 22 мая 1881 г., после чего оказывал лишь косвенное влияние на политический курс. Между тем из введения в последнем томе следует, что в записях 1883–1886 гг. освещены не только «семейные дела». С бывшим министром консультировались по поводу возобновления «Союза трёх императоров», и он даёт некоторую информацию об отчётах по переговорам в 1886 г. с турками об оборонительном союзе по совместной защите черноморских проливов. Вдобавок в течение этого времени Д.А. Милютин часто обсуждал проблемы страны со многими видными российскими государственными деятелями⁸. Необходимо отметить, что незавершенность редакции «Дневника» ни в коей мере не умаляет достоинства опубликованных четырёх томов, которые являются основным источником для изучения переломных лет – 1873–1882 гг.⁹

В данной статье обзор охватывает только III и IV тома «Дневника» (1878–1882 гг.) – это период, когда влияние военного министра стало довольно-таки весомым в сфере международных отношений и будучи фактическим руководителем внешней политики, он принимал участие и в решении внутриполитических проблем. Д.А. Милютин являлся сдержанным, трезвомыслящим политиком, следовательно, он был одним из главных противников тех, кто склонялся к авантюрам и тем более ошибкам, как ему казалось, в проведении внешней политики. В то время, когда шла Русско-турецкая война, престарелый канцлер и глава министерства иностранных дел светлейший князь А.М. Горчаков всё более и более терял контроль над ситуацией. И последствием этого явилось то, что основные внешнеполитические решения выносились в большей степени не его ведомством или тем более его помощником Н.К. Гирсом, а как раз Д.А. Милютиным. Царь не предпринимал никаких действий без того, чтобы сначала не посоветоваться со своим военным министром. Таким образом, Д.А. Милютин с 1878 по 1881 г. работал и как глава своего ведомства, и как лицо, наделённое большими полномочиями, ответственное за внешнюю политику¹⁰.

Одной из первых серьёзных проблем, с которой ему пришлось столкнуться, явился Берлинский конгресс, шедший с 1 июня по 1 июля 1878 г. Возможно, лучше чем кто-либо Д.А. Милютин осознавал всю безнадёжность международного положения России. Он понимал, что преобразования вооружённых сил империи ещё были слишком далеки до своего завершения (это негативно сказалось в войне с Турцией). В такой ситуации военный министр мог прибыть в Берлин только с трезвой оценкой происходящего. Вообще каковы бы не были результаты Берлинской конференции, Д.А. Милютин верил, что в далёкой перспективе они будут менее тяжёлыми, чем та судьба, на которую Россия будет обречена в случае, если разразится новая общеевропейская война¹¹. Такая политика примирения и уступок не вызывала симпатий и поддержки в обществе, в частности, со стороны представителей славянофильства. Особенно яростным противником подобного положения вещей был один из его идеологов – И.С. Аксаков, выступавший к тому же с позиций панславизма. Известный публицист и общественный деятель, редактор газеты «Молва», издатель газет «День», «Москва», «Русь» и журнала «Русская беседа», он осуждал принятые решения, в том числе Берлинский трактат, заключённый 1 июля 1878 г.¹² Мисти́тый славянофил обличал в лицемерии и коварстве всю европейскую дипломатию, особенно «досталось» от него Великобритани и Австро-Венгрии, которые, по его глубокому убеждению, делали всё возможное, чтобы ослабить российское влияние на Балканском полуострове и ухудшить тем самым положение проживающих там славянских народов¹³. Д.А. Милютин чётко себе представлял позицию русских дипломатов на Берлинском конгрессе, которая определялась тем, что Россия в тот момент оказалась слабой в экономическом и политическом плане и вести новую войну с европейской коалицией вовсе не могла. Поэтому, по мнению военного министра, славянофилы могли принести только лишь вред тем курсом, который они стремились проводить, если бы им это удалось¹⁴.

Полностью осознавая эти слабости, Д.А. Милютин изыскивал наилучшие средства защиты интересов России в стратегически важных областях. Его самый последний проект относился к решению Восточного вопроса. В Западной Европе бытовала основная точка зрения, согласно которой Россия стремилась захватить черноморские проливы. Несмотря на то, что были государственные деятели, стремившиеся к этой цели, Д.А. Милютин не входил в их число. Его главная задача состояла в том, чтобы не допустить противника к захвату выхода в Чёрное море – Босфор, а также не допустить доминирования ни одной из великих держав на Балканах¹⁵. Для гарантий этого он предложил, чтобы проливы и Мраморное море получили статус нейтральных территорий. Впоследствии их можно было бы поставить под контроль международной комиссии со своим штабом, располагавшимся в

Константинополе. Присутствие любого военного корабля в данных водах без специального разрешения комиссии считалось бы нарушением Европейского международного права¹⁶.

Видение Д.А. Милютиним балканской проблемы исходило из того, что империя Османов, как он себе это представлял, сохраняя средневековые пережитки, в конце концов, рухнет. Следовательно, необходимо будет привлечь к решению Восточного вопроса европейские державы, которые могли бы выделить средства, чтобы удовлетворить требования народов Балканского полуострова, в том числе славянских, свыше 400 лет находившихся под тяжким гнѐтом Порты: установление автономии, сохранение мира и порядка в регионе. Убеждённый, что лучше было бы иметь чѐтко разработанную схему действий, перед тем как разразится очередной кризис, военный министр в октябре 1880 г. подал составленную им записку «Мысль о возможном решении Восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи» императору Александру II. В этом документе был представлен план разрешения этой сложной проблемы. Согласно ему Османское влияние должно быть ограничено азиатским берегом проливов, за исключением Константинопольского с прилегающим к нему небольшим районом (Адрианопольский вилайет), уходящим от прибрежной полосы в глубь Европейского материка¹⁷. Далее Балканские государства могли бы быть организованы в своеобразную конфедерацию, состоящую из Сербии, Болгарии, Черногории, Румынии, Албании, Греции, а также Боснии и Герцеговины, которые оставались бы в составе Австро-Венгерской империи. Каждое государство – член конфедерации – обладало бы собственной конституцией и статусом полной автономии в решении внутривластных проблем; различные государственные ассамблеи могли бы посылать представителей в парламент конфедерации. Само же это образование находилось бы под протекторатом европейских держав¹⁸. Д.А. Милютин позже признал, что предлагал утопическое решение проблем, хотя шанс, правда, небольшой, усилить российское влияние имелся. Заманчивой идеей являлось то, что при посредничестве одного из членов предполагаемой «Балканской конфедерации» можно было бы укрепить пошатнувшийся авторитет Российской империи. На роль таких посредников и «защитников» российских интересов на Балканах подошли бы Болгария или Черногория, в то время дружелюбно настроенные. Еще до и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. повстанцам Черногории во главе с их князем Николаем I Петровичем Негошем лично помогал сам Д.А. Милютин, содействуя им в снабжении оружием и продовольствием¹⁹. Министру не удалось объяснить, как конфедерация могла бы функционировать, тем более, что её парламент вряд ли был способен разрешать возникшие на полуострове даже локальные пробле-

мы, особенно после ратификации 1 июля 1878 г. Берлинского трактата²⁰. Серьёзным недостатком этого плана явилось желание военного министра видеть границы таких государств, проведѐнными по этнографическому принципу. Было весьма сомнительно, примут ли такое положение заинтересованные государства, особенно Македония, оставшаяся, согласно трактату, в составе Османской империи²¹. Более того, отдельные аспекты данного плана нанесли бы урон международному положению России. Например, включение Боснии и Герцеговины в конфедерацию значительно усилили бы антироссийские позиции Австро-Венгрии. Правящие круги Великобритании также могли бы лишиться раз поздравить себя с успехом и получить дополнительные политические «очки». Но всё же Д.А. Милютин допускал, идя на компромисс ради сохранения «Союза трёх императоров» и политического баланса в Европе, жертвуя планами налаживания в перспективе партнѐрских отношений с Францией, что эти две балканские провинции, оставаясь под властью Габсбургов, могли бы войти в конфедерацию на условиях, похожих на условия, при которых когда-то сами австрийцы входили в бывшую германскую конфедерацию – «Германский союз». Австро-Венгрия, безусловно, извлекла бы для себя немалую пользу – напрямую участвовала бы в решениях по делам «Балканской конфедерации». России пришлось бы умерить своё влияние в этом регионе, что в конечном счѐте и произошло, в противном случае опять можно было бы прийти к конфронтации с европейскими державами.

План создания такой «Балканской конфедерации» действительно демонстрирует, как далеко Д.А. Милютин был готов пойти, чтобы найти верное решение, позволявшее предотвратить войну, к которой Россия не была готова.

Отношение Д.А. Милютина к только что образовавшемуся автономному княжеству Болгарии после кровопролитной войны с Турцией также было тесно связано с его взглядами на Восточный вопрос. Болгария была важна для него, поскольку её армия, обученная русскими офицерами и построенная по образцу русской армии, могла быть в случае необходимости использована для обороны черноморских проливов. Руководствуясь этим, военный министр был убеждённым сторонником линии, проводимой либеральной партией в Болгарии, и принятой 6 апреля 1879 г. Тырновской конституции, первой конституции страны²². Поэтому он был противником абсолютистских тенденций Александра Баттенбергского, австрийца по происхождению, первого князя Болгарии²³. Д.А. Милютин желал бы видеть на болгарском престоле другую кандидатуру – родственника черногорского князя Николая I Петровича Негоша – Божидара Петровича Негоша²⁴. Преобладание соответствующих взглядов военного министра продолжалось до восшествия на престол Александра III, который оказывал всевозможную под-

держку болгарскому правителю, своему кузену, в его попытке усилить власть. В результате составление конституции было приостановлено. После конфликтов с болгарским властителем Александром Баттенбергом самодержец был вынужден вернуться к милютинской политике, подтверждая мудрость ранее предложенной программы²⁵.

В отношении между Россией и Великобританией на Ближнем Востоке Милютин пытался избежать всяческих конфликтов. Он опасался, что «владычица морей» заключит военный союз с другой европейской державой, возможно с империей Габсбургов, чтобы не допустить распространения российского влияния на Балканах. Вот поэтому он приветствовал создание кабинета министров во главе с премьер-министром У. Гладстоном весной 1880 г., хотя вскоре понял, что и этот премьер также не был готов к уступкам интересами Британии в пользу России на Ближнем Востоке²⁶. Позиция же военного министра по отношению к Великобритании, имевшей значительное влияние в Средней Азии, была осторожной, так как в случае осложнений в этом регионе мог возникнуть военный конфликт²⁷. Однако опасность формирования новой европейской коалиции оказалась отдалённой, и все проблемы свелись к разрешению конфликта только в этом регионе²⁸.

Другой серьёзной проблемой, как было сказано, занимавшей Д.А. Милютину в тот период, было взаимоотношение с Германией и существование «Союза трёх императоров». Хотя военный министр и был за принятие договора, но немцы смотрели на него как на сторонника проведения антигерманского направления в России. Бисмарк в августе 1879 г. так писал о российском военном деятеле: «Министром, оказывающим сейчас значительное влияние на императора Александра, является Милютин. Он известен тем, что носит в своём сердце ненависть ко всему германскому, прежде всего к прибалтийским немцам, но также и против нас»²⁹. Д.А. Милютину очень не нравилась та подозрительность, с которой к нему относились германские правящие круги, особенно со стороны «железного» канцлера, князя О. фон Бисмарка и начальника германского Генерального штаба фельдмаршала Г. фон Мольтке-старшего. Недоверие к Д.А. Милютину усилилось вследствие передислокации нескольких кавалерийских дивизий на границе, что дало возможность германской стороне обвинить военного министра в агрессивности и сделать ответные шаги в качестве мер противодействия укреплению российской мощи³⁰. В своём дневнике Д.А. Милютин пишет, что увеличение количества русских солдат в данном регионе было оборонительной, а не наступательной мерой. Для него строительство стратегически важных железных дорог, идущих вдоль границ, да и вообще – расширение сети данных коммуникаций в империи, в том числе соединение европейской части с Дальним Востоком, являлось одной из первоочередных задач. В

правящих кругах Российской империи понимали, что Германия могла гораздо легче мобилизовать свои войска и в 4 раза быстрее, чем Россия, произвести развёртывание своих вооружённых сил³¹. Милютин не считал себя сторонником аксаковской «антигерманской партии», но должен был принять меры для обороны своей страны. Военный министр действительно поддержал переговоры, которые вели к формированию «Союза». Несмотря на лично негативное отношение и, признание большой опасности возникновения международной дипломатической изоляции, он верил, что соглашения с имперской Германией поможет сохранить «статус-кво» и даст России некую безопасность на проливах³². Дневниковые записи показывают серьёзные трудности в отношениях с послом П.А. Сабуровым по вопросу переговоров о «Союзе трёх императоров»³³.

Проблемы, стоящие перед российским министерством иностранных дел, не сводились исключительно к взаимоотношениям с другими государствами, и дневниковые записи за 1880 г. в значительной мере отражают трения и отсутствие скоординированности в Санкт-Петербурге. Большие сложности заключались в том, что царь не имел храбрости отправить в отставку канцлера и главу МИДа А.М. Горчакова, которому уже перевалило за 80 лет³⁴. Формально канцлер Российской империи и как управляющий министерством иностранных дел был на посту до 1882 г., хотя ещё с середины 1879 г. он практически отошёл от своих обязанностей. Положение его заместителя Н.К. Гирса также было неустойчивым. Часто самодержец приказывал Гирсу выполнить какое-либо распоряжение в тайне от А.М. Горчакова и всего министерства. «В каком ещё другом государстве могло существовать такое положение дел», – отмечал Д.А. Милютин в своём «Дневнике»³⁵. Его озабоченность данной ситуацией вытекала из того факта, что царь из-за неспособности канцлера стал проявлять всё больший интерес к международным делам и действовал импульсивно, руководствуясь первыми впечатлениями, что могло, в конце концов, привести империю к печальным последствиям.

В последние годы своей службы Д.А. Милютин активно занимался внешней политикой, но он также не терял интереса и к внутривосточным проблемам. Военный министр являлся одним из самых авторитетных деятелей либерального лагеря, борющихся за дальнейшее проведение буржуазных реформ. В июле 1881 г., после своей отставки, он ознакомился с сочинением А. де Токвиля «Старый режим и революция» (“L’ancien regime et la revolution”) и И. Тэна «Истоки современной Франции» (“Les origines de la France contemporaine”). Министр нашёл в труде Токвиля многое, напомнившие ему состояние современной России, и пришёл к выводу, что она могла многому научиться из истории Западной Европы до 1789 года. Д.А. Милютин подверг сомнению тот базис, на основе которого славянофилы при-

держивались мнения о так называемой непопулярности русского народа, идущего по своему самобытному пути для достижения своей великой миссии³⁶. Д.А. Милютин был убеждён, что мнения И.С. Аксакова и А.С. Хомякова просто искажали исторические факты.

Несмотря на то, что Д.А. Милютин был одним из самых либеральных советников Александра II, его реформистские предложения носили ограниченный характер. Российская империя по форме правления оставалась самодержавной монархией: «... не стояло и вопроса о конституции ...»³⁷ Всё же нужно признать, что крайне умеренные планы, какими они кажутся сегодня, в тот период имели относительно прогрессивный характер. Во многом идеи реформ, как и его предложения о создании Балканской конфедерации были более утопичными, чем реальными. Если у военного министра и имелся шанс одобрения своих реформ до события 4 апреля 1866 г. – неудачного покушения ишутинца (двоюродного брата самого основателя кружка Н.А. Ишутина) Д.В. Каракозова на императора Александра II³⁸, то после этого события эта возможность была исчерпана в результате возросшей активности революционеров-народников, с одной стороны, и усиливающейся реакционной политики правительства – с другой. Д.А. Милютин верил, что общественное спокойствие будет восстановлено только дальнейшим проведением преобразований, которые, по его мнению, как одного из реформаторов, смогут снять социальную напряжённость в народе.

К концу 1880 г. Д.А. Милютин стал утрачивать влияние на внутривластный курс. В этом плане позиции цесаревича-наследника, будущего императора Александра III, усилились. Как известно, впоследствии он придерживался метода решительных и бескомпромиссных действий в борьбе с революционерами-народниками, а не дальнейшего реформирования всех сфер общественной жизни³⁹.

Д.А. Милютин, как один из плеяды умеренных либерально настроенных государственных деятелей, выступавших за незыблемость власти монарха, стремился путём проведения соответствующих реформ, по его мнению, хоронивших средневековые, феодально-крепостнические пережитки, вывести империю на новый, более высокий уровень общественного развития. Но дальнейшему проведению либерально-буржуазных реформ не суждено было сбыться. После убийства народолюбцами 1 марта 1881 г. Александра II, «царя-освободителя», через неделю, 8 марта, прошло Особое совещание министров под председательством нового императора Александра III, посвящённое обсуждению дальнейшей судьбы реформ⁴⁰. Однако при рассмотрении проекта М.Т. Лорис-Меликова, своеобразной «конституции», мнения на сей счёт разделились: Д.А. Милютин, министр финансов А.А. Абаза и П.А. Валуев, занимавший тогда пост председателя Комитета министров, поддержали этот проект, а министр почт и телеграфов Л.С. Маков, сенатор

граф С.Г. Строганов и глава министерства путей сообщения адмирал К.Н. Посьет выступили против. Обер-прокурор Святейшего синода, «русский папа», К.П. Победоносцев вообще огульно заклеил не только предлагаемый документ, но и практически все проводимые с 1861 г. реформы как преступную ошибку⁴¹. Как отмечал Д.А. Милютин в своём дневнике от 8 марта 1881 г., он уже догадывался, едва вступив в Зимний дворец, что судьба законопроекта Лорис-Меликова предрешена. Тем не менее, царь вынужден был принять решение – какой стороне отдать предпочтение. Глава Синода просто забрасывал его своими советами. 21 апреля 1881 г. Александр III, в конце концов, принял решение: «... чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собой совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях ...»⁴² Д.А. Милютин так описал тот день, когда состоялось очередное министерское совещание в Гатчине, – он сам и его сторонники воспряли духом в надежде, что можно было бы хоть что-то спасти⁴³. Вечером 28 апреля прошло известное министерское совещание у министра внутренних дел князя М.Т. Лорис-Меликова (для обсуждения проекта «конституционной реформы» князя)⁴⁴. На совещании была поставлена последняя точка в обсуждении коренных вопросов по дальнейшему либеральному реформированию империи. По сути дела, как всегда бывало в мировой практике, произошла замена одной команды государственных деятелей у монаршего престола на другую. Реакционная «партия» во главе с обер-прокурором К.П. Победоносцевым, используя иезуитские методы достижения цели и благосклонность самого монарха, взяла «верх» над либерально настроенными реформаторами. Военный министр, министр финансов А.А. Абаза, М.Т. Лорис-Меликов и остальные их соратники не ожидали такого изощрённого подвоха со стороны главы Святейшего синода, который, будучи автором знаменитого манифеста от 29 апреля 1881 г. и используя создавшееся положение в государстве, смог убедить императора Александра III пойти по пути дальнейшего укрепления основ самодержавного правления. После опубликования манифеста реформаторы приняли решение подать в отставку, ибо дальнейшее своё пребывание на своих постах при такой ситуации сочли невозможным. Для военного министра формальным поводом к отставке (прошение на Высочайшее имя было удовлетворено 22 мая 1881 года)⁴⁵ явилось предложение молодого самодержца занять пост наместника и главнокомандующего на Кавказе вместо великого князя, его дяди, Михаила Николаевича⁴⁶. Д.А. Милютин дал определённую оценку произошедшему: «Все надежды отнимаются у людей благомыслящих на постепенное движение к лучшему, к более совершенному государственному устройству. *Lasciate ogni speranza* (оставьте всякую надежду) – вот сущность нового манифеста. Страшно подумать,

какое невыгодное впечатление произведёт он в России и Европе»⁴⁷.

Со страниц «Дневника» как важного источника для изучения российской истории XIX в., можно было, таким образом, получить необходимую информацию о проводимой политике, поддерживаемой Д.А. Милютиным. Являясь важной частью мемуаров, принадлежащих перу видного государственного деятеля, стоящего на либеральных позициях, «Дневник» вводит в научный оборот ряд новых исторических фактов и большое количество довольно-таки интересных деталей. Профессор Л.Г. Захарова по достоинству оценила источниковую значимость данного труда военного министра Дмитрия Алексеевича Милютин: «В мемуарах Милютин отразилась в лицах и событиях история России прошлого века, внутренняя и внешняя...»⁴⁸ Во внутренней политике известный военный министр придерживался реформаторского курса, путём которого можно было бы перестроить всю административную систему империи, за исключением главного — власти самодержца. В отличие от многих своих современников, которые верили в уникальность судьбы русского народа, Д.А. Милютин считал, что России можно было бы многому научиться у Запада и перенять его позитивный опыт. В сфере внешней политики он оставался жёстким реалистом в оценке международного положения России. Так как Д.А. Милютин занимался военными проблемами, он прекрасно осознавал слабость и неспособность Российской империи противостоять в предполагаемой войне коалиции западных держав. Таким образом, подвижки могли бы быть сделаны только в тех сферах, где не было опасности формирования блоков враждебно настроенных по отношению к России государств. Д.А. Милютин выступал за сбалансированную, разумную политику и пытался проанализировать развитие событий как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах на долгую перспективу. Он принял поражение от тех государственных деятелей, чьи взгляды являлись ограниченными и реакционными.

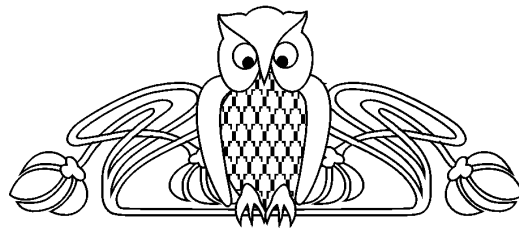
Примечания

- ¹ Милютин Д.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. М., 1947–1950.
- ² Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. Т. I. М., 2008.
- ³ Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. Т. I. М., 1947. С. 75.
- ⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. Т. II. М., 1949.
- ⁵ См.: История Отечества с древнейших времён до наших дней: Энцикл. словарь. М., 1999. С. 245.
- ⁶ См.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биографический справочник. СПб., 2002. С. 417.
- ⁷ См.: Милютин Д.А. Дневник. 1881–1882. Т. IV. М., 1950. С. 5.
- ⁸ См.: Милютин Д.А. Дневник. 1881–1882. Т. IV. М., 1950. С. 6–7.
- ⁹ См.: Зайончковский П.А. Архив Д.А. Милютин // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 96–104.
- ¹⁰ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 51; Т. III. С. 3–5.
- ¹¹ Там же. Т. III. С. 68.
- ¹² См.: История Отечества ... С. 103.
- ¹³ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 81.
- ¹⁴ Там же. С. 82.
- ¹⁵ См.: Россия и черноморские проливы. XVIII–XX / Отв. ред. Л.Н. Нежинский и А.В. Игнатъев. М., 1999. С. 219.
- ¹⁶ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 52.
- ¹⁷ Там же. Т. III. С. 275; Т. IV. С. 162.
- ¹⁸ Там же. Т. III. С. 276–277; Т. IV. С. 20.
- ¹⁹ Там же. Т. IV. С. 68.
- ²⁰ См.: История Отечества ... С. 128.
- ²¹ См.: Милютин Д. А. Указ соч. Т. IV. С. 291.
- ²² См.: Козьменко И.В. Петербургский проект Тырновской конституции 1879 года // Исторический архив. М., 1949. Т. IV. С. 184–185.
- ²³ Он же. Первоначальные проекты Тырновской конституции // Освобождение Болгарии от Турецкого ига. М., 1953. С. 222–223.
- ²⁴ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. IV. С. 83–84; 173.
- ²⁵ Там же. Т. I. С. 54; Т. III. С. 90, 103, 109, 132, 138.
- ²⁶ Там же. Т. III. С. 248, 259–260, 281.
- ²⁷ Там же. С. 197–198, 218–219, 226–227, 297.
- ²⁸ См.: Княпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 97.
- ²⁹ Lepsius J. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922. S. 17.
- ³⁰ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 52–53.
- ³¹ Там же. Т. III. С. 158–160.
- ³² См.: Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 213.
- ³³ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 183; 233–236.
- ³⁴ Там же. С. 250–251.
- ³⁵ Там же. С. 167.
- ³⁶ Там же. Т. IV. С. 103.
- ³⁷ Там же. Т. I. С. 64.
- ³⁸ См.: История Отечества ... С. 234.
- ³⁹ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 211–219.
- ⁴⁰ Там же. Т. IV. С. 32.
- ⁴¹ Там же. С. 33–37.
- ⁴² Там же. С. 58.
- ⁴³ Там же. С. 59.
- ⁴⁴ Там же. С. 61.
- ⁴⁵ См.: Шилов Д.В. Указ соч. С. 417.
- ⁴⁶ См.: Рубцов Ю.В. Генерал-фельдмаршалы в истории России. М., 2004. С. 159.
- ⁴⁷ Милютин Д.А. Указ соч. Т. IV. С. 62–63.
- ⁴⁸ Захарова Л.Г. Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // Воспоминания графа генерал-фельдмаршала Милютин Д.А. 1816–1843. М., 1997. С. 5.

УДК [614.842.83:34] (470.44–25)(09)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ XVIII – XIX вв. (по материалам г. Саратова)

Л.Г. Адамова

Саратовский государственный университет
E-mail: adamovalg@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы становления и модернизации пожарной службы в системе городского управления Саратова XVIII – XIX вв. Также отражена динамика развития системы противопожарной безопасности на основе нормативных документов. Автор, основываясь на правовых актах, выявляет три основных этапа становления городской пожарной службы г. Саратова.

Ключевые слова: пожарная служба, противопожарная безопасность, система городского управления, нормативный акт, городское самоуправление.

Legal Aspect of the Organization of Fire Service in System of a Municipal Government XVIII–XIX centuries (on Materials of City of Saratov)

L.G. Adamova

This article discusses the basic stages of formation and upgrading of fire stations in the system of municipal government Saratov XVIII–XIX centuries. Also reflects the dynamics of fire safety systems on the basis of normative documents. The author, based on legal acts, identifies three main stages of the urban fire service Saratov

Key words: fire service, fire-prevention safety, system of a municipal government, the statutory act, city-management.

В развитии городов, начиная с периода их возникновения, пожары являлись одним из самых частых и губительных бедствий. Они оказывали большое влияние на экономическую и демографическую жизнь города, иногда являясь причиной их упадка и исчезновения. Доказательством может служить тот факт, что с древнейших времен противопожарной безопасности уделялось большое внимание.

В период Киевской Руси уже существовали нормативные акты, посвященные противопожарной безопасности. Пространная редакция Русской Правды содержит ст. 83, предусматривающую самое строгое наказание за поджог (поток и конфискацию имущества)¹. Мера наказания не изменилась и в сокращенной редакции Русской Правды². Устав Владимира Всеволодовича Мономаха также имеет статью «о запалении», в которой определяется ответственность того, из чьего двора начался пожар³. Устав князя Ярослава Владимировича Осмомысла также содержит статью за поджог⁴.

В рамках централизованного государства законодательными актами, посвященными противопожарной безопасности Москвы, стали указы Ивана III от 1493 г.⁵ и от 1495 г.⁶. Этими указами впервые жилая застройка была урегулирована в целях пожарной безопасности. В 1649 г. в Москве был принят Наказ о градском благочинии царя Алексея Михайловича. В нем предписано дьяку Новикову и подьячему Иванову быть в объезде днем и ночью в Белом каменном городе «для бережения от огня и ото всякого воровства»⁷. Жестко регламентировалось использование огня в быту. Данные мероприятия позволяют говорить о создании противопожарной службы на государственном уровне.

В истории г. Саратова неоднократно имели место разрушительные по своим масштабам пожары, много раз город сгорал почти полностью. К середине XIX в. Саратов становится одним из крупных городов не только края, но и всего Поволжья. Основываясь на этом, можно рассматривать развитие пожарной службы в Саратове в качестве примера городской противопожарной безопасности.

По причине частых и разрушительных пожаров 13 октября 1748 г. Саратовской воеводской канцелярией был получен Указ Сената, которым предлагалось во всех местах, «где пожары были, так, где по благости Божьей тех пожарных случаев и не было», установить инструменты и караулы. К этому моменту уже существовало три пикета, состоящих из отряда Соляного Комиссарства, а именно, один под командованием поручика Каракозова «в городе» при соборной колокольне у денежной казны, второй при канцелярии Соляного комиссарства и третий при квартире главного командира комиссарства подполковника Чемодурова. Ввиду требования Воеводской Канцелярии было определено учредить четвертый пикет «на Горах в пристойном месте»⁸.

В 1751 г. был получен более строгий Указ Сената (№ 5485 от 30 ноября) о введении инструментов и подворного инвентаря, а в мае 1752 г. (№ 9981) последовал и второй указ по тому же делу. Этими нормативными актами предписывалось во всех городах иметь «принадлежащие инструменты, т. е. крючья, вилы, лестницы, ушата, ведра, щиты, паруса и частые у обывателей колодези свободные, чтобы возможно было воду из них доставать вдруг бадей или кошелей в шесть»⁹. Кроме того, приказывалось во всех местах иметь кадки с водой и содержать караулы.

В 1753 г. последовало распоряжение Сената (№ 10.106 от 4 июня) о введении службы во всех городах и о приобретении больших заливных труб с надлежащими инструментами¹⁰. Было определено, что для Саратова довольно одной трубы «по неважности города». Распоряжение начало претворяться в жизнь только в 1754 г. Соляное комиссарство 13 сентября 1754 г. постановило по поводу получения из Москвы пожарных труб: «Прапорщику Чуфанову велеть состоящую здесь в Саратове, присланную из Главной Соляной Конторы для предосторожности и по удержанию пожаров, заливную трубу иметь ему в своем ведомстве и содержать ее в добром порядке... А в караул к оной трубе и что касаться будет в случае пожаров до работ, каких она требует, употреблять по надлежащему числу с переменою из здешних саратовских пушкарей, коих состоит 17 человек»¹¹.

Таким образом, первая пожарная команда появилась в Саратове в 1754 г., а первым брандмейстером следует считать прапорщика Чуфанова, приставленного к заливной трубе. До проведения в жизнь данного постановления в ночь с 6 на 7 августа вспыхнул пожар, в котором сгорело не только множество обывательских домов, но все «присутственные места». Очевидная недостаточность имеющихся в городе противопожарных средств заставила саратовскую администрацию принять решение о необходимости закупки еще 20 малых труб. Но все проведенные мероприятия не спасли город от почти полного уничтожения в 1757 г. Разрушительные последствия пожара 1757 г. вызвали к жизни одно мероприятие по предупреждению пожаров, а именно более правильное распланирование городских построек. Как отмечает А.А. Герасимов, «город вследствие пожаров 1754 и 1757 гг. был распланирован заново»¹².

Следующим этапом модернизации саратовской пожарной службы явились преобразования 1820-х гг. Из-за частых пожаров было принято решение приступить «к устройству в лучшем виде пожарных инструментов и команды»¹³. Ответственным за переоснащение пожарной службы был назначен бывший полицмейстер В.К. Ищейкин. В рамках переоснащения были приобретены пожарные инструменты и лошади по 20 в каждую часть. С тех пор, как отмечал К.И. Попов, по устройству саратовская пожарная команда и инструменты соперничали с московской¹⁴.

Несмотря на все предпринятые меры, пожары в Саратове продолжались и были очень частым явлением¹⁵. По этому поводу был издан указ Александра II саратовскому губернатору, на основании которого в 1874 г. был разработан «Проект правил о мерах предосторожности от пожаров и тушении их по Саратовской губернии». Проект был рассмотрен и принят Саратовским губернским земским собранием в 1876 г. Но работа над этим документом продолжилась, и в 1881 г. были вне-

сены некоторые изменения, касающиеся городской планировки и строительства: Саратовским губернским земским собранием были изменены § 14 (об озеленении улиц не только между избами, но и по всей длине улиц перед домами) и § 32 («о распланировании селений»), также саратовским губернатором были внесены изменения в § 42 (о правилах застройки сел после пожаров)¹⁶. В целом документ регулировал планировку и строительство в городах и селах Саратовской губернии.

Другим документом, посвященным пожарной безопасности города, являются постановления Саратовской городской думы «О мерах предосторожности против пожаров», утвержденные 21 февраля 1873 г., 18 мая 1879 г. и 23 января 1886 г.¹⁷ Параграфом № 12 предписывалось горожанам «на дворах иметь чаны, бочки или кадки с водою, при них ведра и швабры»¹⁸. Параграфы № 13 и 20 владельцев бань, заводов, фабрик, складов, лабазов, а также содержателей пароходных пристаней обязывали иметь достаточный запас воды и ручную пожарную трубу¹⁹.

Саратовская городская дума на заседании 4 апреля 1902 г. составила правила «О противопожарных мероприятиях», которые были дополнены в собрании 29 мая 1902 г. и утверждены саратовским губернатором 15 июня 1902 г.²⁰ Параграфом № 1 правил предусматриваются нормы противопожарной безопасности на городских пристанях²¹. Владельцам складов лесных материалов параграфом № 2 предписывается иметь ручной пожарный насос не менее как с двумя бочками воды²².

Таким образом, неоднократное обращение Саратовской городской думы к вопросу противопожарной безопасности и принятие постановлений, всесторонне регламентирующих эту проблему, могут свидетельствовать о необходимости и важной роли пожарной службы в системе городского управления. Исходя из рассмотренных правовых актов, в развитии саратовской пожарной службы условно можно выделить три основных этапа. Первый этап – становление пожарной службы (1748–1754 гг.). В этот период был издан ряд указов Сената, направленных на создание городских пожарных частей. Результатом этих постановлений стало создание в Саратове в 1754 г. пожарной команды. Второй этап – модернизация пожарных команд (1820-е гг.) в связи с большим количеством пожаров, в ходе которой были приобретены новое оборудование и лошади. Третий этап – разработка и издание нормативных актов (вторая половина 1870-х гг. – 1902 г.), регулирующих вопросы пожарной безопасности в городе и селе.

Примечания

¹ См.: Русская Правда // Памятники Русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. Вып. 1. С. 83.

² Там же. С. 83, 199.

- 3 См.: Полное собрание русских летописей / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.: ЯРК, 2000. Т. III. Прилож. 2 С. 500.
- 4 См.: Устав князя Ярослава Владимировича // Памятники Русского права. Вып. 1. С. 260.
- 5 См.: Полное собрание русских летописей / Под ред. А.О. Бычкова. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. Т. VIII. С. 226.
- 6 Там же. С. 230.
- 7 Наказ о городском благочинии // Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. Т. I. С. 164–166.
- 8 *Герасимов А.А.* Мелочи из прошлого Саратовского края // Тр. Сарат. ученой археографической комиссии. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1911. Вып. 28. С. 2.
- 9 Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. С. 646–648.
- 10 Там же. С. 845–846.
- 11 *Герасимов А.А.* Мелочи из прошлого Саратовского края. С. 3.
- 12 Там же. С. 6.
- 13 *Попов К.И.* Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1893. С. 163.
- 14 Там же. С. 164.
- 15 См.: *Герасимов А.А.* Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1815. С. 1; *Ювеналиев И.* Заметка о пожарах // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов: Типография Губернского правления, 1881. С. 87; *Попов К.И.* Указ. соч. С. 163.
- 16 ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д. 31. 7 л.
- 17 О мерах предосторожности против пожаров // Сборник изданных Саратовской государственной думой, на основе городского положения, обязательных для жителей города Саратова постановлений: Саратов: Типография «Саратовского вестника», 1910. С. 8–13.
- 18 Там же. С. 10.
- 19 Там же. С. 10, 12.
- 20 Там же. С. 14–16.
- 21 Там же. С. 14.
- 22 Там же. С. 15.

УДК (94=112.2) (470.44) |1764/1941|

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И БОРЬБА С НИМИ (1768–1917 годы)

О.С. Калинина

Саратовский государственный университет
E-mail: kalininaos@mail.ru

Статья посвящена анализу правонарушений в повседневной жизни немецкого населения и мер их пресечения. Автор изучает вопросы имущественных разделов, особое внимание уделяет правонарушениям, связанным с взаимоотношением колонистов, анализирует и показывает различное восприятие права и морали немецким населением.

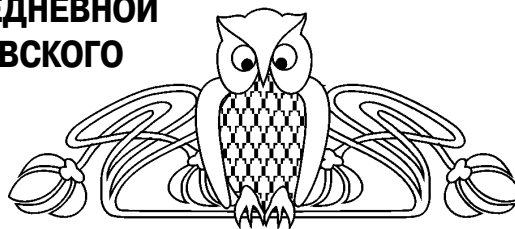
Ключевые слова: правонарушения, повседневная жизнь, имущественный раздел, воровство, поджог, ссоры, винокурение.

Some Delinquencies in the Daily Life of the German Population of the Saratov Right-Bank Volga Region and Struggle with Them (1768–1917)

O.S. Kalinina

The article is devoted to the analysis of delinquencies in the daily life of the German population of the Saratov Right-Bank Volga Region and the preventive punishments. The author examines the questions of division of property. Particular attention is paid to delinquencies connected with relations between the colonists, author analyses and shows different perception of the law and moral norms by the German population.

Key words: delinquencies, daily life, division of property, theft, arson, quarrel, distillation.

Как известно, в процессе жизнедеятельности люди вступают в различные отношения, которые требуют регулирования. Основными механизмами такого регулирования выступают, с одной стороны, право, с другой – традиции, обычаи, религия, нормы морали. Право исходит от государства и содержит четкие предписания должного поведения. Нормы морали и нравственности существуют вне влияния государства, они проявляются в отношении человека к происходящим событиям и определяют его поступки. Не всегда право и нормы морали совпадают и одинаково положительно воспринимаются населением. Этот феномен ярко проявляется при анализе повседневной жизни сельского населения дореволюционной России. Рассмотрим его на примере жизни немецких колонистов в Поволжье.

Во второй половине XVIII в. юридическую сторону жизни немецкого населения Саратовского Правобережья прописывала «временная» инструкция. Она была утверждена в 1769 г. Канцелярией опекунства иностранных под названием «Инструкция, по которой все новопоселенные иностранцы поступать должны с показанием,

каковые преступления зависят от главного правительства, то есть Канцелярии опекунства иностранных и ее Конторы, и что оставляется внутреннему разбирательству их начальников». В 1800 г. инструкция была переработана и дополнена, а в середине XIX в. вошла в «Устав о колониях». С 1871 г. особое управление колонистами было упразднено, немецкие крестьяне получили правовой статус поселян-собственников, т.е. тот, который имели все российские крестьяне, и стали подчиняться общим нормативно-правовым актам Российской империи¹.

Наиболее часто немецким крестьянам приходилось нести ответственность за проступки, связанные с их повседневной жизнью.

Одним из них было «оскорбление» и обвинение членов сельской администрации в незаконных действиях. Как правило, такие конфликты провоцировались превышением полномочий со стороны местной администрации по отношению к населению.

Например, в 1776 г. форштегер колонии Норка было «оскорблен» односельчанами за разбазаривание провианта из казенного магазина и немотивированное избиение колониста². В 1863 г. колонист с. Розенберг Г. Киссельман заплатил долг обществу с. Лесной Карамыш, в котором он раньше состоял. Сельский писарь с. Лесной Карамыш К. Франк получил деньги с колониста, но в книгу не записал. Г. Киссельман обвинил сельского писаря в мошенничестве³.

Частым явлением в немецкой деревне были имущественные споры (земельные споры, семейные разделы, дележ наследства и т.п.). При их разрешении администрация или сельский сход нередко принимали неправомочные решения. В частности, не соблюдались «Правила о семейных разделах» (не составлялась опись всего имущества, раздел имущества производился без согласия главы семьи). В «Правилах о семейных разделах» оговаривалось, что мнение главы семьи о разделе имущества не учитывается лишь в случае его расточительства или безнравственности. Это исключение давало широкий простор неправомочным действиям.

Подтверждением может служить следующий пример. В 1903 г. сельский сход с. Гнилушка без согласия Каспара Геттиха выделил из семьи его внука Петра. По приговору сельского схода Геттих был обязан выплатить Петру 250 руб. По закону, разделу подлежало лишь наличное имущество, и сход не имел права обязывать К. Геттиха к денежным выплатам⁴. С таким условием семейного раздела К. Геттих не был согласен. Добиваясь справедливости, он апеллировал в судебные органы.

Довольно распространенным правонарушением в селе являлось воровство. Воровство в представлениях колонистов считалось опасным, безнравственным и воспринималось как преступление против личности. Вместе с тем в праздники «мелкое» воровство (кража курей, молока,

куска сала) вообще не осуждалось и считалось проявлением ухарства. В первую очередь этим занималась молодежь⁵.

Однако в тяжелые годы воровство приобретало широкий масштаб. Кража с взломом совершалась в ночное время суток. Вор взламывал замки и крыши у амбаров, пробуравливал в стенах дыры, выставлял окна и т.п. Часто воровали пшеницу, овес, муку, мясо, моченые яблоки⁶.

Воровство было разорительным для хозяйства немецкого населения. В борьбе с воровством в селах назначался «ночной караул»⁷. Жители были заинтересованы в том, чтобы преступник был пойман и привлечен к ответственности по всей строгости закона.

Самым тяжким преступлением в повседневной жизни немецкого населения являлся поджог. Пожар для деревянных строений немецких колоний был страшным бедствием. Последствием разгула огненной стихии являлось полное разорение хозяйства. Основным мотивом для поджога соседей служила личная месть, зависть. Часто пожары происходили из-за неисправности дымовых труб печей⁸, неосторожного обращения с огнем. Такие пожары приравнивались к поджогу.

Как показывают документы, за 150 лет самым неблагополучным в этом плане оказалось с. Линево Озеро (Гуссенбах). Здесь пожары порой выжигали едва ли не все село. В 1778 г. в этом селе по личным мотивам колонисты подожгли дом пастора. Пожаром были уничтожены сени⁹. В том же селе, спустя 133 года, в 1911 г. из-за неприязни было подожжено хозяйство волостного старшины. Пожар причинил убыток на сумму 1260 руб.¹⁰ Роковым для села оказалось 15 мая 1911 г. В тот день в Гуссенбахе из-за неосторожного обращения с огнем местным жителем в первой половине дня было уничтожено 55 домов с надворными постройками, а ближе к вечеру из-за шалости малолетних детей пожар уничтожил еще 53 крестьянских дома с надворными постройками на сумму 60 260 руб. Таким образом, общий ущерб от пожара превысил 120 тыс. руб.¹¹

Для предотвращения пожара закон запрещал по ночам ходить с лучиной без «фонаря»¹². В каждом селе назначались «караульщики». Они были обязаны отслеживать злоумышленников и в случае пожара предупреждать местных жителей. В каждом дворе предписывалось заранее заготовить бочки и инвентарь для тушения пожара¹³. За выполнением предписания следила сельская администрация.

Так, в 1905 г. проверка пожарных обозов показала, что особенно аккуратно они содержались в с. Банное, с. Лесной Карамыш и в с. Золотое¹⁴.

Часто в повседневной жизни немецкого населения встречались проступки, связанные с взаимоотношениями колонистов: споры, ссоры, драки. Мелкие ссоры, драки случались в праздники из-за шалости молодежи, разрешались без вмешательства органов власти и быстро забыва-

лись¹⁵. Но случались происшествия, требовавшие вмешательства закона, когда в ходе драки дело доходило до тяжелых побоев. В 1911 г. в с. Лесной Карамыш в драке местному жителю палками пробили голову и отбили левое ухо¹⁶. Иногда драки заканчивались ножевыми ранениями и убийством¹⁷. Благодаря судебному разбирательству жертвы насилия получили возможность защитить свою честь. Например, в 1911 г. суд, рассмотрев дело о бесчестии поселянки с. Лесной Карамыш Христины Кербель, привлек виновника к ответственности¹⁸.

Распространенным правонарушением в быту немецкого населения являлось винокурение (самогоноварение). Борьба власти с винокурением в колониях встречала серьезное сопротивление со стороны местных жителей. В Норке в 1775 г. местное население во главе с форштегером захватили изъятые котлы для винокурения. В Щербаковке колонисты пошли на открытое сопротивление и избили казачью команду. На сходе общества Верхняя Кулалинка (Гольштейн) были объявлены недействительными указы Конторы по отношению к винокурению¹⁹. В 1777 г. в колонии Лесной Карамыш (Гримм) два колониста пытались скрыть медный таз и медный котёл для винокурения²⁰.

И позднее, в XIX – начале XX в. местное население считало нормальным делом самогоноварение, что формально считалось преступлением. Запрет винокурения воспринимался как ущемление прав. Как пишет Я. Дитц, немцы любили хорошо выпить в праздничные дни. Однако в рабочие дни употребление алкоголя осуждалось. Алкоголизм как массового явления в немецких колониях не было²¹.

Любой проступок в повседневной жизни со стороны местного населения получал, прежде всего, моральную оценку. Силой общественного воздействия жители колоний пытались добиться нравственных норм. Точка зрения немецкого населения – все, что нравственно, не может быть

преступным – не всегда совпадала с пониманием нравственности в формальном праве, что и приводило к нарушению закона.

Примечания

- 1 См.: Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. М., 2006. С. 102–116.
- 2 См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 271.
- 3 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 1081. Л. 9.
- 4 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3192. Л. 5–8.
- 5 См.: Обычай поволжских немцев / Авт.-сост.: Е.М. Ерина, В.Е. Салькова. М., 2001. С. 44.
- 6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6842. Л. 26 об.; Д. 7838. Л. 24; Д. 8653. Л. 43; Д. 9057. Л. 3; Д. 9766. Л. 55.
- 7 См.: Немцы в истории России. С. 102–116.
- 8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9766. Л. 52 об.
- 9 Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 16. Л. 94.
- 10 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 49.
- 11 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 17 об., 20 об.
- 12 Под фонарем понималось специальной формы стекло, которым прикрывалась лучина.
- 13 См.: Немцы в истории России. С. 102–116.
- 14 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6585. Л. 22.
- 15 См.: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 395.
- 16 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 6.
- 17 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6842. Л. 15 об.; Д. 8176. Л. 20 об.; Д. 9057. Л. 43 об.
- 18 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 37; См. также: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 395.
- 19 ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 3. Л. 267 об.; Д. 8. Л. 268, 534; См. также Плева И.Р. Указ. соч. С. 271.
- 20 ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 15. Л. 115.
- 21 См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 384.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430).084+929Фалькенгайн

ЭРИХ ФОН ФАЛЬКЕНГАЙН: ЧЕРТЫ БИОГРАФИИ

Л.В. Ланник

Саратовский государственный университет
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Статья посвящена основным этапам биографии Э. фон Фалькенгайна (1861–1922), стоявшего во главе германских вооруженных сил в 1914–1916 гг. Анализируя на основе источников стиль принятия Фалькенгайном решений, отношения с конкурентами из военной элиты, сменившими его на посту главы ОХЛ, автор приходит к выводу об ошибочности некоторых распространенных в историографии убеждений и несправедливости в оценке как самого Фалькенгайна, так и проводимой им стратегии. Показаны черты характера Фалькенгайна, его готовность исполнять свой долг, несмотря на неудачи в карьере, чем он выгодно отличался от своих недоброжелателей, вмешавшихся в политическую борьбу и во многом предопределивших крах монархии в Германии. Автор подробно останавливается на истинном масштабе вклада германского военного деятеля в успехи и неудачи кайзеровской Германии в ходе Первой мировой войны.

Ключевые слова: Фалькенгайн, Германская империя, Первая мировая война, Верден, ОХЛ, Генштаб, Людендорф, кайзер.

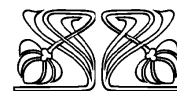
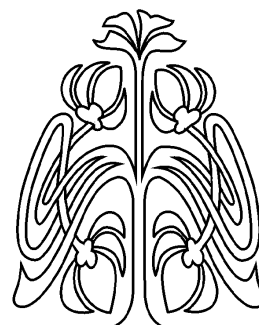
Erich von Falkenhayn: Features of the Biography

L.V. Lannik

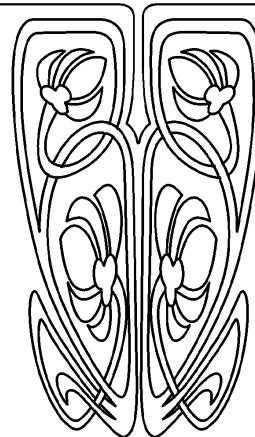
The article is devoted to basic stages of Erich von Falkenhayn's (1861–1922) biography, who was the head of German armed forces in 1914–1916. Analyzing on the basis of different sources style of making decisions, his relations with competitors from the military elite, finally replaced him on a post of head of OHL, author dismisses some popular historiography's myths, comes to conclusion about an injustice of in an estimation both most Falkenhayn, and strategy he preferred. Character traits Falkenhayn, his readiness to execute the duty, despite of failures in career are shown, than he favourably differed from the ill-wishers who have interfered political strike and in general predetermined crash of monarchy in Germany. The author considers true scale of the contribution of the chief of Great General Staff in successes and failures Imperial Germany during the First World War.

Key words: Falkenhayn, German Empire, World War I, Verdun, OHL, General Staff, Ludendorff, Kaiser.

Богатый событиями и яркими личностями XX в. достаточно быстро заставил не только обывателей, но и историков сконцентрировать свое внимание на тех перипетиях исторического процесса, актуальность которых представлялась наибольшей к моменту начала исследовательского процесса. В связи с этим как в России, так и за рубежом оказались незаслуженно забытыми деятели важнейших периодов в мировой истории таких, например, как Первая мировая война. При том огромном внимании, которое уделялось учеными Европы и Америки «германской военщине», несмотря на огромное количество литературы, посвященной милитаризму, роли Генерального штаба Германии в развязывании обеих мировых войн, разоблачению связей между германскими генералами и нацистским движением и преемственности агрессивной внешней политики Германской империи и Третьего рейха, один из выдающихся представителей немецкой военной школы остался почти неизвестен исследователям. Речь идет об Эрхихе фон Фалькенгайне, фактически возглавлявшем вооруженные силы Германской империи на посту начальника Полевого Генерального штаба на протяжении двух лет (без половины месяца), одержавшем несколько эффектных побед в этом качестве, а после своей отставки сыгравшем выдающуюся роль в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

боевых действиях 1916–1918 гг. При этом современники и специалисты отдавали ему должное. Так, У. Черчилль назвал Фалькенгайна самым талантливым военачальником кайзеровской Германии, подчиненный этого генерала Ф. Папен (офицер Генштаба и будущий вице-канцлер Веймарской республики) характеризовал его как «оперативного гения»¹, видный специалист В. Герлиц именно Фалькенгайна считал образцом прусского офицера Генштаба².

Сейчас, спустя 90 лет после окончания Первой мировой войны, можно в полной мере согласиться с редактором русского издания воспоминаний Э. Фалькенгайна А.Е. Снесаревым, писавшим в 1923 г. в предисловии к русскому изданию мемуаров генерала: «О периоде Фалькенгайна пока молчат, и его имя пока неясно и полно загадок»³. Причины существования указанной лакуны в исследовании Первой мировой войны в целом и участия в ней Германской империи разнообразны и далеко не всегда обусловлены научными соображениями. Известную роль в скромном внимании к Фалькенгайну сыграло то обстоятельство, что в отличие от целого ряда военных и политических деятелей кайзеровской и Веймарской Германии он популярности и политической славы никогда не искал. Резко контрастируя с пышными словословиями в адрес Гинденбурга, яростными политическими памфлетами Тирпица, Людендорфа, Бауэра, Гофмана и многочисленными попытками доказать возможность Германии военным путем победить в войне против Антанты со стороны офицеров и генералов Генштаба (Куля, Лоссберга и т.д.), Фалькенгайн до конца своих дней остался верен традиционной прусской офицерской этике. Он не занимался активной политической деятельностью, не вступал в монархические офицерские организации с целью восстановления Гогенцоллернов на троне, а, выйдя в отставку, писал свои воспоминания. Мемуарам он отводил крайне скромную роль и, особенно по сравнению с другими, свой вклад в победоносные операции Великой войны не преувеличивал. Вполне естественно, что в бурной обстановке Веймарской республики и последующего прихода нацистов к власти он оказался совершенно заслонен титаническими фигурами Гинденбурга и Людендорфа, а также генералами рейхсвера Гренером, Сектом и др.

В период господства в германской исторической науке «историографии Генерального штаба» в 1920–1930-х гг. деятельность Фалькенгайна оказалась почти не освещенной⁴. Это вполне объяснимо, так как большинство офицеров рейхсвера, создававших аналитические работы по истории Первой мировой войны, были сторонниками и учениками Э. Людендорфа и П. Гинденбурга, ставших в ходе Великой войны непримиримыми противниками самого Фалькенгайна и отстаивающих его стратегические взгляды. Они полагали, что именно во время второго верховного главнокомандования (ОХЛ) был упущен ряд возможностей⁵

для победы Германии, хотя Фалькенгайн «принял дела» 14 сентября 1914 г. уже после поражения на Марне, которое предредило гибель Германской империи, сделав ее вопросом времени и цены. Для советских военных специалистов, изучавших наследие империалистической войны, важнейшим являлся опыт Восточного фронта, на котором главным фигурами в 1914–1916 гг. считалась та же пара Гинденбург–Людендорф, хотя и не всегда заслуженно. После Второй мировой войны для военных опыт Первой мировой был уже не так актуален, а ученых Фалькенгайн интересовал лишь с политической точки зрения. Исследовались сюжеты, связанные с борьбой различных группировок в правящей элите Германской империи в 1914–1918 гг.⁶ Таким образом, Фалькенгайн по-прежнему воспринимался как политический деятель, а не как военный специалист и выдающийся стратег. Подробно рассматриваемый конфликт между канцлерами Кайзеррейха, в первую очередь Бетман-Гольвегом, «кликкой» Людендорфа, Тирпицем и Фалькенгайном, позволил осветить некоторые частные моменты, однако не привел к справедливой переоценке вклада последнего в историю Первой мировой войны и историю Германии XX века.

Во многом сохранению историографического вакуума вокруг его имени способствовало и то, что большинство документов о Фалькенгайне оказались в ГДР, в Потсдамском архиве, который был фактически недоступен для историков ФРГ и других стран Западной Европы и Северной Америки. Историки-марксисты ГДР в основном интересовались связями крупных монополий и военных. Генштабисты для них являлись исполнителями агрессивных планов крупной буржуазии, а с этой точки зрения важнейшим оставался этап 3-го верховного главнокомандования 1916–1918 гг. во главе с Людендорфом и Гинденбургом⁷. Только в 1990 г. историки из западной части объединенной Германии получили доступ к архивным материалам о Фалькенгайне⁸. Благодаря этому в 1994 г. вышла лучшая на настоящий момент работа о нем Х. Аффлербаха⁹. В конце 1990–2000-х гг. последовала серия работ о войне на Западном фронте, и в особенности о битве за Верден, так как именно эта стратегическая операция, спланированная Фалькенгайном, дает богатый материал для военной антропологии, истории повседневности на войне и других популярных направлений в современной западной историографии¹⁰.

Эрих фон Фалькенгайн родился 11 сентября 1861 г. в Бург-Бельхау около Грауденца (Западная Пруссия) в родовитой прусской юнкерской семье. Как и его старший брат, Ойген фон Фалькенгайн (1854–1936), Эрих выбрал традиционную для остальбского прусского дворянина военную карьеру. Весной 1880 г. он вступил лейтенантом в ольденбургский 91-й пехотный полк, это было началом его почти 40-летней службы.

Способный и честолюбивый молодой офицер безупречного социального происхождения сделал истинную для прусского военного карьеру, пройдя последовательно все ее этапы. В 1887 г. он поступил в Военную академию в Берлине, окончание которой открывало возможность службы в Генеральном штабе. В ходе обучения Фалькенгайн несколько раз возвращался в строй, чтобы получить опыт командования все более крупными воинскими частями. В 1891 г. он был причислен к Большому Генеральному штабу, а в июне 1896 г. молодой капитан стал военным советником в китайской армии. Это назначение показывает, что Фалькенгайн был одним из лучших молодых генштабистов, так как именно он был избран представлять германскую армию во время борьбы великих держав за влияние на Дальнем Востоке. В 1900 г. Фалькенгайн вернулся в Берлин, однако уже летом 1900 г. специалист по Китаю отправился в составе экспедиционного корпуса подавлять «боксерское» восстание. В 1906–1907 гг. он возглавлял одну из секций Большого Генерального штаба, затем был начальником штаба корпуса, командовал полком и в 1912 г. стал генерал-майором.

7 июля 1913 г. Эрих фон Фалькенгайн стал прусским военным министром, одновременно получив звание генерал-лейтенанта. Назначение было связано не только с его исполнительностью и профессионализмом, но и с тем, что он был знаком с кайзером как один из военных инструкторов кронпринца Вильгельма. Фалькенгайн сменил на этом посту И. фон Геерингена, ставшего во главе одной из армейских инспекций, то есть командиром одной из 8 армий в случае войны. Должность военного министра являлась для офицера Генштаба всего лишь очередным этапом карьеры, когда приобретался необходимый административный опыт. Вскоре новый глава военного министерства погрузился в решение сложных вопросов постепенного увеличения численности армии, повышения дисциплины и спаянности в воинских частях¹¹.

В ведении военного министра находился широкий круг вопросов, и именно Фалькенгайну уже через год после назначения довелось принимать важнейшие для судеб Германии и всей Европы решения, которые привели к запуску механизма развертывания германской армии летом 1914 г. Э. фон Фалькенгайн, прекрасно знакомый с тем титаническим масштабом работы, которая была проделана для организации развертывания германских армий по плану Шлиффена, и сложностью процессов мобилизации миллионов солдат, решительно стал на сторону главы Генштаба Г. Мольтке-младшего, заявив о невозможности полумер и резких изменений в случае начала реализации стратегических планов войны с Антантой. Понимая важность каждого дня и каждого часа для увеличения шансов на быстрый разгром Франции, Фалькенгайн высказался за неуклонное выполнение плана мобилизации гер-

манской армии, хотя и был против официального объявления войны как Франции, так и России¹². Таким образом, он являлся одним из тех, кто нес ответственность за необратимость событий, приведших к объявлению войны Российской империи 1 августа 1914 г. и одновременному вторжению германских войск в Люксембург и Бельгию.

С началом Первой мировой войны Фалькенгайн остался на посту прусского военного министра. Уже 5 августа, после того как выявились 3 катастрофических провала германской довоенной дипломатии – отказ Бельгии пропустить германские войска, нейтралитет Италии и вступление в войну Великобритании – Эрих фон Фалькенгайн пророчески заявил: «Даже если в результате этого мы пойдем на дно, все равно это было красиво»¹³. На фоне оптимизма, царившего в армейских кругах, относительно перспектив скоротечной победоносной войны с Францией и Россией, британские экспедиционные силы у немцев вообще не учитывались всерьез, эта оценка ситуации свидетельствует о незаурядном умении трезво оценивать и свои силы, и силы противника.

Исполнительность, профессионализм, настойчивость и безукоризненная иерархическая этика достаточно быстро обеспечили Фалькенгайну доверие и уважение со стороны кайзера Вильгельма II. В тяжелой, чреватой хаосом в управлении войсками ситуации сентября 1914 г. именно в своем военном министре кайзер увидел спасителя. Поражение германских войск в битве на Марне 5–12 сентября означало крушение многолетних трудов и расчетов на вывод из войны Франции, к чему германские генштабисты не были готовы. И без того склонный к пессимизму глава Генштаба Мольтке-младший был совершенно надломлен этой неудачей и потому не мог исполнять свои обязанности. В лихорадочной растерянности Вильгельм II предложил пост временно исполняющего обязанности главы Генерального штаба 53-летнему военному министру, и тот согласился, став главой 2-го верховного главнокомандования (ОХЛ) (сентябрь 1914 – август 1916 гг.).

Признать на весь мир факт стратегического поражения на Марне, подчеркнув его громкими отставками, германское командование не могло, поэтому было принято решение официально оставить за Мольтке его пост, а назначение Фалькенгайна не афишировать. Тем не менее Э. фон Фалькенгайн быстро дал понять, что в советах своего предшественника не нуждается, а все попытки Мольтке-младшего осенью 1914 г. вернуть себе влияние и пост главы Генштаба окончились неудачей¹⁴. 3 ноября 1914 г. Фалькенгайн официально стал исполняющим обязанности начальника Полевого Генерального штаба при сохранении своего министерского поста, и двусмысленное положение до некоторой степени было ликвидировано. Совмещение руководства военным министерством и Генеральным штабом нарушало

германскую традицию и во многом противоречило сложившейся структуре взаимоотношений разных частей германской военной элиты. Немедленно сложилась тяжелая ситуация с субординацией, поскольку командиры некоторых корпусов и армий были старше Фалькенгайна, выше по званию и психологически трудно привыкали к подчинению такому начальнику.

Фалькенгайн невзирая на трудности сразу же включился в работу по подведению максимально приемлемого итога первой фазы войны на Западе, что привело к «бегу к морю» в сентябре–ноябре 1914 г. Результаты его теперь принято оценивать как неудовлетворительные для Германии, однако на фоне растерянности командиров и крайней усталости войск после отступления немцев за р. Эна, чреватой общим отходом германских армий с занятых территорий, достигнуто было не так уж и мало. Германские войска удержали за собой почти всю территорию Бельгии¹⁵, существенную и промышленно развитую часть Северной Франции, не уступив сколько-нибудь значимого куска германской территории. Абсолютная непредвиденность затяжной позиционной войны, катастрофическая дипломатическая ситуация и тяжелое стратегическое положение заставили Фалькенгайна с нуля выработать «большую стратегию» Великой войны, определять цели Германии и желаемые условия мира, решать принципиальную дилемму о главном фронте и приоритете подкреплений. 18 ноября 1914 г. он сформулировал свое видение выхода из бесперспективной ситуации войны с превосходящими силами противника на двух фронтах: антантовская коалиция должны быть расколота, а для этого – обязательный сепаратный мир, который желательно заключить с Россией на компромиссных условиях¹⁶. За эту позицию Фалькенгайна упрекали в русофильстве¹⁷, в то время как многие политические и военные деятели Германии были русо- и славянофобами.

С первых же дней пребывания Фалькенгайна на высшем посту в германских вооруженных силах (роль главнокомандующего – кайзера неуклонно становилась номинальной) все сильнее давала себя знать растущая популярность героев Востока, творцов широко пропагандированной победы при Танненберге Людендорфа и Гинденбурга. Пользуясь своим огромным влиянием на германскую общественность и придворные круги, они попытались с ходу перехватить управление германскими армиями у непопулярного и временно исполняющего обязанности главы ОХЛ военного министра. Однако Фалькенгайн, будучи беспристрастным аналитиком, успехи на Востоке оценивал как не имеющие серьезных стратегических последствий. Главным фронтом он полагал Западный, а потому не желал тратить резервы на бесполезные, хотя и эффектные наступления против русской армии. Между Гинденбургом и Фалькенгайном завязалась оживленная переписка, в которой они с трудом удерживались в

рамках традиционной этики, следовали взаимные обвинения в зависти¹⁸. Неразрешимое противоречие между ними было в том, что первый был склонен к большим замыслам на основе убеждений, а не расчетов, а второй всегда предпочитал «синицу в руках» и преследовал ограниченные, но достигаемые цели. Конфликт подогревался и личной неприязнью, вызванной особенностями характеров полководцев. Людендорф был слишком груб и несдержан, Гинденбург неуместно демонстрировал несоразмерное своему вкладу в победу на востоке «величие», Фалькенгайн отличался самоуверенностью и не желал кого бы то ни было посвящать в свои замыслы и тем более обсуждать их с подчиненными и союзниками.

Уже в середине ноября 1914 г. неприязнь между Людендорфом, подстрекавшим Гинденбурга к прямому неповиновению главе Генштаба и интригам, и Фалькенгайному дошла до крайней степени. Ведя отчаянное сражение за Ипр, пытаясь в финале «бега к морю» все же выйти к Ла-Маншу, Фалькенгайн с крайним раздражением относился к бесконечным требованиям подкреплений с Востока¹⁹, где Гинденбург и Людендорф, не поставив главнокомандование в известность, начали Лодзинскую операцию. Из-за дробления резервов лучших «молодых корпусов» германской армии Ипр не был взят, маневренный период войны на Западе завершился, а на Востоке авантюрное увлечение маневром охвата²⁰ едва не стоило германским войскам реванша за разгром армии Самсонова.

В ходе конфликта полководцев была ошутимо и необратимо нарушена этика взаимоотношений не только внутри армейской иерархии²¹, но и между императором и его подчиненными, пусть даже самого высокого ранга. Обычными стали недопустимые и невозможные ранее замаскированные ультиматумы кайзеру с требованием отставки Фалькенгайна и давление целой коалиции государственных и военных деятелей с целью изменить расстановку сил. Фалькенгайн никогда не позволял себе гневных тирад и угроз в адрес Вильгельма. Именно поэтому кайзер упрямо держался за него, негодуя по поводу давления общественности на волю монарха.

Фалькенгайн, вынужденный действовать в отчаянной ситуации, которой он был обязан чужой некомпетентности, постарался сделать все, чтобы взять управление вопросами, касающимися войны, на себя. Часто считается, что Фалькенгайн был скорее политиком, нежели военным и, в противоположность Э. Людендорфу, охотно занимался политическими делами. По-видимому, это не совсем верно, тем более что такая оценка утвердилась с легкой руки М. Бауэра, правой руки Людендорфа, который характеризовал главу 2-го ОХЛ так: «Трудоспособность Фалькенгайна была безгранична. Он схватывал легко, понимал живо, имел хорошую память и решал очень быстро. Но не доставало ли ему прочных основ или потому,

что ему не хватало интуиции полководца, его решения часто оказывались половинчатыми... Это была необычная натура, которая могла бы дать блестящего государственного деятеля, дипломата или парламентария, но полководец в нем был представлен слабо»²².

Э. Фалькенгайн по сравнению со своими конкурентами был в невоенной сфере более склонен к компромиссам, а не к прямому диктату. Огромная работа по сохранению хрупкой видимости конституционного порядка поглощала у него много времени, однако иной возможности глава 2-го ОХЛ для себя не видел. Для Бетман-Гольвега, который жаждал сохранить огромные полномочия канцлера, доставшиеся главе кабинета со времен Бисмарка, и вовсе не желал перераспределения власти, всякая возможность вмешательства военных в политику была неприемлема. До канцлера доходили слухи о возможном смещении с поста в пользу Фалькенгайна, который, в свою очередь, уступил бы свое место Людендорфу²³. Бетман быстро вступил в контакт с Гинденбургом, и против Фалькенгайна начала образовываться коалиция недоброжелателей, включавшая поначалу и Мольтке-младшего, который под давлением канцлера стал первой кандидатурой на место главы ОХЛ²⁴.

Особенно острой была ситуация января 1915 г., когда кайзер в ярости пригрозил отдать Гинденбурга и крайне несдержанного Людендорфа под суд²⁵. Вильгельм II не только принял в конфликте сторону главы ОХЛ вопреки мнению канцлера, кронпринца и супруги, но и 20 января 1915 г. произвел Фалькенгайна в генералы от инфантерии, освободил от министерского поста и окончательно утвердил на посту главы Полевого Генерального штаба. Гинденбург и Людендорф довольствовались тем, что попытка их разлучить назначением последнего начальником штаба Южной армии окончилась неудачей, и они до конца октября 1918 г. уже не расставались²⁶. Выиграв первый раунд борьбы за высшую военную власть, Фалькенгайн столкнулся с необходимостью совместить реалии тотальной войны и ее требования не только к военному, но и к экономическому механизму страны и стремление сохранить хрупкий конституционный баланс властей в империи. Достаточно быстро Фалькенгайн вступил в дискуссии, а затем и в постоянные склоки с канцлером Бетман-Гольвегом, что почти «парализовало»²⁷ деятельность германского главнокомандования, по крайней мере, внутривнутриполитическую. Кайзер буквально разрывался между двумя своими фаворитами, и весной 1915 г. канцлер понял, что сместить Фалькенгайна пока не удастся. Тем не менее он продолжал поддерживать контакты с Обер-остом (главнокомандованием на Востоке), ожидая удобного случая. С каждым месяцем войны, с публикацией новых документов и продолжением полемики в политических и дипломатических кругах о ходе Июльского кризиса

вырисовывалась все отчетливее картина катастрофических промахов во внешней политике и ошибок в расчетах канцлера.

После шумно отпразднованной победы войск Гинденбурга в битве в Мазурских озерах в феврале 1915 г. кайзер попытался примирить генералов, раздавая им награды и внеочередные звания, однако это только обострило вопрос об истинных творцах победы. Награжденный высшим прусским военным орденом Pour le Merite Фалькенгайн точно знал, что победа одержана лишь в той мере, которую он считал достаточной. Получившие для своей операции 4 корпуса вместо 12-ти Гинденбург и Людендорф были чрезвычайно недовольны. Весной 1915 г. Фалькенгайн совместно со своим австро-венгерским коллегой Конрадом фон Гетцендорфом приступил к планированию прорыва русских позиций в Галиции, одновременно отвергая настойчивые требования резервов со стороны Гинденбурга и Людендорфа, которые были одержимы идеей глубокого флангового удара, чтобы охватить все русские армии в Польше. Вопрос об авторстве замысла Горлицкого прорыва остается открытым. И Фалькенгайн, и Конрад приписывали его себе, однако одно несомненно: прорыв 2 мая 1915 г. был полностью спланирован и организован Фалькенгайном, который обеспечил нужное количество германских войск, перебросив войска образованной 11-й армии на Восток, и предоставил необходимые технические средства и полномочия ее командующему²⁸. Лавры исполнителей блестящего замысла получили Макензен и (менее заметно) его начальник штаба фон Сект.

По выражению Б. Лиддел-Гарта, истинная история кампании 1915 г. на Востоке – это история борьбы между Фалькенгайном и Людендорфом, первый из которых победил благодаря служебному положению²⁹. Окончательное отражение русской угрозы границам Германии было целиком заслугой Фалькенгайна, за победами которого с бессильной завистью и скепсисом наблюдал лишенный командования над всеми армиями, кроме северной группы, Гинденбург. На фоне освобождения Перемышля, Львова, взятия Варшавы и триумфа Новогеоргиевска наступление Гинденбурга в Курляндии выглядело незначительным, а штабные офицеры Фалькенгайна и вовсе рассматривали его как «бесполезную, отвлекающую резервы прогулку». Неоднократные предложения Людендорфа с планом развития операции вглубь Литвы, не дожидаясь окончания боев за овладение «польским балконом», Фалькенгайн отклонял³⁰. Полностью самостоятельная попытка Гинденбурга в сентябре 1915 г. авантюрно развить инерцию летнего наступления австро-германцев с помощью очередного, стандартного по форме, «косого прорыва» под Свенцянами закончилась неудачей, хотя и закрепила за немцами важный экономически, политически и инфраструктурно район Вильно–Ковно. Под командованием Гин-

денбурга германские войска сражались очень хорошо, зачастую – героически, однако это было не заслугой военачальника, а, скорее, его единственным спасением от регулярных провалов. Тем не менее для репутации в глазах германской общественности, и особенно для парламентской оппозиции, подвиги немецких войск в рискованных ситуациях и широта замыслов при отсутствии для оптимизма минимальных оснований были более привлекательны, чем трезвый сухой расчет на «синицу в руках» и неуклонное медлительное решение задачи по обеспечению безопасности территории Рейха. Ненависть и зависть к Фалькенгайну со стороны командования на востоке усилилась, дойдя до открытого неповиновения приказам³¹. Истинный герой кампании 1915 г. был совершенно неадекватно оценен всеми, кроме его покровителя, кайзера Вильгельма II.

Фалькенгайн не смог пожать лавры за чрезвычайно успешную кампанию 1915 г., так как всегда старался соответствовать девизу графа Шлиффена «более быть, чем казаться». В то время как Гинденбургу в немецких городах стали устанавливать деревянные статуи, Фалькенгайн не гнался за популярностью. Многие триумфы германского оружия, последовавшие благодаря спланированным и организованным Фалькенгайном операциям, были приписаны кому угодно, но не ему. При этом знаменитая бойня у Лангемарка в ноябре 1914 г., так называемый *Kindermord* («убийство детей»), когда цвет германского студенчества и молодежи погиб в самоубийственной смелости атаках на британские позиции, ассоциировалась с начальником Генштаба. Затем, в сочетании с Верденом, это привело к тому, что имя Фалькенгайна стало синонимом бесполезной бойни. Д. Киган описывал трагедию главы ОХЛ так: «Несмотря на достоинства его личности и интеллект, представительность, честность, решительность, самоуверенность, доходящую до надменности, и доказанность его способностей в качестве штабного офицера и военного министра, он пострадал от того, что общественное мнение связывало его имя скорее с поражением, чем с победой»³².

Особенностью Фалькенгайна по сравнению с его преемниками на посту главы ОХЛ было то, что он упорно стремился сохранить видимость нормальной жизни в Германии, не прибегал к резким мобилизационным мерам, громким воззваниям и чрезвычайным социально-экономическим мерам. Его шаги в милитаризации экономики и решении сырьевой и кадровой проблемы были достаточно последовательными и умеренными. Возможно, он полагал, что исключительные решения не нужны ввиду качественного превосходства германской армии. Любые действия, которые могли привести широкие массы к осознанию глубины надвигающейся катастрофы, Фалькенгайн запрещал. Кроме того, в конце 1915 г. он надеялся, что разгром русской армии, Сербии, вступление в войну Болгарии до некоторой степени уравнивают критиче-

ское положение Центральных держав. В своем докладе кайзеру в начале 1916 г. он утверждал, что после «Великого отступления» русская армия не способна к серьезным наступательным действиям, и даже верно указывал причины падения боеспособности, хотя и опережал реальные события примерно на год³³. Наступление Западного фронта русской армии на озере Нарочь в марте 1916 г. и последующая искусная германская контратака, казалось, полностью подтвердили выводы и надежды Фалькенгайна.

В начале 1916 г. в германских верхах разгорелся жаркий спор по вопросу об объявлении неограниченной подводной войны. Горячий сторонник беспощадного истребления английского торгового флота адмирал фон Тирпиц столкнулся с ожесточенным сопротивлением канцлера, который опасался вступления из-за этого в войну Америки. С ним был согласен незадолго до этого высланный из США офицер Генштаба фон Папен. Свое мнение он изложил Фалькенгайну, который склонялся к поддержке Тирпица. Фалькенгайн – «чрезвычайно умный человек», предложил фон Папену лично повторить свои аргументы кайзеру, несмотря на то, что они противоречили его позиции. Папен был смущен тем, что ему предлагается открыто противоречить своему непосредственному начальству, однако Фалькенгайн ответил ему: «Едем, вы можете говорить императору все, что сочтете необходимым»³⁴. Спустя полтора года, когда предсказания Папена сбылись, США вступили в войну, Фалькенгайн признал свою ошибку, пригласив не согласившегося с ним офицера стать начальником оперативного отдела своего штаба в Месопотамии³⁵.

Кампания 1916 г. по замыслу верховного главнокомандования должна была добить Францию, по выражению Фалькенгайна, «лучший меч Англии на континенте». Для этого предполагалось в ходе мощного натиска овладеть Верденским укрепленным районом, расщепить фронт Антанты и добиться решительной победы. 21 февраля 1916 г. битва за Верден началась. Несмотря на ряд успехов, уже к концу весны надежды на взятие Вердена иссякли, однако Фалькенгайн не желал отказываться от своего замысла, считая что стратегический смысл операции – истощение резервов противника – сохраняется в ходе боев на «маасской мельнице». Затянувшийся штурм Вердена подорвал дух германских войск и, наоборот, воодушевил французов. Фалькенгайн и после войны был по-прежнему убежден в правильности Верденской операции в принципе и в оправданности ее затягивания. Он так и не вышел из рамок своего видения войны, утверждая, что потери под Верденом относились как 5:2,25, хотя на самом деле, как 1,1:1³⁶. Поддерживал Фалькенгайна в этом мнении только кронпринц Вильгельм, так как именно его армия находилась на острие главного удара³⁷.

Самая крупная по масштабам операция Фалькенгайна велась в рамках той же осторожной

стратегии на истощение тогда, когда психологический эффект от мощи и профессионализма германской пехоты уже сошел на нет и не мог стать дополнительным фактором победы. Первоначально, из-за внезапности атак³⁸, для немцев операция проходила успешно, однако грамотная переброска резервов французами уже к концу марта 1916 г. заставила германское командование отказаться от планов быстрого захвата крепости. К серьезному удивлению и тревоге ОХЛ, на Востоке в конце марта 1916 г. русские армии перешли в наступление у озера Нарочь. Оно практически не дало результатов, однако заставило немцев серьезно побеспокоиться, так как резервов на Востоке не имелось, а прорыв фронта на севере означал для Германии потерю Прибалтики. Тем не менее из-за того, что Верден поглощал все резервы, требования Людендорфа предоставить резервы для наступления под Ригой Фалькенгайн отверг³⁹.

К лету 1916 г. отсутствие масштабных побед Германии привело к цепи событий, заставивших даже кайзера, опасавшегося дуумвирата Гинденбург–Людендорф, отказаться от столь долго отстаиваемого соратника. Долго планируемая интрига против главы Генштаба началась с вопроса о перераспределении командных постов и властных полномочий на Востоке в июне 1916 г.⁴⁰ По мере нарастания эффекта от операции русского Юго-Западного фронта необходимость оптимизации управления войсками и ресурсами союзников по Четверному альянсу становилась все более очевидной. Реформа структуры фронта на Востоке могла хоть как-то замаскировать абсолютное бессилие Германии перебросить на помощь австрийцам достаточное количество резервов, которых попросту не было. В конце июня 1916 г. Гинденбург все-таки получил под свое командование значительно больше войск, чем планировал Фалькенгайн⁴¹, однако уже через несколько дней начавшееся на Сомме стратегическое наступление Антанты поставило вопрос о более серьезном пересмотре ситуации, сложившейся в управлении германскими войсками.

На фоне явного крушения прежней иллюзии о незыблемости фронта на Востоке и истощении противника на Западе казавшаяся безобидной инициатива улучшения взаимодействия войск и командования на Востоке, привела к отставке Фалькенгайна с поста начальника Генштаба в конце августа 1916 г., притом что неудачи немцев носили объективный характер – превосходство войск Антанты над немцами и армий Брусилова над австрийцами было безусловным. К этому моменту от него отвернулись даже его сторонники: начальник оперативного отдела Таппен, презиравший обоих «героев Танненберга», и военный министр Вильд фон Хоенборн. Тщетно Фалькенгайн прямо заявлял кайзеру, что если он согласится на Гинденбурга и Людендорфа, то «перестанет быть императором»⁴². Теперь окружение императора было уверено, что достойный мир, который устро-

ит население Германии, можно будет заключить только с фельдмаршалом Гинденбургом во главе вооруженных сил.

Общее крушение стратегических замыслов было отмечено знаковыми для краха последних надежд германской дипломатии событиями: 27 августа 1916 г. в войну против Австро-Венгрии вступила Румыния, а 28 августа, после почти 1,5 лет недоразумений, Италия, наконец, объявила войну Германии⁴³, прекратив с ней взаимовыгодную торговлю оружием и стратегическими материалами. 29 августа 1916 г. Фалькенгайн подал кайзеру прошение об отставке, которое, по совету канцлера, было принято. Кайзер даже прослезился по поводу утраты старого соратника⁴⁴, однако противостоять давлению больше не мог. Триумфаторы Гинденбург и Людендорф были уже на пути в Ставку⁴⁵. В Германии начиналась новая эпоха, эпоха военной диктатуры. Вслед Фалькенгайну раздавалась ожесточенная и беспощадная критика, хотя к концу августа 1916 г. наиболее опасная стадия стратегического наступления Антанты уже миновала⁴⁶.

После того как нелюбимый ни армией⁴⁷, ни населением стратег был лишен своего поста, до конца войны он успел поучаствовать в операциях в Румынии⁴⁸, на Ближнем Востоке и в Белоруссии. В Германии вступление в войну Румынии, несмотря на неопытность румынской армии и недостаточность ее оснащения, воспринимали с большой тревогой. Казалось, что Австро-Венгрия, армия которой была окончательно надломлена Брусиловским прорывом, не выдержит еще одного, даже не особенно сильного врага. Фалькенгайн получил командование 9-й армией, срочно развертывавшейся в Трансильвании из остатков германских резервов, для того чтобы остановить неизбежное румынское вторжение на территорию, ради которой Румыния и вступила в войну. Бывший глава ОХЛ давно учитывал подобное развитие событий, поэтому заранее спланировал возможные контрудары, предложив еще зимой 1915/16 гг. нанести превентивный удар по неотмобилизованной румынской армии⁴⁹. В конце сентября 1916 г. плохо продуманное и еще хуже организованное вторжение румын было остановлено войсками Фалькенгайна и подчиненной ему 1-й австрийской армии. К середине октября румыны были отброшены к границе, началась борьба за перевалы в Трансильванских Альпах. Методично громя румынские дивизии, Фалькенгайн отвлекал силы противника из Добруджи и от переправ через Дунай. Отбив отчаянный контрудар румынской армии в ноябре, 9-я армия предоставила войскам А. Макензена возможность триумфально войти в Бухарест 4 декабря. К концу декабря русско-румынские войска остановили продвижение австро-германцев, за которыми осталась вся Валахия. Разгром Румынии был достигнут за 4 месяца боев, известие о взятии Бухареста вызвало в Германии ликование и стало одним из поводов для обращения с мирным пред-

ложением 12 декабря 1916 г., так как очередная эффектная победа должна была по мысли немецких политиков окончательно убедить страны Антанты в непобедимости Германии. До конца апреля 1917 г. Фалькенгайн командовал 9-й армией, периодически предпринимая атаки местного значения для улучшения положения германских войск. Авторитет его после победы над Румынией несколько поднялся.

В июле 1917 г. Фалькенгайн получил назначение на ближневосточный театр военных действий (ТВД), возглавив группу армий F («Йилдырым»). В турецкой армии 9 июля 1917 г. ему был присвоен чин генерал-фельдмаршала. Младотурецкое правительство настаивало на отвоевании Багдада у англичан, захвативших его в марте 1917 г. Однако германские специалисты были больше озабочены ситуацией в Палестине, справедливо полагая, что большой военной ценности Багдад не представляет, а состояние транспортной инфраструктуры в Месопотамии не позволяет надеяться на успех в ближайшем будущем. Э. Фалькенгайн несколько раз вступал в ожесточенные споры с турецкими генералами, добившись удаления Мустафы Кемаля (будущего Атаатюрка) и морского министра Джевада-паши, однако от сопротивления и недовольства со стороны союзников так и не избавился. При всем своем уме он был «достаточно упрямым и эгоистичным», к тому же хотел, чтобы престиж победы достался только ему, «а потому о разделении полномочий не могло быть и речи»⁵⁰. Дополнительное раздражение турецкой стороны он вызывал решительным противодействием попыткам еврейских погромов в Палестине⁵¹. Наступление британских войск осенью 1917 г. стоило германо-турецким войскам Газы, Яффы и Иерусалима, а Багдад, несмотря на прекращение активности русского корпуса Баратова, вернуть так и не попытались. После поисков виновника неудачи германское главнокомандование, заинтересованное в сохранении хороших отношений с Турцией, «назначило» таковым Фалькенгайна и заменило его на имеющего удачный опыт работы с турками Лимана фон Сандерса.

5 марта 1918 г. Фалькенгайн прибыл в 10-ю армию, которую возглавил по приказу кайзера от 25 февраля. К моменту его прибытия войска армии наступали в Белоруссии фронтом в 400 километров, обеспечивая выполнение условий Брестского мира. Под командованием у Фалькенгайна оказались второсортные и редуцирующие части (6 ландштурмистских дивизий)⁵², из которых вскоре забрали весь личный состав моложе 35 лет. Противником стали разрозненные и деморализованные большевистские отряды, остатки национальных частей разложившейся русской армии, а затем партизаны. Казалось, Гинденбург и Людендорф этим назначением издевательски указывают своему сопернику где и как надо было одерживать решающие победы. Его непосредственным начальником стал генерал

Гофман, правая рука Людендорфа на Востоке и последовательный недруг Фалькенгайна, которому он не собирался доверять какие-либо серьезные поручения. Фалькенгайн полагал свое назначение сродни должности «командира округа»⁵³.

Тот факт, что ни талант, ни опыт Фалькенгайна не будут использованы в грядущем решающем наступлении немцев на Западном фронте, приоритет которого он так долго отстаивал, последний мог воспринимать только как оскорбление. Однако Э. фон Фалькенгайн не подал в отставку и не искал более почетных должностей, а продолжал служить кайзеру и Отечеству, куда бы его ни забросила судьба, с прежней энергией и профессионализмом защищая интересы Германской империи. С наступлением весны 1918 г. его войска захватили множество пленных и большое количество военного имущества. На контролируемой германскими войсками территории Фалькенгайн восстановил и жестко поддерживал элементарный порядок, опираясь на довоенные модели устройства местной администрации. Осенью 1918 г., после того как поражение Германии в Великой войне стало очевидно, Фалькенгайн направил кайзеру письмо с предложением вернуть его на пост главы ОХЛ, а вместо парламентаризации правительства назначить военного диктатора, которым должен был стать генерал Фалькенхаузен⁵⁴. Однако эти рекомендации запоздали, а затем и сам Фалькенгайн столкнулся с началом процесса быстрого разложения частей германской армии на Востоке. Из-за угрозы большевизации войск, сопровождаемой эксцессами в отношении офицерства, зимой 1918/19 гг. германские войска стали отводиться на Запад. Фалькенгайн не собирался налаживать отношения с образованными солдатскими советами, даже последний его приказ по армии в январе 1919 г. содержал резкие нападки на все завоевания Ноябрьской революции.

Ликвидация старой кайзеровской армии, мучительные процессы демобилизации миллионов солдат и офицеров и образования рейхсвера Веймарской республики не оставляли выбора для образцового прусского офицера. Э. фон Фалькенгайн не собирался искать в революционном вихре второго шанса возглавить вооруженные силы Германии. Его здоровье было подорвано. Еще в начале 1918 г. у него стали проявляться признаки астмы и катара верхних дыхательных путей⁵⁵, так как генерал плохо перенес резкую смену климата, после палестинской жары – в снега Белоруссии...

После того как вверенные ему войска закончили эвакуацию на родину, 28 февраля 1919 г. он был переведен в резерв, а 5 июля того же года после подписания Версальского мира и начала ликвидации германского Генерального штаба Фалькенгайн вышел в отставку. Уединившись, остаток своей жизни бывший глава ОХЛ посвятил написанию мемуаров и работ по истории Первой мировой войны, которые стали публиковаться уже в 1919–1920 гг.

В отличие от многих сослуживцев и соперников из-за подорванного здоровья отставному генералу не довелось увидеть крах Веймарской республики и становление Третьего рейха. Эрх фон Фалькенгайн скончался 8 апреля 1922 г. в Линдштедте близ Потсдама на 61-м году жизни.

Примечания

- 1 *Папен Ф. фон*. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. М., 2005. С. 81.
- 2 См.: *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. История и структура 1657–1945. М., 2005. С. 176.
- 3 *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях / Предисл. и коммент. А.Е. Снесарева. М., 1923. С. 6.
- 4 Не считая работ самого Фалькенгайна, едва ли не единственной книгой о его деятельности стала биография, написанная Г. Цвелем. См.: *Falkenhayn E.* Der Feldzug der 9. Armee gegen Rumänen und Russen 1916/17. Berlin, 1921; *Zwehl H.* Erich von Falkenhayn, General der Infanterie. Berlin, 1926.
- 5 Труд генерала Макса Гофмана, бывшего фактическим главой Восточного фронта в 1916–1918 гг. так и назывался. См.: *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М., 1925.
- 6 См., напр.: *Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann-Hollweg und Falkenhayn, 1914–1916. Göttingen, 1967; *Guth E.P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914/15. Die Rolle des Majors von Haefthen in Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. № 1.
- 7 См., напр.: *Weber H.* Monopole und Oberste Heeresleitung in den Jahren 1916–1918. Halle, 1962; *Idem.* Ludendorff und die Monopole: Deutsche Kriegspolitik. Berlin, 1966.
- 8 Так как они с 1927 г. хранились с пометкой «конфиденциально». См.: *Hamilton R.F., Herwig H.H.* The Origins of World War I. Cambridge, 2003. P. 179.
- 9 *Afflerbach H.* Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.
- 10 См., напр.: *Münch M.* Verdun: Mythos und Alltag. München, 2006; *Foley R.T.* German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the development of Attrition 1870–1916. Cambridge, 2005.
- 11 См.: *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве 1650–1945. М., 2007. С. 351–353.
- 12 См.: *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 124. Х. Хервиг прямо указывает, что германское согласие на эскалацию Июльского кризиса было решено кайзером и 4 его соратниками: Бетман-Гольвегом, Циммерманом, Фалькенгайном и Морицем фон Люнкером. См.: *Hamilton R.F., Herwig H.H.* Decisions for war 1914–1917. Cambridge, 2004. P. 83–85.
- 13 *Ibid.* P. 71.
- 14 *Герлиц В.* Указ. соч. С. 161–162, 166–167.
- 15 Остановить германское наступление удалось, лишь взорвав дамбы на реке Изер.
- 16 См., подр.: *Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. М., 1968. С. 465–469.
- 17 Г. Аффлербах выдвигает предположение, что симпатии к России у Фалькенгайна были обусловлены семейными преданиями о наполеоновских войнах, где проявилось русско-прусское боевое братство. См.: *Afflerbach H.* *Op. cit.* P. 10–11.
- 18 Об этапах развития конфликта см.: *Раушер В.* Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 65–67. Гофман, например, пишет о зависти Фалькенгайна к Гинденбургу, как о широко известном факте. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 107.
- 19 Гофман последовательно перечисляет отказы Фалькенгайна в подкреплении командованию на Востоке. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 53, 55, 60, 64, 82.
- 20 Фалькенгайн характеризовал Лодзинскую операцию как «смело задуманную, превосходно подготовленную, однако первые успехи ввели в заблуждение главнокомандование на Востоке». См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 44.
- 21 Гинденбург не подчинялся Фалькенгайну еще и потому, что был старше его по званию: 27 ноября 1914 г. он стал генерал-фельдмаршалом. Фалькенгайн этого звания так и не удостоился, оставшись генералом от инфантерии.
- 22 *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat. Tübingen, 1922. S. 323.
- 23 См.: *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 307; *Макдоно Д.* Вильгельм Неистовый. Последний кайзер. М., 2005. С. 571.
- 24 См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 69–70, 72–73.
- 25 Там же. С. 71–74; *Cecil L.* Wilhelm II. Vol. 2. Emperor and the Exile 1900–1941. Chapel Hill, L., 1996. P. 224.
- 26 Считается, что имела место сделка между Фалькенгайном и Гинденбургом. См., напр.: *Кизан Д.* Первая мировая война. М., 2004. С. 238–240.
- 27 Так последствия конфликта оценивает Р. Фоли. См.: *Foley R.T.* *Op. cit.* P. 109.
- 28 *Герлиц В.* Указ. соч. С. 169; *Раушер В.* Указ. соч. С. 79–80. См. подр.: *Келлерман Г.* Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г. // Война и революция. 1934. № 2 [Электронный ресурс]. URL: www.grwar.ru (дата обращения: 15.02.2010).
- 29 См.: *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 202.
- 30 М. Гофман на основании того, что Ковно и Вильно были все-таки взяты немцами, впоследствии утверждал, что эти проекты были более верными, чем предпринятые Фалькенгайном операции. Это выглядит бесспорным только задним числом. На роль решающего «упущения» такой отказ от плана операций не подходит тем более. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 88–89, 96–97.
- 31 См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 81–82, 86–88. Фалькенгайн приводит фрагменты переписки между ним и Гинденбургом лета-осени 1915 г., где показывает грубое нарушение субординации. См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 121–125, 129–131, 136–139.
- 32 *Кизан Д.* Указ. соч. С. 361.
- 33 См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 142, 177–179, 187, 199.

- ³⁴ Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 65–67.
- ³⁵ Там же. С. 69.
- ³⁶ См.: Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 217, 254–263; Handbuch der Preussischen Geschichte / hrsg. von W. Neugebauer. Berlin; N.Y., 2001. S. 475.
- ³⁷ См.: Кронпринц Вильгельм. Записки германского кронпринца. М.; Пг., 1923. С. 167–169.
- ³⁸ Вообще о готовящейся операции против Верденского укрепленного района французы узнали заранее, однако предположить, что она будет столь большого масштаба, не могли. См.: Киган Д. Указ. соч. С. 353–354; История Первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 155; Пуанкаре Р. На службе Франции: В 2 т. Т. 2. С. 312–315.
- ³⁹ См.: Гофман М. Указ. соч. С. 110–111.
- ⁴⁰ Подр. о реструктуризации германских армий Восточного фронта см.: Cron H., Duncan R. Imperial German Army 1914–1918. Berlin, 1937. P. 54–55; Раушер В. Указ. соч. С. 93–97.
- ⁴¹ См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. М.; Минск, 2005. С. 225–227.
- ⁴² См.: Janßen K.-H. Op.cit. S. 235.
- ⁴³ При этом почти сразу с момента вступления Италии в войну (23 мая 1915 г.) немецкие советники, а затем и подразделения начали оказывать помощь Австро-Венгрии на Альпийском фронте.
- ⁴⁴ См.: Макдоно Д. Указ. соч. С. 598.
- ⁴⁵ Оба они в своих мемуарах делают вид, что назначение главами Генштаба стало для них едва ли не полной неожиданностью. См.: Людендорф Э. Указ. соч. С. 236; Hindenburg P. Op. cit. S. 147–149; Раушер В. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁶ М. Гофман: «Капитал, состоявший из храброго войска и народного воодушевления, генерал Фалькенгайн растратил за два года своего командования, не достигнув никакого успеха». Гофман М. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁷ Военная элита отнеслась к отставке Фалькенгайна как к давно назревшему решению. Командир 3-й армии и бывший военный министр К. фон Эйнем писал, что Фалькенгайну не хватало «интуитивной способности к лидерству». См.: Hull I.V. Military Culture, Wilhelm II and the end of Monarchy in the First World War // Deist W., Mombauer A. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge, 2003. P. 248.
- ⁴⁸ Людендорф издевательски писал, что в Румынии Фалькенгайну представился удобный случай «проявить на пользу Отечества свои способности военачальника». См.: Людендорф Э. Указ. соч. С. 276.
- ⁴⁹ См.: Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 190–191, 255–257.
- ⁵⁰ Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 76.
- ⁵¹ См.: Afflerbach H. Op. cit. S. 483–485.
- ⁵² Ibid. S. 487–488.
- ⁵³ Ibid. S. 487.
- ⁵⁴ Ibid. S. 489.
- ⁵⁵ Ibid. S. 490.

УДК 9(410.III) «13/15»

СЕМЕЙНАЯ КОМПАНИЯ ИШЕМ В ДЕЛОВОМ МИРЕ ЛОНДОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Л.Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

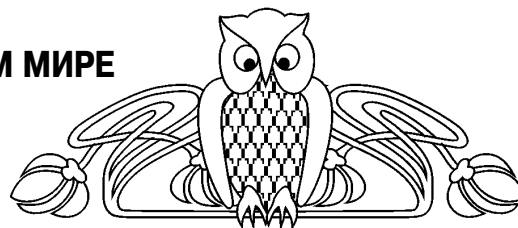
Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории Англии второй половины XVI в., а именно трансформации английской экономики в начале раннего Нового времени. На основе анализа «Двух деловых книг Джона Ишема» исследуются вопросы формирования и состава семейной компании Ишем, сложившейся и функционировавшей внутри компании купцов-авантюристов, и специфика их торговли. Особое внимание обращается на выявление зависимости структуры и направлений торговли братьев Ишем от ведущих тенденций экономического развития Англии указанного периода.

Ключевые слова: Англия второй половины XVI в., структура экономики, торговля, регулируемые компании, компания купцов-авантюристов, семейная компания Ишем, деловые книги купцов.

The Ishams' Family Corporation in London's Business World in the Second Half of the XVI Century

L.N. Chernova

The article is devoted to one of the most important aspects in England's history of the second half of the XVI century, in particular,

the transformation of the English economy at the beginning of the early Modern Times. The issues of formation and structure of the Ishams' family corporation which was set up and functioned within the company of the Merchant Adventurers as well as peculiarities of their trade are examined basing on the analysis of «Two Account Books of John Isham». Special attention is paid to the clarification of the dependence of the structure and the direction of the Isham brothers' trade from the leading tendencies of England's economic development of the period mentioned above.

Key words: England of the second half of the XVI century, structure of economy, trade, regulated companies, company of the Merchant Adventurers, family corporation, account books of merchants.

XVI столетие имело исключительное значение для Англии. Эта очень сложная, переломная по своей сути эпоха оказала колоссальное влияние на последующую историю королевства. На протяжении второй половины XVI в. существенно видоизменяется структура экономики: традиционное сукноделие дополняется новыми отраслями, вследствие чего английский экспорт становится

более сбалансированным, а положение страны на мировом рынке – более конкурентоспособным¹. При Генрихе VIII 9/10 английского экспорта составляли полуотделанные сукна, а к концу XVI в. Англия стала вывозить наряду с высококачественными шерстяными тканями продукцию своей хлопчато-бумажной, горнодобывающей, металлургической промышленности².

Рост производства был неотделим от английской торговой экспансии и формирования крупного купеческого капитала. В результате Великих географических открытий и перемещения центра международных торговых связей на запад и северо-запад Европы островная Англия, обладающая прекрасными портами, оказалась в чрезвычайно выгодном положении. Ее торговля к концу XVI в. распространилась на новые рынки почти во всех частях света, избавилась от посредничества венецианских и антверпенских купцов, вооружилась собственным торговым флотом.

Свидетельством успехов английской внешней торговли стали исключительные по значимости изменения, происходившие в жизни городов Англии, прежде всего Лондона. В.А. Евсеев пишет даже о «новом этапе в развитии городов», а Лондон с его округой выделяет в особый экономический регион «в связи с его необычайно бурным ростом и усилением влияния столицы во всех сферах жизни страны в рассматриваемый период»³.

Действительно, в XVI в. Лондон, благодаря уникальному сочетанию финансовых, хозяйственных, политических и социальных возможностей, «общности экономической жизни Англии и ее централизации»⁴, совершенно преобразился: заурядный, по европейским меркам, портовый город на западной границе торговли Северной Европы, он превратился в торговый центр – ядро новой системы, которая постепенно захватывала мировое лидерство. Разительно переменявшийся облик английской столицы в конце XVI в. запечатлел путешественник из Базеля Томас Платтер: «Лондон так велик и прекрасно застроен, так многолюден и превосходит в ремеслах и торговле, благодаря которым он столь стремительно богатеет и процветает, что предстает не только единственным во всем Английском королевстве, но и одним из самых известных во всем христианском мире... Большинство населения занято в коммерции; они покупают, продают и ведут торговлю во всех частях света... Многие богатейшие купцы и банкиры также проживают в этом городе...»⁵

Можно с полным правом согласиться с утверждением ряда авторов о том, что разрыв между уровнем развития Лондона и провинции, а соответственно и статусом столичного и периферийного купечества постоянно сохранялся и даже усиливался на протяжении XIV–XVII вв.⁶ Например, в 1524 г. Лондон заплатил 8262 ф. налога, а крупнейший провинциальный город Англии Норич – только 1704 ф.⁷, т. е. почти в 5 раз меньше⁸.

Конкурируя с торговцами провинциальных портов, лондонские купцы пользовались уже не только и не столько географическими преимуществами – аккумуляция богатств в городе обеспечивала появление необходимых финансовых ресурсов, особенно с начала XVI столетия⁹. Практически все нити экспортной торговли, все английские торговые компании в XVI – начале XVII в. были в основном монополизированы состоятельными лондонскими купцами, самой активной и многочисленной (более 60% членом корпораций) частью пайщиков большинства внешнеторговых объединений¹⁰. В результате уже в начале XVI в. стремительно возросла доля Лондона в зарубежной торговле: к 1500 г. 60% английской шерсти, 70% сукна (в середине столетия доля экспорта сукна достигла почти 90%) и 65% прочих товаров экспортировалось через Лондонский порт¹¹. В конце XVI – начале XVII в. появились новые направления торговли: Россия, Балтика, Средиземноморье, Атлантика и Дальний Восток, где Лондон также имел почти полную монополию¹².

Рост морской торговли стимулировал развитие судостроения, которое с конца XVI в. стало процветать по берегам Темзы. Колониальная торговля вызвала к жизни новые отрасли производства, в частности сахароварение, которое в середине XVI в. разместилось в восточных окраинах города. В 1568 г. начали изготавливать венецианское стекло, и до второй половины XVII в. его производство ограничивалось только рамками Лондона. Шелк, часы, кареты в XVI в. также производились только в столице. Параллельно в городе продолжали существовать и традиционные отрасли ремесленного производства: текстильная, кожевенная¹³, металлообработка, строительство и многие другие.

Основу лондонского (английского) экспорта составлял вывоз сукна. Его экспортировали все елизаветинские компании, но наибольший объем приходился на долю купцов-авантюристов (The Merchant Adventurers) – компании, возникшей в 1453 г.¹⁴ В 1504 г. Звездная палата определила в качестве экспортеров сукна именно купцов-авантюристов, которые очень скоро завоевали прочные позиции на континенте (в основном в Нидерландах) и сохраняли свое господствующее положение до 60-х годов XVI в.¹⁵ Джон Уилер, секретарь компании купцов-авантюристов, писал в трактате, посвященном ее деятельности в 1601 г.: «В год вышеупомянутая компания вывозит по меньшей мере 60 тыс. кусков белого сукна, помимо цветного всех сортов, коротких и длинных каразей... северных дазэнс и некоторых других сортов грубого сукна... Они стоят не менее 600 тыс. ф. в английской монете. Количество цветных сукон всех видов... достигает 40 тыс. кусков, которые стоят 400 тыс. ф.»¹⁶. Помимо сукна купцы-авантюристы вывозили также «шерсть, свинец, олово, шафран, кроличьи шкурки, кожу, сало, алебастр, зерно, пиво»¹⁷.

В компании купцов-авантюристов объединились богатейшие купцы лондонских гильдий торговцев предметами роскоши, бакалейщиков, галантерейщиков, виноторговцев и др., к которым присоединились торговцы некоторых провинциальных городов.

Компания купцов-авантюристов относилась к типу регулируемых (regulated), как и многие другие в XVI в. и в более позднее время¹⁸. В таких компаниях было общее управление, общая хартия, могли быть общие складочные места; в странах, где обосновывались купцы данной компании, они выступали как единая цельная корпорация. Но при этом каждый из членов объединения торговал на основе собственного капитала, лишь подчиняясь общим правилам. Этот принцип требовал, чтобы купец обладал немалым капиталом. Зафрахтовать и нагрузить корабль, иметь агента (чаще всего не одного) – все это требовало денег и весьма значительных. Разумеется, отдельные купцы могли в пределах данной компании объединять свои капиталы и усилия. Это на практике и делалось. Ярким примером тому может служить семейная компания купцов Ишем, до настоящего времени не ставшая предметом специального исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Между тем еще в 1962 г. Дж. Рэмси опубликовал деловые книги лондонского купца Джона Ишема¹⁹, которые представляют редкую возможность охарактеризовать структуру и специфику торговли купцов Елизаветинской эпохи, входивших в состав компании купцов-авантюристов. Первая книга охватывает период с января 1558 г. до июля 1571 г.²⁰; вторая – с июля 1571 г. до мая 1580 г.²¹ В качестве «Приложений» помещены «Опись имущества Грегори Ишема, 1558 г.»²² и «Жизнеописание Джона Ишема»²³, составленное либо непосредственно его сыном Томасом, либо по распоряжению последнего. Обе книги написаны на английском языке середины XVI в. с вкраплением французских и латинских слов.

Обратимся к тексту источника и познакомимся с семейством Ишем.

Из «Жизнеописания Джона Ишема» следует, что он родился в августе 1525 г. в селении Питчли, графство Нортхэмптон, где его предки примерно с 1300 г. были мелкими землевладельцами. Здесь же он и умер в 1596 г. в возрасте 71 года. Родителями Джона, как и его многочисленных братьев и сестер²⁴, были Юсби Ишем и Анна, дочь эсквайра Джайлза Паултона. Джон прожил в родном графстве первые 16 лет, которые он провел в поместье Ринстед, и последние 24 года своей жизни, уже как благородный земельный собственник, – в маноре Лэмпот, приобретенном у сэра Уильяма Сесила. Между этими периодами находятся 30 лет жизни Джона Ишема, 1542–1572 гг., прошедшие в Лондоне. Здесь Джон сделал довольно успешную карьеру купца компании торговцев предметами роскоши (мерсеров) и купца-авантюриста²⁵.

Два старших брата, следуя традиционным установкам мелких джентри, пошли иными путями: Джайлз Ишем, стремясь изучить право, был принят в Миддл Темпл, а Роберт в 1537 г. стал студентом колледжа Христа в Кембридже и в надлежащее время принял священство.

Джайлз, видимо, был человеком больших способностей и многого добился: дважды заседал в парламенте и получил должность стюарда у второго герцога Бедфорда. Он покровительствовал и всячески помогал своим младшим братьям, особенно Грегори и Джону, в том числе в налаживании столь необходимых деловых связей. Джайлз умер в 1559 г., оставив трех дочерей, право опеки над которыми, включая и право на заключение браков, получили оставшиеся к тому времени в живых братья – Роберт, Джон и Генри²⁶.

Роберт сделал успешную церковную карьеру. После завершения обучения он получил должность священника в Графтон Андевуд и Ислип, в диоцезе Питборо. В 1548 г. он оставил службу в Ислип, поскольку стал священником в родном Питчли. На этом его продвижение по службе не закончилось. В 1553 г. Роберт получил пребенду в Питборо и в 1558 г. должность каноника в Виндзоре. Он стал также королевским капелланом и, в соответствии с традицией вошел в ближнее окружение королевы Марии I. Естественно, что религиозно-церковные изменения, последовавшие после воцарения Елизаветы I, повлияли на жизнь Роберта Ишема. В 1559 г. он оставил должности в Питборо и Виндзоре, а в 1561 г. – и в Графтон Андевуд, поселившись в Питчли. Однако не позднее того же 1561 г. Роберт был официально введен в должность vicar, хотя и не желал произносить проповедь по-английски. Возможно, такой поворот в его судьбе связан с получившим широкий общественный резонанс поступком Роберта. Он сделал дарение колледжу Христа в Кембридже: 20 ф. ежегодно, на протяжении жизни Роберта, должны были поступать на поддержку бедных студентов.

Роберт многое сделал для Джона. В частности, именно он поспособствовал покупке в 1560 г. манора Лэмпот в Нортхэмптоне²⁷.

Еще два брата Джона Ишема – Грегори и Генри – были отправлены отцом в Лондон и поступили в обучение к столичным купцам²⁸.

Грегори был старше Джона на 5–6 лет. Около 1537 г. он стал учеником Уильяма Челшема и таким образом оказался в компании мерсеров, в 1546 г. став ее полноправным членом²⁹. Обратим внимание на то, что мерсеры были самой богатой ливрейной компанией, доказательством чему находим среди относящихся к ее деятельности актов. Из общей суммы в 4017 ф., собранной Городским советом Лондона в конце XV в. по требованию Генриха VII, почти 64% (2562 ф.) предоставили 6 корпораций. Их список открывает компания торговцев предметами роскоши: ее взнос равен 740 ф., в то время как занимающие второе место

бакалейщики внесли лишь 455 ф., а следующие за ними суконщики – 420 ф.; по 280 ф. внесли торговцы рыбой и ювелиры³⁰.

Как старший брат, Грегори Ишем всячески заботился и Джоне и Генри, чувствуя свою ответственность за их судьбу в Лондоне. Возможно, именно он поспособствовал тому, чтобы Джон в 1542 г. поступил в обучение к Отуэллу Хиллу, молодому мигранту из Рочдейла, который очень выгодно женился на представительнице влиятельной семьи Лок³¹ и быстро, уже в 1540 г., получил права и свободы мерсеров. После внезапной смерти Хилла в 1543 г. Джон перешел в обучение к Томасу Джайгесу, допущенному к свободам мерсеров еще в 1530 г. и находившемуся в весьма почтенном возрасте. Джайгес не относился к числу очень богатых купцов, но его деятельность была исключительно важной. В течение 21 года, вплоть до своей смерти в 1551 г., он проводил большую часть времени в Антверпене, где активно и успешно покупал и продавал жилую недвижимость. Возможно, он выступал агентом других купцов-авантюристов и участвовал в посреднической торговле предметами потребления, в частности, в торговле дорогим итальянским текстилем. Именно такая сфера деятельности станет специфической чертой компании Ишем, к становлению которой Джайгес имел непосредственное отношение. Грегори Ишем и Томас Джайгес действовали совместно, и Грегори далеко не случайно пристроил своего младшего брата в обучение к этому купцу. Он справедливо полагал, что Джайгес научит молодого Ишема, который находился при нем в Антверпене, искусству торговли шелками и сатином, а также передаст секреты мастерства бухгалтерии³². Грегори и финансово поддерживал Джона: к моменту смерти брата Джон был должен ему 440 ф.³³

Самый младший из братьев Ишем, Генри, обучался сначала у Джорджа Хикфорда, мерсера средней руки, а затем перешел к самому Грегори и оставался под его началом до получения звания мастера в 1555 г.³⁴

Безусловно, именно Грегори заложил прочный фундамент семейной компании Ишем, сумел укрепиться и утвердить себя в деловом мире Лондона. Как ему это удалось? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Но можно констатировать, что Грегори вел дела на очень высоком уровне. Достаточно сказать, что ежегодный оборот его капитала в 1547–1548 финансовом году составил 15 тыс. ф., притом что старый Юсби Ишем, скончавшийся в 1546 г., мало что оставил своим наследникам³⁵. Однако не стоит забывать, что братья Ишем имели хорошие связи. Их бабушкой по отцовской линии была Вера Аддингтон, благодаря которой они находились в родстве с Мордаунтами³⁶ и другими весьма знатными фамилиями³⁷. Возможно, Грегори удачно использовал это обстоятельство. Немаловажное значение имела также его женитьба в декабре 1548 г. на одной из двух дочерей Мэтью

Дэйла из компании торговцев галантерейными товарами, купца-авантюриста. Если верить «Жизнеописанию Джона Ишема», супруга принесла ему хорошее наследство³⁸. И, конечно же, не надо сбрасывать со счетов личные деловые качества Грегори. Его коммерческие интересы распространялись от Девона и Йоркшира до Антверпена: это не только участие в посреднической торговле предметами потребления, но и кредитование, ростовщичество, инвестиции в недвижимость. На момент кончины в 1558 г., согласно описи имущества, доход Грегори Ишема от земель составлял 400 ф. ежегодно (что соответствует вложенному капиталу в 8 тыс. ф.)³⁹. В той же описи зафиксировано кредитов на 6 тыс. ф. и товаров на 12 тыс. ф.; это в основном разнообразные ткани – шелк, сатин, дамаст итальянского производства, различные виды уостедских («новых») тканей. В Антверпене у Грегори имелись склады для хранения английского сукна: не только суффолкского, но также различных сортов западного и северного грубого домотканого сукна общей стоимостью свыше 3 тыс. ф.⁴⁰

Таким образом, специфической чертой компании Ишем, оформившейся благодаря Грегори, являлась торговля дорогим итальянским текстилем. Но одновременно Ишемы были тесно связаны с экспортом двух основных типов сукна из Англии середины XVI в., и важную роль здесь играли все три брата – Грегори, Джон и Генри. Во-первых, речь идет об экспорте традиционного английского широкого сукна, производимого преимущественно в Восточной Англии и в западных графствах – Глостершире, Сомерсетшире, Оксфордшире и Уилтшире – и находившего сбыт в Центральной Европе. Вторым типом было производство так называемых «новых тканей»⁴¹ в Кеннетской долине в Беркшире и Хэмпшире, в Девоншире и в Западном Ридинге в Йоркшире. Они пользовались спросом не только в Германии и на востоке Европы, но также в Испании, Франции и странах Средиземноморья. Благодаря появлению и развитию производства «новых тканей» английская текстильная промышленность сумела максимально приспособиться к разнообразию потребностей европейского рынка и наладить производство, с одной стороны, дорогих высококачественных сукон, превосходивших французские и голландские, с другой – простых дешевых сукон, хлопчатобумажных и льняных тканей, пользовавшихся широким спросом.

В обоих случаях все производители сукна, сбывавшие его в Лондон, должны были осуществлять торговые операции на рынке Блэкуэллхолл, расположенном буквально в двух шагах от Гилдхолла – здания городского муниципалитета. Лондонская мэрия внимательно следила за тем, чтобы сукном торговали только здесь и нигде больше. Участие в такой торговле с 1552 г. являлось важной привилегией купцов-авантюристов, получивших фактически монопольное право на

скупку тканей через Блэкуэлл-холл. По вторникам, пятницам и субботам сукноделы из графств встречались здесь, чтобы заключить сделки. Братья Ишем как купцы-авантюристы имели в Блэкуэлл-холл собственную контору, что, безусловно, создавало благоприятные условия для их коммерческой деятельности.

Деловые книги Джона Ишема убедительно свидетельствуют о том, что он устанавливал контакты с многочисленными поставщиками сукна задолго до того, как они приходили в Лондон, а с некоторыми завязывались длительные деловые связи. И довольно часто Джон готов был авансировать суконщиков, если они в том нуждались⁴².

В 1558 г. умер Грегори, это стало настоящим ударом для Джона и Генри. Ушел в иной мир не просто брат, но наставник и деловой партнер⁴³. С этого времени главная роль в компании купцов Ишем перешла к Джону, который, надо признать, с честью с ней справился, сохранив и упрочив то, что удалось сделать брату.

Важнейшим шагом, во многом определившим судьбу Джона Ишема, стала его женитьба еще в октябре 1552 г. на Элизабет, дочери мастера-оружейника Николаса Бакера и вдове Леонарда Бакера, торговца предметами роскоши и купца-авантюриста. Согласно брачному соглашению, Джон Ишем получил в управление недвижимость Леонарда Бакера: поместье в Оксфордшире, 6 домов в Лондоне, в том числе дом на Иронмангер-стрит, в котором жили Леонард и Элизабет. Движимое имущество Бакера оценивалось в 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными⁴⁴. В значительной степени именно средства, привнесенные Элизабет, дополненные капиталами Генри Ишема, после смерти Грегори составили финансовую основу семейной компании Ишем.

Необходимо в целом отметить теснейшие связи, установившиеся между семьями Ишем и Бакер в Лондоне. Одна из сестер Джона Ишема, Исабель, вышла замуж за Томаса Бакера, брата его жены Элизабет, оружейника и купца-авантюриста. Приемный сын Джона, Леонард Бакер-младший, позднее женился на Джейн, дочери старшего брата – Джайлза Ишема. Джон Бакер, еще один брат Элизабет, был отдан в обучение к Джону Ишему и на протяжении многих лет помогал ему в торговле в качестве агента⁴⁵.

В сложившемся виде в состав семейной компании Ишем входили братья Грегори (до 1558 г.), Джон и Генри (до 1595 г. он занимал должность сборщика таможенных пошлин в Лондонском порту); мужья сестер – купцы Генри Беллами, Томас Бакер и Уолтер Малле; агенты (факторы) в Антверпене, Эмдене и Бергене-на-Зуме – Хэмфри Рамсен (он обучался у Томаса Джайгеса одновременно с Джоном Ишемом и был примерно на 4 года младше него), упоминавшийся выше Джон Бакер; Эдмунд Балейс, зять Генри Ишема, и некий Дрю Мапессон. Кроме того, в деловых

книгах Джона Ишема упомянуты слуги (servants) – 4 человека и 4 ученика⁴⁶.

Джон Ишем закупал сукно из Оксфорда, Глостера, Сомерсета, Уилтшира, Девона, Йоркшира, экспортируя его в Антверпен, Гамбург, Данциг⁴⁷. За первые 6 месяцев 1565 г. сохранились подробные сведения о том, какого типа сукно он вывозил в Антверпен: 28 кусков глостерского и столько же уилтширского сукна, 15 кусков грубых уилтширских тканей. В это же время Генри Ишем заплатил пошлины с 8 кусков глостерского сукна, 28 кусков уилтширского сукна, 20 кусков грубого сукна из Уилтшира и 16 дюжин кусков сукна из Девона⁴⁸. Приведенные данные весьма красноречивы в сопоставлении с сотнями кусков традиционного английского сукна, отправленными Грегори и Джоном 12-ю годами ранее. Столь серьезное сокращение количества вывозимого широкого сукна можно объяснить возросшим интересом братьев Ишем к экспорту грубых домотканых сукон с середины 1560-х гг. Показательно, что в те же самые месяцы 1565 г. Джон экспортировал 702, а Генри – 802 куска грубого северного сукна⁴⁹. Очевидно, что в такой переориентации экспорта братьев Ишем проявилась определенная адаптация их бизнеса к ведущей тенденции рынка: предпочтению, отдававшемуся грубым сукнам. Напомним, что еще Грегори, вплоть до своей кончины в 1558 г., держал несколько сотен кусков грубых тканей на складе в Антверпене, что позволяет, на наш взгляд, считать его проводником новых веяний, в полный голос заявивших о себе с середины 60-х гг. XVI века.

С 1569 г. Антверпен был оттеснен Гамбургом и Данцигом. Весной-летом 1571 г. Джон Ишем заплатил пошлины с 284 кусков широкого сукна, из которых 32 куска – окрашенное сукно, с 279 кусков грубого сукна, 80 дюжин кусков девонширских сукон и 28 кусков тонкого сукна («ultra-fines»)⁵⁰. В Данциг с этого времени поступала половина широкого сукна, отправленного компанией Ишем, все грубые ткани экспортировались в Гамбург.

Интерес компании Ишем к северным грубым тканям предстает в деловых книгах Джона Ишема в контексте его связей с поставщиками сукна из Галифакса. Некоторые из них были мелкими купцами, другие (например, Эдуард Хилл и Уильям Картер) занимали важные позиции в местном социуме, превратились в весьма зажиточных предпринимателей Йоркшира и торговали непосредственно с Лондоном через порт Халл, попутно приобретаемая и поставляя красители и материалы для очистки шерсти, галантерею, масло, вино и прочие товары. Возможно, Ишемы помогали им в этом, а купцы из Галифакса поспособствовали тому, чтобы Джон закрепился на местном рынке: далеко не случайно в 1550–1570-е гг. он регулярно посещал этот город.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет отметить, что семейная компания Ишем,

являясь органичной частью компании купцов-авантюристов, была теснейшим образом связана с качественными изменениями, происходившими в структуре производства и торговли Англии второй половины XVI в. Живо откликаясь на тенденции времени, братья Ишем переориентировали свою торговлю с рынка в Антверпене на рынки Гамбурга и Данцига, отдав предпочтение экспорту более востребованных качественно улучшенных традиционных широких английских тканей и грубых сукон из Йоркшира.

Примечания

- 1 См.: Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990. С. 46.
- 2 См.: Thomson J. The Transformation of Medieval England. 1370–1529. N.Y., 1983. P. 61; Barron C. M. London in the later middle ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. P. 117.
- 3 Евсеев В. А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: Регионы и города. Иваново, 1995. С. 3, 10. И сегодня в британской историографии ведется оживленная дискуссия по проблеме «спада или упадка» городов в Англии XV – середины XVI в. на фоне кардинальных макроэкономических изменений (расширения морской торговли, меняющегося характера сукнодельческого производства, растущего процветания юга и запада страны за счет севера и востока), что неминуемо сказывалось на микроуровне отдельных регионов, городов, рыночных местечек и т. д. (см.: Astill G. Archeology and the late-medieval urban decline // Towns in decline, A.D. 100–1600 / Ed. by T. R. Slater. Andershot, 2000. P. 215). Исследователи признают, что английские города по-разному и весьма неоднозначно реагировали на перемены в экономике и социодемографической структуре. В частности, ряд крупных городов (Бристоль, Винчестер, Йорк, Ковентри, Линкольн) без каких-либо драматических потрясений сумели сохранить свои функции в качестве важных административных и торговых центров при заметном ослаблении производственной активности. Лондон же, безусловно, сталкиваясь с немалыми трудностями, именно в это время переживал период социально-политического и экономического возвышения (см.: Dyer A. «Urban decline» in England, 1377–1525 // Towns in decline, A.D. 100–1600. P. 285–286).
- 4 Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 51.
- 5 Thomas Platter's Travels in England // London 1066–1914: Literary Sources and Documents / Ed. and with Introductions by X. Baron: In 2 v. Mountfield: Helm Information, 1997. V. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066–1800. P. 189–190.
- 6 См.: Питулько Г. Н. Английское купечество XVII столетия: его место в жизни общества // Англия XVII века: социoproфессиональные группы и общество / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 137.
- 7 См.: Hoskins W. Local history. L., 1959. P. 167.
- 8 В середине XVII в. это соотношение увеличилось в 25 раз.
- 9 Britnell R. The closing of the Middle Ages? England, 1471–1529. Oxford, 1997. P. 217–218.
- 10 См.: Archer I. W. The pursuit of stability. Social relations in Elizabethan London. Cambridge; N.Y., 1991. P. 47–49; Евсеев В. А. Английский город в Тюдоровскую эпоху. С. 119.
- 11 См.: Barron C. M. Op. cit. P. 117.
- 12 Изготовлению венецианского стекла и шелка лондонские ремесленники научились у приезжих итальянцев и французов. См.: Brenner R. Merchants and Revolution. Commercial change, political conflict, and London's overseas traders, 1550–1653. Cambridge, 1993. P. 5–6.
- 13 К началу XVII столетия Лондон давал 10% всей кожи, производимой в стране (см.: Clarkson L. A. The Pre-industrial economy of England, 1500–1750. L., 1971. P. 93).
- 14 До появления компании купцов-авантюристов почти вся торговля сырой шерстью и овчинами была сосредоточена в руках компании купцов-складчиков (стапельщиков) Кале (подробнее о путях формирования Стапля в Кале см.: Ретина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979. С. 115–124). Для своего времени эта компания была крупнейшим торговым объединением, сумевшим монополизировать почти весь экспорт шерсти из Англии. По оценке А. Пауэр, возможно, несколько завышенной, купцы-стапельщики контролировали около 4/5 экспорта шерсти всей страны (См.: Power E. The wool Trade in the Fifteenth Century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N.J., 1933. P. 41). Компания состояла из лондонских купцов, теснейшим образом связанных с купцами Бостона, Сандвича, Ипсвича и ряда других провинциальных, прежде всего портовых городов Англии. Это были очень состоятельные люди, поскольку, как отмечает М. М. Яброва, добиться от короля разрешения на создание такой компании можно было только за очень большие деньги: сумма займов, которые они предоставляли королю, должны были превышать те, которые он получал прежде от фламандцев и итальянцев (См.: Яброва М. М. Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в.) / Пер. со староангл., примеч. и вступ. ст. М. М. Ябровой. Саратов, 1998. С. 6).
- 15 По некоторым данным, к 1500 г. купцы-авантюристы Лондона контролировали 3/5 всей заморской торговли Англии (Britnell R. Op. cit. P. 218). Революция в Нидерландах заставила их несколько раз переносить свои основные базы, главным образом в Германию, где соперничество Ганзы стало весьма серьезной угрозой для английских купцов. Подняться до прежних высот компания больше уже не смогла.
- 16 Wheeler J. A Treatise of commerce // Tudor Economic Documents: In 3 vols. L., 1935. V. 1. P. 283.
- 17 Ibid.
- 18 См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). Саратов, 1983. С. 192.
- 19 См.: Isham J. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / Ed. by G.D. Ramsey. Gateshead: Northumberland Press, 1962. 197 p.
- 20 The First Account Book of John Isham // Ibid. P. 1–124.

- ²¹ The Second Account Book of John Isham // Ibid. P. 125–153.
- ²² Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558 // Ibid. P. 155–166.
- ²³ Appendix II. The Life of John Isham // Ibid. P. 167–174.
- ²⁴ В браке Юсби Ишема и Анны Паултон родились 20 детей, из которых выжили 10 – 5 сыновей – Джайлз, Роберт, Грегори, Джон и Генри – и 5 дочерей – Катерина, Элен, Элси, Эдит, Исабель (см.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168).
- ²⁵ Ibid. P. 167–168. О проблеме взаимоотношений внешне-торговых объединений и ливрейных компаний Лондона см.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). С. 204–205.
- ²⁶ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168.
- ²⁷ Ibid. P. 169, 170. Умер Роберт в 1564 г.
- ²⁸ Грегори, Джон и Генри Ишемы не были первыми представителями этой фамилии, оказавшимися в Лондоне. В 1513 г. некий Джон Ишем, сын еще одного Джона, по наследству был допущен к свободам компании мерсеров. Джон Ишем-старший к 1513 г. стал купцом-авантюристом. Он умер в 1517 г., и фамилия Ишем не появилась в списках компании мерсеров более 10-ти лет. Возможно, что этот Джон приходился дядей Юсби Ишему.
- ²⁹ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169.
- ³⁰ См.: The Acts of Court of the Mercer's Company, 1453–1527 / Ed. by L. Lyell and F. D. Watney. Cambridge, 1936. P. 188, 189.
- ³¹ На протяжении XV–XVI вв. представители этой фамилии играли видную роль в экономической и социополитической жизни Лондона, в частности, в 1463 г. должность столичного олдермена занимал торговец предметами роскоши Джон Лок, а в 1545–1550 гг. – Уильям Лок, также торговец предметами роскоши (см.: Beaven A. B. Aldermen of the City of London.: In 2 v. L., 1913. Vol. 2. P. 12; Reel J. V. Index to biographies of Englishmen, 1000–1485, found in dissertations and theses. L.; Westport, 1975. P. 604).
- ³² См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169, 170.
- ³³ См.: Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558. P. 162.
- ³⁴ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169.
- ³⁵ Известно, например, что Джон Ишем получил от отца не более 3 ф. 6 ш. 8 п.
- ³⁶ В частности, речь идет о втором бароне Мордаунте (1508–1571 гг.).
- ³⁷ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168.
- ³⁸ Ibid. P. 169.
- ³⁹ См.: Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558. P. 160.
- ⁴⁰ Ibid. P. 162–165.
- ⁴¹ «Новыми тканями» в XVI в. называли камвольные ткани, или «уэстедские» сукна, байку и саржу. Эти ткани отличались низким качеством по сравнению с традиционным английским сукном, но их изготовление было легче и дешевле обходилось производителю. Эти сорта сукон предназначались для широких слоев покупателей, носились меньше и, следовательно, быстрее оборачивались на рынке; спрос на них был постоянным.
- ⁴² См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124; The Second Account Book of John Isham. P. 125–153.
- ⁴³ Четверо братьев были назначены Грегори душеприказчиками и опекунами его детей: 5-летнего сына Юсби и еще не родившейся на тот момент дочери.
- ⁴⁴ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 170–171.
- ⁴⁵ Ibid. P. 168, 171.
- ⁴⁶ См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124; The Second Account Book of John Isham. P. 125–153.
- ⁴⁷ См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124.
- ⁴⁸ Ibid. P. 117–122.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 122–124.

УДК 94 (437) [14]

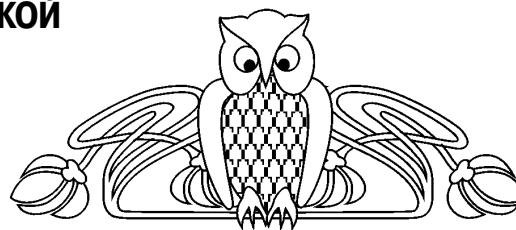
ОБРАЗ ГУСИТСКОЙ ЭПОХИ В САТИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ С. ЧЕХА «НОВОЕ ЭПОХАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПАНА БРОУЧЕКА, НА ЭТОТ РАЗ В XV СТОЛЕТИЕ»

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: Galyaman@rambler.ru

В статье¹ рассматривается образ гуситской эпохи, нарисованный в повести чешского писателя второй половины XIX – начала XX века С. Чеха, выявляется её место в формировании исторической памяти чешского народа.

Ключевые слова: гуситское движение, С. Чех, историческая память.

The Image of Hussite's Epoch in Satirical Story by S. Czech «New Journey by Mister Brouchek in XV Century»

A.N. Galyamichiev

The article describe the image of Hussite's epoch, which reflect in story by the writer S. Czech. The author discover a spot of this epoch in historical memory of Czech people.

Key words: the Hussite movement, S. Czech, historical memory.

Сатирическая повесть Сватоплука Чеха (1846–1908) «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие», впервые увидевшая свет в 1889 г., стала ярким событием в истории чешской литературы. Однако её значение видится гораздо более широким и выходит далеко за рамки истории собственно литературы и художественного творчества.

Время, в которое довелось жить и творить Сватоплуку Чеху, было отмечено возобладанием австрославизма как ведущей политической идеологии в среде чешской интеллигенции, угасанием революционных настроений среди городской мелкой буржуазии, торжеством приспособленчества и конформизма.

В официальной исторической науке это нашло отражение в утверждении позитивистской методологии исторического исследования, для которой был характерен отказ от широких исторических обобщений, торжество фактографии, изгнание из исторических трудов нравственных оценок под флагом борьбы за превращение истории в подлинную, точную науку².

В этих условиях роль хранителя исторической памяти и воспитателя молодого поколения взяла на себя художественная литература, не перестававшая вновь и вновь обращаться к гуситской эпохе как кульминационному моменту национальной истории.

Особое место в истории чешской литературы и вместе с тем – исторической мысли чешского народа занимают романы Алоиса Ирасека «Между течениями» и «Против всех», на страницах которых история гуситского движения предстала как многокрасочное эпическое полотно, исполненное внутренним драматизмом и героикой, от которых исходят нити преемственности к событиям современности³. В том же ключе к гуситской эпохе во многих своих произведениях обращался и Сватоплук Чех (стихотворения и поэмы «Гусит на Балтике», «Адамить», «Жижка» и др.).

В своей сатирической повести С. Чех предлагает читателю взглянуть на гуситскую эпоху под несколько иным углом зрения, другими художественными средствами выявляя её центральное место в исторических судьбах чешского народа.

Повесть была написана в русле традиций очень популярного в литературе XIX в. приключенческого жанра. Она представляла собой вторую часть необыкновенных приключений пражского обывателя, домовладельца пана Броучека.

Наделённый «говорящей фамилией» (Броучек – по-чешски «жучок»), он выступает олицетворением главного недуга, поразившего, по мысли писателя, тогдашнее чешское общество – недуга бездуховности, тупой ограниченности и нравственного убожества. Пан Броучек, основным занятием которого являлось посещение пражских пивных (обладание недвижимостью обеспечивало его условиями безбедного суще-

ствования), переносится силой фантазии писателя в иные миры, где существо его характера раскрывается гораздо более отчётливо, нежели в обыденной обстановке.

Путь пана Броучека к далёким, неведомым мирам начинается от порога знаменитого пражского трактира – «Винарки» на Градчанах. Выйдя однажды за порог трактира звёздной летней ночью, он вдруг почувствовал, как волны мощного лунного света отрывают его от земли и неудержимо тянут вверх, на Луну – об этом путешествии писатель рассказал в повести «Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну» (1886). Некоторое время спустя, при выходе из той же «Винарки», пан Броучек неожиданно провалился в подземный ход, который по воле писателя соединял не только пространства, но и времена, и очутился в гуситской Праге.

Две повести С. Чеха представляют собой своеобразное зеркальное отражение друг друга. Если в «Путешествии на Луну» преобладает юмор, то в «Новом путешествии» преобладают сатирические мотивы: писатель прямо противопоставляет две эпохи в истории чешского народа, причём итоги этого сравнения оказываются явно не в пользу современников писателя.

Всячески подчёркивая примитивность материального быта средневековья, С. Чех на этом фоне остро ставит вопрос о нравственном состоянии общества. Для того чтобы предельно чётко обозначить различия, писатель отправляет пана Броучека в Прагу, переживавшую кульминационный момент пятнадцатилетней гуситской эпопеи, – июньские дни 1420 г., когда возглавляемые императором Сигизмундом крестоносцы со всех сторон окружили столицу мятежного королевства и уже предвкушали лёгкую и скорую победу.

Трагикомизм ситуации, в которой оказался пан Броучек, определялся тем, что завсегда «Викарки» был плохо знаком с историей собственного народа и не знал, чем закончилась осада Праги крестоносцами. Руководствуясь единственным мотивом, который был ему по-настоящему близок, – спасти свою жизнь – пан Броучек выдаёт себя то за сторонника Сигизмунда и крестоносцев, то за представителя умеренных гуситов, а в конечном счёте оказывается в стане таборитов.

Кульминацией сюжетной линии повести С. Чеха становится знаменитый бой на Витковой горе, разгоревшийся 14 июня 1420 года. В самый драматический момент боя, когда отважный предводитель таборитов Ян Жижка оказался в кольце рыцарей-крестоносцев, пан Броучек убегает с Витковой горы, оставшись в пылу отчаянного боя незамеченным. Однако после великой победы таборитов он оказывается в руках победителей, которые выносят ему смертный приговор устами самого Жижки: «Безумна мысль, что человек далёких будущих эпох может прийти к своим предкам; но даже если бы и могло случиться это

неслыханное чудо – Бог никогда не допустит, чтобы у нас были такие потомки!»⁴ По повелению таборитского гетмана Броучек был сожжён в бочке в день победы гуситов на Витковой горе.

Вернувшись в свой век и придя в себя, пан Броучек по-своему подвёл итоги своего путешествия: «Пан Броучек не имеет ничего против так называемого патриотизма, пока он остаётся в пределах разумного. Но требовать, как гуситы, чтобы человек ради патриотизма или вообще ради каких-то принципов рисковал своим имуществом или даже собственной жизнью – чистейшее безумие! Любой разумный человек только одобрит действия пана Броучека, когда он перешёл от пражан к таборитам, рассудив, что тем самым улучшил своё положение, и когда он выдавал себя за немца перед предполагаемыми немецкими крестоносцами, чтобы тем самым сохранить свою жизнь для народа. ... Если сейчас каждого поступающего таким образом помещать по гуситской методе сразу в бочку, ремесло бондарей скоро станет в Чехии одним из самых выгодных»⁵.

С. Чех постоянно и последовательно проводит мысль о том, что история, лишённая нравственных оценок, не выполняет своего главного предназначения – быть наставницей жизни, нередко иронически отзываясь о научных занятиях своих современников – профессиональных историков-исследователей⁶. С полным уважением к историческому факту и источнику (писатель точен в описании топографии средневековой Праги и её окрестностей, в изложении хода событий, в понимании своеобразия взгляда на мир человека XV в.⁷) С. Чех решает свою главную задачу (задачу писателя и историка) – предложить читателю задуматься о будущем своего народа, восстановить оборвавшуюся связь времён.

Своеобразным «моментом истины» в повести является, как мне представляется, описание утра 14 июня 1420 г. перед битвой на Витковой горе: «О солнце великого, вечно памятного дня! Ты, озарившее немногочисленное войско героев, какие наперечёт в истории человечества; ты, показавшее миру, на что способен малый народ, увлекаемый пламенным порывом, радостно приносящий достояние и самую жизнь свою на алтарь святых убеждений; ты, факел небесный, воссиявший над горой Витковой, дабы окружить главы героических предков наших ореолом бессмертной славы; о солнце, отблески которого даже столетие спустя согревают и заставляют биться сильнее ленивые сердца потомков, – сколько бы ни было огня в душе чешской, сколько бы ни было слов вдохновенных и жгущих в языке нашем, все они должны бы слиться в хвалебную оду, воспевающую твой триумфальный восход на пурпурном и золотом горящем небосклоне! Но вместе со временем изменились и люди. Ясное летнее солнце несчётное множество раз всходило над Витковой горой, как и в тот день, но никогда уже не пришлось ему озарить богатырей; и спустя столетия смотрит

оно с высоты на поколение малое, живущее без правды и силы, без вдохновения, побуждающего отдать последнюю каплю крови за дорогой идеал, на поколение, что уже не понимает великого подвига предков, не верит в него и посмеивается при рассказах о нём, как смеются над старой и странной сказкой, которую и слушать-то скучно. Неспособное на подобные жертвы и высокие порывы, оно ссылается на иные времена и нравы, запрещает говорить себе о славном прошлом и при этом сидит сложа руки или играет в бирюльки. О закатившееся солнце нашей славы, взойдётся ли ты опять над землёй, найдёшь ли поэта, который сумел бы приветствовать тебя словом подлинного вдохновения, а не пустым суесловием и жалкою карикатурой, как я?»⁸

Трудно поверить в то, что эти слова выдающегося мастера художественного слова не находили отклика в умах и сердцах читателей – современников С. Чеха и их потомков: великая воспитательная сила исторической памяти вновь и вновь вставала на службу чешскому народу.

Примечания

- ¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на Третих научных чтениях памяти профессора А.И. Озолина, проходивших в Саратовском университете 6 февраля 2009 г.
- ² См.: *Историография истории южных и западных славян*. М., 1987. С. 66–72.
- ³ См.: *Востокова С.И.* Роман Алоиса Ирасека «Против всех» — эпопея гуситского революционного движения // *Учён. зап. Курск. пед. ин-та*. 1956. Вып. 5. С. 162–195.
- ⁴ *Чех С.* Путешествия пана Броучека (Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну. Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие). Л., 1977. С. 291.
- ⁵ Там же. С. 296.
- ⁶ На одной из страниц своей повести С. Чех, например, замечает: «Я просто описываю то, что пан Броучек своими глазами видел, своими ушами слышал, а это всё-таки во сто крат ценнее, чем выписки всех археологов и историков из старых, заплесневелых рукописей, которые либо всё врут, либо кем-то подброшены. Ежели в чём моя книга с современным уровнем развития науки расходится, пусть пан Томек et consortes в своих сочинениях поправят» (Там же. С. 131). В.В. Томек (1818–1905) являлся крупнейшим представителем, классиком чешской историографии второй половины XIX – начала XX в. В другом месте повести писатель прямо обращается к своим современникам-учёным: «Поэтому напрасно острили вы свои карандаши, господи учёные, вы, которые, если и снисходите до нас, несчастных, беллетристов чешских, то делаете это лишь затем, чтобы показать нам бездонное наше невежество. ... Кроме того, у меня есть серьёзные опасения, что ежели бы я написал что-нибудь по профессору Н., то профессор Р. тут же бы обнаружил в этом чистую бессмыслицу, и что даже то, в чём сейчас согласны все нынешние знатоки, через десять лет будет отнесено к

заблуждениям, давно осужденным, чему примеры нам всем известны» (*Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 161*).

⁷ О том, насколько внимательно С. Чех следил за новинками исторической литературы, свидетельствует следующее его ироническое замечание: «Нет необходимости напоминать читателю, сколь важны эти и последующие сведения пана Броучека о быте древних чехов для истории нашей культуры. Особого внимания заслуживает лишь тот факт, что эти сообщения очевидца во многих моментах удивительно совпадают со сведениями, сообщаемыми в книге, только что оконченной печатью и, по-видимому, уже вышедшей в свет, “В старинной комнате горожанина” Зигмунда Винтера с иллюстра-

циями Гануша Швайгера (издатель Алоис Визнер), что свидетельствует об основательности работы автора. Поскольку пан Броучек, находясь в критическом положении, не мог заниматься детальными археологическими изысканиями, и потому кое-чего не заметил или не запомнил, я рекомендую вышеуказанную книгу всем, кто хотел бы более подробно познакомиться с древнечешским городским бытом» (*Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 182*). З. Винтер (1846–1912) был крупнейшим представителем культурно-исторического направления в чешской историографии последних десятилетий XIX – начала XX в.

⁸ *Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 272.*

УДК 9(410)

РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ ШКОЛ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ: ИТОН

Н.В. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tash_19@mail.ru

В статье рассматривается роль публичных школ в системе образования в Англии XIX в. Итон – одна из крупнейших и самых престижных публичных школ Англии, она была основана королем Генрихом VI в 1441 году. Многие выдающиеся английские государственные деятели получили образование в Итоне. Атмосфера этой элитной школы важна для понимания природы английского лидерства, а следовательно, и характера английской жизни. Автор исследует влияние Итона на воспитание британской политической элиты.

Ключевые слова: Викторианская эпоха, Итон, публичные школы, система образования в Англии, политическая элита Великобритании, У. Гладстон.

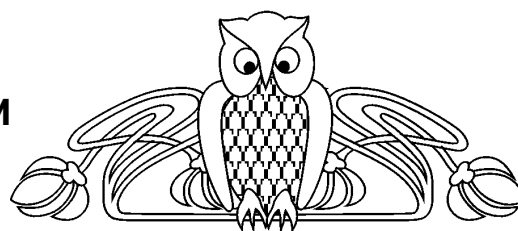
The Role of Public Schools in Social and Political Life of Victorian England: Eton College

N.V. Borodavkina

The article deals with the role of public schools in the English educational system of the XIX century. Eton College is one of the largest and highest in prestige public school in England, it was founded by Henry VI in 1441. Many outstanding English statesmen were educated in Eton College. The atmosphere of this elite school is important to understanding the nature of English leadership and consequently the character of English life. The author examines the influence of Eton College on training the British political elite.

Key words: Victorian Era, Eton College, public schools, English educational system, British political elite, W. Gladstone.

Викторианская эпоха, охватившая две последние трети XIX в., – это особый период в социально-экономической, политической и духовной жизни Англии. За эти десятилетия страна заняла лидирующие позиции в мировой экономи-

ческой и политической жизни. Управлять «владычицей морей», ставшей в результате завершения промышленного переворота еще и «мастерской мира», было делом почетным и хлопотным. Сами британцы той поры были убеждены, что решение этого вопроса во многом было обусловлено системой образования, большую роль в которой играли закрытые привилегированные учебные заведения – «публичные школы» (далее – паблик скулз).

Англией управляли преимущественно лидеры, которые получили образование в паблик скулз. Атмосфера этих элитных школ важна для понимания природы английского лидерства, а следовательно, характера английской жизни. В этой связи интересно рассмотреть самую известную привилегированную частную школу – Итон, за которой прочно закрепилось название «наставник аристократической молодежи»¹.

Судить о состоянии системы среднего школьного образования в Англии XIX в. позволяют появившиеся в то время памфлеты и брошюры, что свидетельствует о внимании общественного мнения к данной проблеме. В 1834 г., например, было опубликовано три памфлета, затрагивающих вопросы образования в Итоне. Два памфлета «Некоторые заметки о современном обучении и управлении в Итоне» и «Рассмотрение злоупотреблений в Итоне» оценили существующую систему образования весьма критично и подробно рассматривали ее недостатки и необходимость преобразований². Автор третьего памфлета – «Оправдание системы образования в Итоне и рассмотрение возможностей ее развития» – в ответ на предыдущие публикации пытался оправдать существующую систему и приводил аргументы в ее защиту, хотя при этом признавал необходи-

мость некоторых перемен. «Система образования, действующая сейчас в Итоне, – писал автор памфлета, – в течение нескольких месяцев стала предметом обсуждения в обществе. Она была затронута в двух памфлетах, которые утверждали, что раскрывают ее недостатки и злоупотребления. Один, озаглавленный “Некоторые заметки о современном обучении и управлении в Итоне”... среди частичных преувеличений и ложных выводов, содержит немало справедливой критики и предлагает некоторые полезные изменения. Однако я попытаюсь показать, что эти замечания в целом исходят из ошибочных взглядов на фундаментальные принципы образования. Второй памфлет “Рассмотрение злоупотреблений в Итоне” написан как грубая клевета и не заслуживает внимания разумного исследователя. Очевидно, это работа молодого человека, чьи чувства были оскорблены... школьной дисциплиной, что, судя по стилю написанного, могло быть вполне заслуженным»³. Факт появления таких памфлетов, содержащих резко отличающиеся оценки одного и того же феномена, свидетельствует о важности его в общественной жизни и об осознании его значимости современниками.

Среди материалов, знакомящих с жизнью паблик скулз, следует отметить работы, содержащие воспоминания итонцев о времени, проведенном в школе⁴.

Развитие системы образования в Великобритании, деятельность паблик скулз в частности, получило освещение в английской историографии. Следует отметить работы, затрагивающие вопросы образования в общем контексте освещения социальной жизни⁵ или касающиеся той или иной грани деятельности паблик скулз⁶. Школьная тематика, многократно отразившаяся в художественной литературе викторианского времени, получила рассмотрение в специальном исследовании Дж. Рида «Паблик скулз в викторианской литературе»⁷.

Свидетельством той англomании, которая отличала русскую либеральную традицию, стали на рубеже XIX – XX вв. несколько работ, посвященных проблеме образования в Англии⁸. Показательно, что в советское время паблик скулз описывались в публицистических работах в качестве преимущественно английских курьезов⁹.

Еще в XVIII в. шли споры об относительных достоинствах домашнего воспитания и образования, получаемого в школах. Сторонники паблик скулз составляли большинство, идеал воспитания они видели вне расслабляющей атмосферы родительского дома, в закрытой частной школе, акцентируя внимание на том, что будущим правителям необходимо расти в суровой и коллективистской обстановке.

Среди пэров XVIII в., получавших образование в конце века XVII, воспитанниками Итона, Вестминстера, Винчестера и Харроу было 16,2%, а среди родившихся после 1740 г. процент этот

вырос до 72,2 с явным преобладанием выпускников Итона. В XIX в. эта тенденция сохранилась. К 1900 г. пэр, который не учился бы в одной из престижных закрытых школ, был редким исключением¹⁰.

Среди паблик скулз существовала своя иерархия. Самыми уважаемыми считаются девять закрытых школ для мальчиков: Итон, Харроу, Винчестер, Рагби, Шрусбери, Вестминстер и др., – но все они уступают Итону и не могут сравниться с ним ни по авторитету, ни по списку знаменитых выпускников. Среди выпускников Итона встречаются самые выдающиеся представители своего времени: политики, дипломаты, ученые, писатели. Достаточно назвать имена Ф. Бэкона, Р. Бойля, Болингброка, Р. Уолпола, У. Питта Старшего, Дж. Каннинга, П. Шелли, У. Гладстона... Количеству представителей титулованной знати было больше в Итоне, чем в Харроу, Рагби и других паблик скулз¹¹. Эта публичная школа больше, чем другие, напоминает наследственный клуб для политических деятелей, и в ее традициях развивать у воспитанников профессиональный интерес к политике. Знакомство с бытом и системой обучения в паблик скулз первой половины XIX в. позволяет многое понять в характере У. Гладстона, который учился в Итоне в начале 20-х годов.

Итон был основан в 1441 г. королем Генрихом VI с целью подготовки людей для государственной службы. Первоначально в Итоне было всего семьдесят учеников или «колледжеров», которые обучались бесплатно, и несколько приходящих учащихся из городка Итон – «оппиданов», которые должны были платить за обучение. Все выпускники продолжали свое обучение в Королевском колледже в Кембридже. Итон всегда был ближе к королевскому двору, чем другие паблик скулз. Монарх лично назначал туда главу совета попечителей. Фонды на их содержание складывались главным образом из платы, вносимой состоятельными родителями, очень многие из которых сами вышли из стен этих школ.

Уже в 1835 г. образовательные методы, господствующие в паблик скулз, осуждались общественным мнением. В Итоне было только 11 учебных часов в неделю, то есть по два с половиной часа в день, но не каждый день: кроме воскресенья в неделю полагался один полный выходной¹². Ни переходных экзаменов, ни наград за успехи, никаких других поощрений не было.

Классические дисциплины господствовали в программах в 1815 г., и все еще занимали в них главное и преимущественное место век спустя¹³. В середине XIX в. в Итоне был 31 учитель, из которых 26 преподавали классические языки, 6 – математику, 1 – историю, и никто не преподавал современные языки или естественные науки¹⁴. Но даже латинский и греческий языки изучались поверхностно, только по отрывкам из произведений великих писателей. Большая часть времени употреблялась на сочинение греческих и латин-

ских стихов. Даже арифметика в объеме первых четырех правил преподавалась только в низших классах, так что итонские юноши по окончании курса часто являлись в аудитории специально математического Кембриджского университета, зная не более четырех правил арифметики¹⁵. Только в 1851 г. изучение математики стало обязательным для всех, через 20 лет обязательным стал французский язык, а затем к ним присоединились естествознание и немецкий язык¹⁶.

В обществе середины XIX в. сосуществовали прямо противоположные точки зрения на эту проблему. Булвер-Литтон, например, в романе «Пелэм» (1828) писал о неспособности таких школ, как Итон обеспечивать обучение таким важным предметам, как английский язык и литература¹⁷.

В упомянутом выше памфлете выпускник Итона возмущался: «Разве это не абсурдно ограничивать образование мальчиков исключительно знанием латинского и греческого языков, ни один из которых он, вероятно, не будет “хорошо знать” после того, как окончит школу»¹⁸. Почему школьник «не знает абсолютно ничего по алгебре, арифметике, математике, геометрии, французскому или итальянскому языкам и даже по истории: древней и современной. Не говоря об остальных отраслях науки, знание языка и истории своей собственной страны, бесспорно, должно рассматриваться как основная черта образования подрастающего поколения», – продолжает тот же автор¹⁹.

А вот другое мнение: «нет большего заблуждения, чем невежественный призыв против изучения классических языков... Это основа всей науки, введение к каждой отрасли человеческих знаний»²⁰. «Может быть, средний уровень образования в Итоне не был очень высок, – пишет в 1865 г. автор «Итонианы», – но был среди немногих подлинный интерес к гуманитарному знанию ради самого знания, который не всегда встретишь в современных больших школах. Немногие современные ученики изучают Гомера так, как Уильям Гладстон, и, несомненно, никто не переводит его так, как Лорд Дерби»²¹.

Классическое образования, безусловно, имело свои слабые стороны, но на протяжении всего XIX в. оно оставалось незыблемой основой в большинстве публичных школ. Споры велись по поводу образовательных методов и результативности обучения тем или иным предметам. Но не этот фактор был определяющим обстоятельством, заставляющим заботливых родителей добиваться поступления своих сыновей в Итон или Рагби, несмотря на условия жизни, которые там существовали. В этих учебных заведениях мальчики жили несколько лет в почти полном отрыве от семьи, проводили там годы, когда формируется человеческая личность.

В Итоне обучались дети с 13 лет. Они поручались надзору тьюторов, в обязанности которых входило смотреть за занятиями и соблюдением порядка школьниками; были установлены общие

правила, когда вставать, ложиться, идти в церковь и т.д. За нарушение этих правил наказывали²².

Условия жизни были поистине аскетическими. Чего стоила так называемая Длинная Спальня²³. Автор «Рассмотрения злоупотреблений в Итоне» пишет об этом: «Каждый, кто видел Длинную Спальню, должен был испытать сильное чувство отвращения из-за отсутствия даже видимости чистоты и комфорта...»²⁴ В 8 вечера двери ее закрывались и до 7 утра (или до половины восьмого зимой) школьники были предоставлены сами себе... Драки среди мальчиков считались доказанными как характерная черта школьной жизни. И только гораздо позже появились особые помощники учителя, которые должны были жить в колледже и приглядывать за мальчиками²⁵. Длинная Спальня со всеми ее традициями, плохими или хорошими, была полностью передана в 1844 г. – все ученики с тех пор имели свои отдельные комнаты, где они спали и занимались²⁶.

Распорядок дня учеников был достаточно строгим. Школьники вставали в 5 утра, читали молитву и к 6-ти утра должны были быть в классах. Ровно в 8 часов вечера учащиеся возвращались в свои комнаты и после молитвы ложились спать. В течение дня школьников кормили всего 2 раза, а по пятницам был строгий пост. Каникулы – три недели на Рождество, в течение которых мальчики оставались в школе, и три недели летом, когда можно было разъехаться по домам.

Особо следует сказать о личностных взаимоотношениях в публичных школах. Описание системы образования этих школ не завершено без описания системы *фаггинга*. Мнения современников по данному вопросу разделены, одни считают, что этот «ажитаж вокруг фаггинга определенно походит на название одной из наших старых английских комедий “Много шума из ничего”»²⁷. Хотя его современник полагает, что трудно найти людей, находящихся в более плачевном положении, чем *фаги*²⁸. А автор 1865 г. утверждает, что система фаггинга в современном ему Итоне стала практически условной²⁹.

Фагами называли младших учеников в школе. Они под страхом побоев должны были беспрекословно подчиняться ученикам старших, то есть шестого и почти всего пятого класса. Шестиклассники делали то, что им заблагорассудится, и если среди них попадались люди злые и деспотичные, то жизнь младших была действительно несчастной. Большую часть своего свободного времени они занимались чисткой одежды, приготовлением обеда, уборкой, чисткой обуви старшекласснику³⁰.

Каменский упоминает случай, когда старшеклассники отравились в повозке на петушинные бои, захватив с собой фага для услуг. Дорогой лошадь закусил удила и понесла; тогда фагу было приказано взобраться на скачущую во весь дух лошадь и «посмотреть, что там с удилами». Мальчик выполнил поручение успешно и, к счастью, отделался только вывихнутой рукой³¹.

Первая неделя новичка в такой школе часто оставляет самый болезненный след в его жизни. Жестокие побои, которым старшеклассники, сверстники подвергали новичков за малейшие проступки, не имеют параллели в британском обществе. Однако в паблик скулз такая мера одобрялась – отчасти потому, что она позволяла эффективно поддерживать дисциплину; отчасти потому, что учила младших чувству ответственности и повиновению власти; отчасти потому, что добрая порка считалась полезной для воспитанников независимо от того, заслуживают они ее или нет.

В 1861 г. с целью обследовать и в известной мере реформировать девять привилегированных школ была учреждена Кларендонская комиссия – королевская комиссия под председательством графа Кларендона. Следствием исследования этой комиссии был Закон о публичных школах 1868 г., реформировавший управление семи из этих школ. Кларендонская комиссия предупреждала, что «право наказывать, возложенное на мальчиков, следует тщательно контролировать». Это предупреждение зачастую игнорировалось, и палками нередко наносились увечья³².

В 1809 г. директором Итона стал д-р Кит. Стрэчи описывает период его правления как время анархии и деспотизма. Кит управлял только благодаря силе характера. Но были случаи, когда даже его неукротимая воля была подавлена. Каждое воскресенье он пытался прочитать проповедь перед всеми собравшимися школьниками; и каждое воскресенье все собравшиеся школьники заглушали его криком³³. Однако автор «Итонианы» считает, что правление было долгим и успешным, хотя и не всегда мирным. Во всяком случае, он не был слабым управляющим, хотя и не всегда был рассудительным. Были времена, когда он был крайне непопулярен, и когда мальчики поднимали настоящий бунт; но его твердость и решительность привели школу не через один опасный кризис без серьезного ущерба³⁴.

Несмотря на строгую дисциплину, ученики старших классов нередко развезжали из школы по скачкам, кулачным и петушиным боям и другим достопримечательным аристократическим учреждениям того времени без особых препятствий со стороны начальства³⁵.

Попытки изменить существующую ситуацию связаны с именами двух педагогов. Томас Арнольд в Рагби и Сэмюэль Батлер в Шрусбери занялись установлением контроля над своими подопечными путем изменения системы фаггинга под их собственной властью³⁶.

Томас Арнольд, с 1828 г. по 1842 г. возглавлявший школу Рагби, считал первостепенными нравственные ценности. Сила личности Арнольда, его религиозных убеждений и преданности делу также сыграли тут не последнюю роль. Основной целью Арнольда во время его работы в Рагби было, как он сам постоянно говорил, «сделать школу местом истинно христианского

образования». Внести «религиозный принцип в образование» было его «самым искренним желанием», писал он своему другу, когда впервые стал директором³⁷.

Важным нововведением Арнольда явилась система старшинства, то есть внутренней субординации среди воспитанников, которая наделяет старшеклассников значительной властью над новичками. Шестиклассники отвечают за порядок в классах, на спортивных площадках, в спальнях. Они вправе применять к младшим дисциплинарные наказания и поощрения. Система воспитания, сложившаяся в публичных школах, требует изоляции подростка не только от семьи, но и от внешнего мира вообще. Считается, что лишь совместная жизнь в стенах интерната может привести к тому тесному контакту и глубокому знанию друг друга, при которых эффективно прививаются и качества подчиненных и качества руководителей. Не может быть сомнений, что с точки зрения формирования человека, способного брать на себя ответственность или владеть ситуацией, система наставничества крайне эффективна. Все, кто сталкивался с этим, могли убедиться, что по манере держать себя, уверенности в себе, авторитету эти молодые люди намного опережали сверстников, у которых не было опыта наставничества.

Знаменательно, что принципы Арнольда встретили самое резкое неприятие в аристократическом Итоне. Социальный престиж этой школы внушал ее питомцам уверенность, что они могут обойтись без «передовых идей»³⁸. Морализм Арнольда, не говоря уже о прославлении им честного труда, не прельщали, как правило, молодых людей, чье материальное благосостояние гарантировалось, что им не придется искать работу³⁹.

Эдмунда Уарра, главу Итона с 1884 по 1905 г., по сравнению с Арнольдом не назовешь ни великим моралистом, ни духовным наставником. Для него, человека «по-юношески восторженного» и совершенно неинтеллектуального, главными ценностями были честность, верность и храбрость. Эти три добродетели воспитывались, по мнению Уарра, в хорошо организованных спортивных играх, и «поэтому он сделал спортивные игры центром жизни Итона, и это привело к тому, что все иные виды деятельности были либо подчинены им, либо вытеснены ими». Уарр вряд ли разошелся во мнениях с отцом Тома Брауна, персонажа романа Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857), которому нужно было от школы только одно – чтобы его сын вышел из нее «смелым, полезным, правдивым англичанином, и джентльменом, и христианином»⁴⁰.

Но хотя моральные принципы, которые были одним из важнейших моментов у Арнольда, не получили подобного развития в Итоне, тем не менее в обеих школах существовал одинаковый подход к воспитанию и формированию характера своих учеников. Главное внимание уделялось спортивным играм, которые рассматривались, прежде

всего, как средство воспитания определенных черт характера, и система наставничества.

Отличительной особенностью паблик скулз было то, что кто не хотел, тот мог ничего не делать, но кто хотел, тот имел возможность работать сколько угодно, и поощрений к тому было очень много – только не со стороны начальства, а со стороны общества самих товарищей, и в этом заключается характерная особенность английской школы. При ней всегда существовали такие учреждения, как ученические общества для дебатов или клуб, любительский театр и, наконец, периодический журнал, которые все существовали и развивались без всякого участия или вмешательства со стороны начальства. Эти учреждения давали возможность свободно развиваться природным талантам и творчеству молодых людей. Недаром про их политический клуб один известный итонец впоследствии выражался таким образом: «Как ни жалко было образование итонцев, которое давал мне д-р Кит, оно много пополнялось взаимным самообразованием друг друга. Клубные дебаты обращали их внимание на историю, на текущие события, и молодым ораторам были известны все напечатанные речи всех государственных людей прошлого столетия»⁴¹.

Школьников учили ораторскому искусству, поощряли к публичным выступлениям. Умение излагать и отстаивать свои взгляды публично, не теряться перед большой и даже недружественно настроенной аудиторией присуще представителям всех классов британского общества. Когда у человека с малолетства развивают чувство самостоятельности, когда ему внушают, что он не должен рассчитывать на других, он учится полагаться на самого себя.

Престиж и влияние Итона слабо связаны с академическими успехами учеников. И хотя Кларендонская комиссия признала, что интеллектуальные успехи рядового ученика престижной школы «невозможно даже по самым мягким требованиям считать удовлетворительными», но она же подчеркнула значение той жизненно важной роли, какую публичные школы викторианского периода играли в формировании характера у молодой британской элиты. Роль паблик скулз в формировании викторианской политической и социальной элиты велика. Они ставили целью не только образовывать интеллект, научить руководить, самостоятельно мыслить, но и сформировать личность, выработать нравственные ценности у своих выпускников.

Примечания

- ¹ См.: Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815 – 1914. СПб., 2000. С. 197.
- ² См.: Some Remarks on the Present Studies and Management of Eton School. L., 1834; The Eton Abuses Considered. Second Edition. L., 1834.
- ³ The Eton system of education vindicated and its capabilities of improvement considered, in reply to some recent publications. L., 1834. P. 3–4.

- ⁴ См.: Reminiscences of Eton by an Etonian. Chichester, 1831; Etoniana Ancient and Modern: being notes of the history and traditions of Eton College. Edinburgh. L., 1865; Creasy E.S. Memoirs of Eminent Etonians with Notices of the Early History of Eton College. L., 1850.
- ⁵ См.: Ливен Д. Указ. соч.; Strachey L. Eminent Victorians. L., 1928.
- ⁶ См.: Bamford T.W. Public Schools and Social Class, 1801–1850 // The British Journal of Sociology. 1961. Vol. 12, nr. 3; Nash P. Training an Elite // History of Education Quarterly. 1961. Vol. 1, nr. 1; Campbell F. Latin and the Elite Tradition in Education // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19, nr. 3.
- ⁷ См.: Reed J.R. The Public Schools in Victorian Literature // Nineteenth-Century Fiction. 1974. Vol. 29, nr. 1. P. 58–76.
- ⁸ См., например: Мижуев П.Г. Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии. СПб., 1898; Каменский А. В. Гладстон. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1892.
- ⁹ См., например: Овчинников В.В. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М., 1980; Осипов В. Британия глазами русского. М., 1977.
- ¹⁰ См.: Ливен Д. Указ. соч. С. 197.
- ¹¹ См.: Bamford T.W. Op. cit. P. 225–226.
- ¹² См.: Общественная жизнь Англии. Изд. I. Д. Трайля. Т. 6. 1815–1885. М., 1899. С. 534; Каменский А. Указ. соч. С. 11.
- ¹³ См.: Ливен Д. Указ. соч. С. 201–202.
- ¹⁴ См.: Campbell F. Op. cit. P. 309.
- ¹⁵ См.: Каменский А. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁶ См.: Мижуев П.Г. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁷ См.: Reed J.R. Op. cit. P. 61.
- ¹⁸ См.: The Eton Abuses Considered. P. 19.
- ¹⁹ Ibid. P. 19–20.
- ²⁰ The Eton system of education... P. 40.
- ²¹ Etoniana Ancient and Modern... P. 116.
- ²² См.: Каменский А. Указ. соч. С. 12.
- ²³ Мальчики спали в одной общей спальне – длинной комнате, известной как Длинная Спальня.
- ²⁴ The Eton Abuses Considered. P. 23–24.
- ²⁵ См.: Etoniana Ancient and Modern... P. 128.
- ²⁶ Ibidem. P. 132.
- ²⁷ Reminiscences of Eton. P. 68.
- ²⁸ См.: The Eton Abuses Considered. P. 26.
- ²⁹ См.: Etoniana Ancient and Modern. P. 137.
- ³⁰ Ibidem. P. 129.
- ³¹ См.: Каменский А. Указ. соч. С. 13.
- ³² См.: Nash P. Op. cit. P. 19.
- ³³ См.: Strachey L. Op. cit. P. 166.
- ³⁴ См.: Etoniana Ancient and Modern... P. 96.
- ³⁵ См.: Каменский А. Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ См.: Reed J.R. Op. cit. P. 59.
- ³⁷ См.: Strachey L. Op. cit. P. 167.
- ³⁸ См.: Ливен Д. Указ. соч. С. 200–201.
- ³⁹ Там же. С. 201.
- ⁴⁰ Там же. С. 199.
- ⁴¹ Каменский А. Указ. соч. С. 14.

УДК 94(37).04/05

СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ И ТИТУЛ *IMPERATOR* В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В.А. Леус

Саратовский государственный университет
E-mail: Vladimir.Leus@mail.ru

Статья посвящена трансформации понятия *imperator* в Римской республике. Исследование показывает роль выдающегося римского полководца Сципиона Африканского в появлении титула императора, а также анализируется влияние сформировавшегося образа Сципиона на восприятие в I в. до н.э. римских политиков Поздней республики.

Ключевые слова: Сципион Африканский, титул императора, Римская республика.

Scipio Africanus and the Title *imperator* in Politics of the Roman Republic

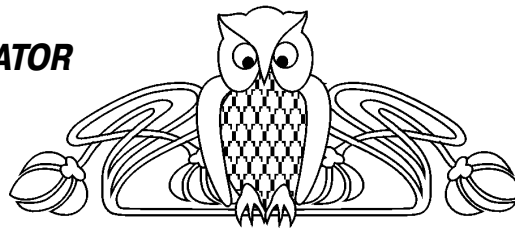
V.A. Leus

The study is devoted to the transformation of the concept *imperator* in the Roman Republic and shows the role of the outstanding general Scipio Africanus in the appearance of the title *imperator*, as well as it analyses the influence of the Scipionic image on perception of the Roman politicians in the Late Republic.

Key words: Scipio Africanus, *imperator*, Roman Republic.

В поздней Римской республике после победы полководца традиционно провозглашали императором его легионы, и военачальник использовал этот почетный титул, вплоть до окончания своей магистратуры или триумфа. По справедливому мнению С. Уейнстока, в Рим эта традиция пришла от эллинистических царей¹. Уже в эпоху Суллы (первая половина I в. до н.э.) титул показывал военное превосходство его обладателя, а армия стала играть намного более важную роль в римской политике. Во времена Империи титул указывал на наивысшую власть императора (употреблялся как *praenomen*) и мог использоваться в исконном смысле, чтобы отметить военную победу полководца. В основе титула *imperator* лежит понятие *imperium* – «право приказа», высшая исполнительная власть в римской гражданской общине².

Принято считать, что Сципион Африканский Старший (235–183 гг. до н.э.) первым в римской истории принял титул императора. Сципион Африканский известен не только как полководец, победивший великого Ганнибала и окончивший вторую Пуническую войну; в политике Сципион также добился значительных высот: он занимал посты консула, цензора и до самой смерти оставался принцепсом сената, то есть его имя стояло во главе списка римских сенаторов.

Греческий историк Полибий сообщает, что после победы римлян при Бекуле в 208 г. до н.э. иберы пришли к Сципиону с целью отдаться под покровительство римлян. Во время переговоров они называли Сципиона царём, на что тот ответил, что хотя и хотел бы казаться для всех и быть на самом деле человеком царственным, но не желает ни быть царём, ни именоваться таковым, и посоветовал называть его военачальником (*stratēgos* – Polyb. X.40.3–5). В изложении римского автора Тита Ливия Сципион сказал иберам, что для него самым почётным является звание императора (*imperator*), данное ему воинами, «а царское звание (*regium nomen*), столь уважаемое у других народов, в Риме ненавистно» (Liv. XXVII.19.4–6)³.

Нет причин сомневаться в истинности случившегося или искренности реакции Сципиона. Этот рассказ, возможно, основывается на сообщении Г. Лелия, ближайшего сподвижника Сципиона⁴. Надо отметить, что титул царя мог по-разному восприниматься иберами, Сципионом и историками. Можно предположить, что иберы могли думать, будто Сципион – римский царь, или использовали это слово, чтобы показать его верховный статус в Испании; что они признавали другого правителя более могущественным, чем они сами или их прежние пунистские «сюзерены»⁵. Использование этого титула, столь неприятного римлянам, самого Сципиона привело в замешательство и могло повредить его политической карьере в Риме.

Р. Девелин отмечает особенность формы высказывания в тексте Полибия и Ливия: Сципион сам попросил иберов называть его императором, а вовсе не легионеры так говорят о нём. Р. Девелин предполагает, что Ливий, переводя на латинский язык фразу Полибия, перестроил ее на основе собственного понимания того, как провозглашают полководца императором, а потому в реальности никакой воинской *аккламации* (то есть провозглашения) не было, иначе современные исследователи обладали бы гораздо большим числом свидетельств⁶.

Но в нашем распоряжении имеются не только данные нарратива, но и важный эпиграфический источник. В 205 г. до н.э. сагунтийцы отправили посольство в Рим, чтобы поблагодарить за сохранение и восстановление их города (Liv. XXVIII.39). Жители Сагунта воздвигли у себя памятник, возможно статую, посвященную Сципиону с надписью⁷:

P(ublio) Scipioni co(n)s(uli) imp(eratori) ob restitutam Saguntum/ ex s(enatus) c(onsulto) bello Pu/nico secundo.

Публию Сципиону, консулу, императору, за восстановление Сагунта по сенатскому постановлению во время второй Пунической войны (пер. мой. – В.Л.)

Х. Бек⁸ предположил, что надпись посвящена отцу Сципиона Африканского, консулу 218 г. до н.э., так как в ней не указаны другие магистратуры Сципиона Африканского, а Сагунт в 212 г. до н.э. римляне вернули под свою власть именно при проконсульстве Сципиона-отца. Однако, по нашему мнению, надпись отражает послужной список самого Сципиона на момент ее установки в 205 г. до н.э. Кроме того, известно, что надпись была повторно воссоздана и установлена во второй половине I в. до н.э.⁹, то есть в период повышенного интереса в римском обществе к политической фигуре Сципиона Африканского.

Так был ли Сципион первым римским императором? Можно ли проследить взаимосвязь между образом Сципиона в политической жизни Римской республики и императорами I в. до н.э.? Если верить сообщениям античных авторов, Сципион был первым римлянином, которого войска провозгласили императором. Однако следует помнить, что ни Сципион, ни его современники не могли представить себе, каким образом использование этого титула трансформируется в будущем. В эпоху Пунических войн это был просто знак личной связи между полководцем и армией. А Сципион действительно много времени провёл во главе римских легионов и пользовался у них заслуженным уважением и авторитетом¹⁰.

В 90-е гг. II в. до н.э. сам Сципион и его сторонники преобладали в сфере аристократических магистратур (консулат, проконсулат) Римского государства; они были внутренне представлены на преторских местах и в аграрных комиссиях. В целом можно говорить о десятилетии сципионовского первенства, ущемляемого лишь эпизодически¹¹. Т. Ливий передал общее ощущение современников от правления Сципиона в армии и сенате, говоря о «царских обычаях» (XXIX.19.4) и «царствовании в сенате Сципионов» (XXXVIII.54.6). Существовавшие тогда нарушения порядка занятия магистратур, экстраординарные и досрочные получения *империя* (*imperium*) во многом поясняют такие определения римского историка. Дурная репутация испанских легионов Сципиона, скандал в Локрах, смутные слухи о жалобах сицилийских городов приоткрывают стиль «нового» командования и облик «новой» армии.

Сам Сципион в ответ на вопрос, кого он считает величайшим государственным деятелем, сочетавшим в себе мужество и мудрость, назвал эллинистических правителей Агафокла и Дионисия. Ф. Уолбанк справедливо предположил, что

Сципион назвал этих двух сиракузских тиранов скорее из-за их успехов в борьбе с Карфагеном, а вовсе не потому, что симпатизировал тирании как таковой (Polyb. XV.35.6)¹². Поэтому нельзя усмотреть в этом факте прямые монархические устремления Сципиона. Политическая обстановка и сам дух времени еще не способствовали этому. Симпагии Сципиона скорее свидетельствовали о нетрадиционной широте его мысли и о зарождении «царских вожделий» в катонском толковании словосочетания – как нового качества эгоизма и тщеславия носителей верховной власти. В поступках и личности Сципиона Африканского ещё уравнивались честолюбие и долг, но в ближайшие десятилетия после его смерти стали появляться высшие магистраты «нового» типа – политические деятели, не принимавшие традиций старинной доблести, как их понимал Катон Старший.

Но если говорить о связи Сципиона с «императорами» I в. до н.э., то можно установить несколько значимых параллелей. Так, Г. Оппий, написавший биографии Сципиона и Цезаря, возможно, сравнивал их друг с другом и, прославляя Сципиона, возвеличивал своего патрона Цезаря¹³. Примеров такого сравнения, а порой и путаницы двух персонажей, несколько.

Во-первых, рассказ Плиния (*Hist. nat.* VII.47) о чудесном «кесаревом» рождении Сципиона мог появиться из-за ошибки, допущенный помощниками или самим исследователем. В собранном для Плиния материале встретилась фраза: «Сципион – первый из цезарей» (*primus Caesarum*), которая имела политический смысл, но была перенесена на медицинскую почву¹⁴.

Во-вторых, вспомним речь Тиберия Гракха (*Liv.* XXXVIII.56). Публий Сципион хотел оградить брата Луция от ареста, за что его порицал народный трибун Тиберий Семпроний Грах и указывал на прежнее умеренное поведение, когда Сципион не принял от народа должности пожизненного консула и диктатора, запретил устанавливать его статуи, а также отказался от постановления, чтобы его *imago* в облачении триумфатора выносилась из храма Юпитера¹⁵. Р.М. Хейвуд склоняется считать речь Гракха подлинной¹⁶ или основанной на реальных сведениях. Но даже сам Ливий сомневается¹⁷; и Цицерон, кажется, не знает сохранившихся речей Гракха (*Brutus.* 79). Само содержание речи видится более чем анахроничным для начала II в. до н.э. Г. Де Санктис относил ее ко времени Суллы, Т. Моммзен и Эд. Майер считали, что эта речь была основана на каком-то антицезарианском памфлете, в котором под именем Сципиона был выведен Цезарь¹⁸. И если в событиях 49–45 гг. до н.э. искать модель и прецедент божественных почестей Г. Юлия Цезаря, то нужно признать, что лучшим примером будет Сципион Африканский.

Действительно, ретроспективный взгляд на Сципиона из эпохи Цезаря и Августа мог пред-

ставлять его как прообраз и модель римского императора – полновластного полководца, опирающегося на армию¹⁹. Таким образом, к началу новой эры с ростом роли армии в римском обществе и государстве титул императора приобрёл значение наивысшей власти.

Примечания

- ¹ Weinstock S. *Divus Julius*. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 108.
- ² См.: Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46. О греческих эквивалентах термина *imperium* см.: Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto: Hakkert, 1974. P. 132–135.
- ³ Позднее латинскому термину *imperator* будет соответствовать греческий *autokratōr*, но во времена Полибия такое употребление еще не принято. Полибий использует *stratēgos* при описании римских реалий в шести разных значениях, и нет полной уверенности в том, как именно назвал себя Сципион на самом деле. Всего по отношению к римлянам слово *stratēgos* зафиксировано у Полибия в 216 случаях (во всем сохранившемся тексте – 438 упоминаний), из них 116 раз им обозначается консул, 47 – проконсул, 16 – претор, 34 – полководец без определенной магистратской должности, дважды так обозначен диктатор (*autokratōr stratēgos*) наряду с *diktatōr*, и, наконец, лишь однажды выражением *stratēgos hypatos* обозначается победоносный полководец *imperator* – Т. Квинкий Фламинин (XVIII.46.5). См.: Polybios-Lexikon / Bearb. von Ch.-F. Collatz, M. Gützlaf, H. Helms. Berlin, 2002. Bd. III.1. Sp. 106–122. См. также: Dubuisson M. *Le latin de Polybe. Les implications historiques d'un cas de bilinguisme*. P.: Klincksieck, 1985. P. 45–47. О соотношении слова *stratēgos* и римских реалий см.: Mason H.J. *Op. cit.* P. 155–163. Составители *Polybios-Lexikon* отнесли фрагмент X.40.5 Полибия к разделу IV «полководцы, не занимающие магистратуры», пункт 2, под буквой *d*) конкретные обобщенные примеры (всего таких примеров 5). См.: Polybios-Lexikon. Sp. 111–113.
- ⁴ См.: Scullard H.H. *Scipio Africanus: Soldier and Politician*. L.: Thames and Hudson, 1970. P. 76.
- ⁵ См.: Aymard A. Polybe, Scipion l'Africain et le titre de "Roi" // *Revue du Nord*. 1954. Vol. 36. P. 121–128; Foulon E. *Basileus Scipio* // *Bulletin de l'Association Guillaume Bude*. 1992. P. 9–30.
- ⁶ См.: Develin R. *Scipio Africanus Imperator* // *Latomus*. 1977. Vol. 36. P. 110–113.
- ⁷ CIL II.3836 = ILS 66.
- ⁸ См.: Beck H. *Karriere und Hierarchie. Die römische Aristokratie und die Anfänge des cursus honorum in der Mittleren Republik*. Berlin: Akademie Verlag, 2005. S. 341–342. Anm. 73.
- ⁹ См.: Combès R. *Imperator*. (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine). P.: Presses universitaires de France, 1966. P. 57; Seguin R. *La religion de Scipion l'Africain* // *Latomus*. 1974. Vol. 33. P. 14–21.
- ¹⁰ См.: Scullard H.H. *Scipio Africanus*... P. 81–82.
- ¹¹ См.: Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 110; Scullard H.H. *Roman Politics, 220–150 B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1951. P. 75–78, 82–89, 115–152.
- ¹² См.: Walbank F.W. *A Historical Commentary on Polybius*. Oxford: Oxford University Press, 1967. Vol. II. P. 495; Scullard H.H. *Roman Politics*... P. 86. Note 2.
- ¹³ См.: Schanz M. *Geschichte der Römischen Literatur / Neue bearbeitete von Carl Hosius*. (Handbuch der Altertumswissenschaft. Bd. VIII.1). München: Beck, 1907. S. 350.
- ¹⁴ Первым предположение о такой ошибке высказал Энцо Марморале (*Marmorale E.V. «Primus Caesarum»* // *Synteleia*. 1964. Vol. 5. P. 1009–1025). Ср.: Scullard H.H. *Scipio Africanus*... P. 248–249. Note 16.
- ¹⁵ Liv. XXXVIII.56.12–13: *castigatum enim quondam ab eo [sc. Scipione] populum ait, quod eum perpetuum consulem et dictatorem vellet facere; prohibuisse statuas sibi in comitio, in rostris, in curia, in Capitolio, in cella Iovis poni; prohibuisse, ne decerneretur; ut imago sua triumphali ornate et templo Iovis optimi maximi exiret*.
- ¹⁶ Haywood R.M. *Studies on Scipio Africanus*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1933. P. 16–18.
- ¹⁷ Liv. XXXVIII.56.5: *orationes quoque, si modo ipsorum sunt quae feruntur, P. Scipionis et Ti. Gracchi abhorrent inter se*.
- ¹⁸ Ф. Уолбанк полагал, что это выступление Тиб. Гракха не относится к эпохе Сципиона (Walbank F.W. *The Scipionic Legend* // *Selected Papers. Studies in Greek and Roman History and Historiography*. Cambridge, 1985. P. 55–56). См.: Mommsen Th. *Römische Forschungen*. Berlin, 1879. Bd. II. S. 502; Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*. Stuttgart; Berlin, 1922. S. 531–532. К мнению Эд. Майера присоединяется советский исследователь С.Л. Утченко (Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. С. 325). Ср.: Fraccaro Pl. *Opuscula*. Pavia, 1956. Vol. 1. S. 328, 396; Hoffmann W. *Livius und der Zweite Punische Krieg*. Berlin, 1942. S. 77; Bengtson H. *Scipio Africanus. Seine Persönlichkeit und seine weltgeschichtliche Bedeutung* // *Historische Zeitschrift*. 1943. Bd. 168. S. 508. Anm. 2; Scullard H.H. *Roman Politics*... P. 282; Classen C.J. *Gottmenschen in der römischen Republik* // *Gymnasium*. 1963. Vol. 70. S. 320; Dobesch G. *Caesars Apotheose zu Lebzeiten und sein Ringen um den Königstitel*. Wien, 1966. S. 40; Schlag U. *Regnum in senatu*. Die Wirken römischer Staatsmänner von 200 bis 191 v. Chr. Stuttgart: Ernst Klett, 1968. S. 172.
- ¹⁹ Jaczynowska M. *La genesi repubblicana del culto imperiale: da Scipione l'Africano a Giulio Cesare* // *Athenaeum*. 1985. Vol. 73. P. 285–295.

УДК 141.78 (492)+929Анкерсмит

ВОЗВЫШЕННЫЙ ОПЫТ Ф. АНКЕРСМИТА КАК НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В.В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: feller-vv@mail.ru

В статье критически рассмотрена онтологическая теория возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита, которая дает возможность экзистенциально значимого осознания опыта разрыва между ментальностью современного и древнего человека. Этот опыт может послужить созданию исторически обоснованного варианта философской антропологии.

Ключевые слова: исторический опыт, фрагментарность, большой нарратив, Анкерсмит, Гуревич, Копосов, Дарнтон.

The Ankersmit's Sublime Experience as a New Basis of Philosophic Anthropology

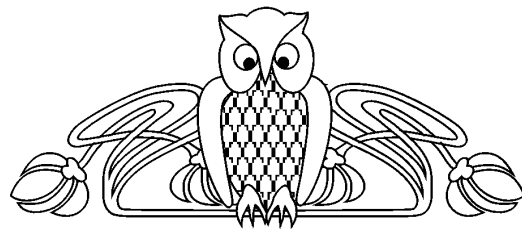
V.V. Feller

In this article a new angle gets on the Ankersmit's ontological theory of sublime historical experience. The conclusion: this theory gives an opportunity for more existentially significant perception of the "gap" experience between the mentality of the man of Ancient world and Modern history. This experience can be taken as a principle for the creation of a new alternative of philosophical anthropology proved historically.

Key words: historical experience, fragmentariness, the Grand narrative, Ankersmit, Gurevich, Koposov, Darnton.

Онтологическая теория исторического опыта голландского философа Ф. Анкерсмита вписывается в общую тенденцию развития критической философии истории и теории исторического познания с начала XX в. Это развитие проходит через фазис неокантианских и неогегельянских школ, фазис особого влияния неопозитивистских «охватывающих законов» и субъективистски ориентированных герменевтических теорий Р.Дж. Коллингвуда и Х.-Г. Гадамера и фазис «лингвистического поворота» Х. Уайта¹. Наконец, в 90-е гг. прошлого века наметился новый фазис, который может быть назван «реалистическим поворотом», одним из видных представителей которого, наряду с Д. ЛаКапрой, Л. Госсмэном, П. Новиком, Г. Келлнером и другими, признан и Ф. Анкерсмит. В чем сущность анкерсмитовской теории исторического опыта? Какую проблему исторического познания она поможет решить?

В стремлении преодолеть одновременно крайнюю фрагментацию исторического сознания и полный отрыв текста от реальности в лингвистической философии постмодернизма голландский философ заявляет, что он впервые создает постмодернистскую теорию опыта, которую он

называет радикализированным историзмом. Это феноменологическая теория, которая претендует и на онтологический статус. Главное, с его точки зрения, найти доступ к экзистенциальной форме, в которой человек действительно получает особый опыт различия между настоящим и прошлым. Такой формой для него стало ностальгическое переживание. Наиболее глубокие примеры ностальгии, конституирующей историческое сознание, он находит у И.В. Гете, Ж. Мишле, Й. Хейзинги. В последней своей книге он завершает онтологическую теорию исторического опыта, разрабатывая концепцию возвышенного исторического опыта.

Это уже не опыт относительного различия между настоящим и прошлым, но опыт абсолютного разрыва между настоящим и наиболее отдаленным прошлым нашей цивилизации, символически описанным в архаических мифах. Фактически здесь, в дополнение к индивидуализирующему методу неокантианцев, который делает акцент на выявлении подобий исторических индивидуальностей с историческим универсумом², наоборот, все внимание сосредоточено на прояснении различия исторической индивидуальности современной эпохи с историческим универсумом, охватывающим наиболее отдаленную от современности древность и всю длительность от этой древности до современной эпохи. Это различие, если его прояснить в отношении каждой эпохи, позволит выстроить последовательность эпох в континууме всеобщей истории, т.е. реализовать идею развития в ее классическом понимании, идущем от И.Г. Гердера, Ф. Шиллера, И.Г. Фихте. Таким образом, критическая теория Ф. Анкерсмита дополняет ориентированную на индивидуализацию (и прояснение подобий) теорию В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Она дает основу для прояснения наиболее крупных структур исторического развития, так как открывает возможность идентификации подпавшей под власть архетипов, при этом хронологически удостоверенной, архаической древности, посредством созерцающего переживания ее как начальной для истории нашей цивилизации и как имеющей непосредственное отношение к нашей человеческой сущности.

В начале пути современного исторического сознания голландский философ находит глубокий ментальный разрыв, произошедший на рубеже XV и XVI веков. Именно в это время появился сам современный человек с его способностью к восприятию мира «как будто со стороны». Это «тихое событие» затронуло всех, но поначалу осознано

было немногими, например, Н. Макиавелли и Ф. Гвичардини³. Затем, ближе к концу XVIII в., цепь причин и следствий привела к радикальным переменам не только в сознании, но и в социальных системах. Желая разорвать онтологические рамки «нашей эпохи», Анкерсмит совершает ментальный скачок. Он стремится к обнаружению еще более фундаментального онтологического основания исторического мышления и исторического бытия, чем «наша эпоха», обращаясь к архаике мифа. Высказываясь о *природном* как более существенном, чем *историческое*, он подчеркивает, что природу «следует идентифицировать с мифологизмом»⁴. Он признает, что цивилизация исторична, а миф есть продукт цивилизации, но поскольку мифы являются теми частями «нашего коллективного прошлого, которые мы отказываемся историзировать», то онтологически первичен все-таки миф. Именно поэтому мифическое прошлое «должно находиться за пределами исторического времени. Оно пользуется высочайшим почетом цивилизации: это ее историческое возвышенное»⁵.

Обнаружив, что любое историческое повествование, выходящее за пределы эпохи Нового времени, уже не может оставаться конструктивистским и выстраивающим причинные цепи, Анкерсмит отвергает повествовательно-описательный метод. Эпоха Модерна как целое должна изначально поверяться не имманентным ей опытом, т.е. изнутри, а опытом возвышенным, т.е. извне, путем сравнения с реальностью переживания архаической древности примерно так, как взрослый человек в особо значимых случаях поверяет значимость своих ощущений некоторыми священными для него воспоминаниями о впечатлениях детства. Нечто подобное и предлагал Л. фон Ранке, когда говорил о «предстоянии каждой эпохи пред Богом». Разработанная же немцами историческими филологами «наука древности» прямо сформирована для фундаментального сравнения с созерцаемой индивидуальностью классической древности⁶. Поэтому противопоставление Анкерсмитом обращенного к древности классицизма и якобы игнорирующего такое обращение романтизма, необоснованно. Более того, фактически голландский философ идет к разрешению только конкретной проблемы исторической самоидентификации человека Модерна, но не человека любой из подобных ему эпох. Можно сказать, что презентизм современного исторического мышления, который он вы проводил за дверь, вернулся через окно. Но данный факт не умоляет очевидной заслуги философа в создании постмодернистской онтологии исторического опыта.

Рассмотрим конкретный пример, который потребует дополнительного осмысления трех важных вещей. Это, во-первых, совершенная недостаточность социологии и культурной антропологии для объяснения процессов во «временах

большой длительности»; во-вторых, способность опытного историка преодолевать даже наиболее сильные ограничения современного научного дискурса; в-третьих, необходимость и возможность не культурно-антропологического, а философско-антропологического фундирования исторического знания на основе феноменологии исторического опыта.

Н.Е. Копосов, проанализировав нашумевшую книгу Р.Дарнтонна «Великое кошачье побоище», признанную классикой жанра «исторической антропологии», пришел к выводу, что антропологически ориентированная история культуры «может только негативным способом сложить внятное целое из мозаики своих исследований, а именно отрицая отдельные элементы глобальной социальной истории». Но только социальная история и «создает единство книги Дарнтонна. Крестьяне рассказывают плутовские сказки вместо того, чтобы морально готовиться к жакериям эпохи “великого страха”, ремесленники в порыве ненависти к хозяевам охотятся за кошками... каждый штрих в этой картине наделяется смыслом постольку, поскольку отрицает соответствующий элемент привычной социальной истории»⁷. «Новая культурная история», делает вывод Копосов, неизбежно опирается на категории социальной истории. Она наполняет схемы последней многообразием жизни, неоднородностью людских характеров и судеб, конечно, если не пытается отрицать сами эти категории и ограничивается «особой тональностью суггестивных недоговорок, достойных изящных эссе»⁸. Без путеводной нити социологической или метафизической схемы «антропологически ориентированный» исследователь вынужден руководствоваться имплицитным представлением о человеке, сформированном в своей собственной культуре. Поэтому «антропологическая» история, идущая исключительно по пути описанного К. Гирцем «насыщения», понижая абстрактные ценности до их обыденных проявлений, навязывает те же ценности под видом «универсально-обыденного». Но и социальная история ведет к искажению представления о целом, о культуре прошедшей эпохи и человеке этой культуры, так как некритически осуществляет отбор актуальных для настоящего социальных связей и отношений, на что справедливо указывал французским коллегам-историкам Ж. ЛеГоффу и Ж. Дюби известный немецкий медиевист О.Г. Эксле⁹.

Оценивая ключевой очерк дарнтонновской книги, А.Я. Гуревич тонко расширяет основную интерпретацию события. В его интерпретацию растворяется не только дарнтонновская объяснительная схема, но и категориальная схема социальной истории, ценность которой отстаивает Н.Е.Копосов. Гуревич объясняет: «В центре внимания Дарнтонна, как и его оппонентов, – шутство, отнюдь не лишенное сатиризма... Медиевист, напротив, склонен – я бы сказал, вынужден – видеть в этом сообщении нечто большее. На протя-

жени нескольких предшествующих столетий во Франции (и не в ней одной) многократно происходили судебные процессы, обвиняемыми в коих были домашние животные или другие твари... Все это, – продолжает историк, – не имело никакого касательства к шутовству или шаривари. В основе этих процессов лежали специфические для той эпохи представления об универсальной применимости права, каковое распространялось не на одних только людей, но и на всех прочих тварей, наделенных жизнью... Таков один из компонентов “плотного описания” по Гирцу и Дарнтону. Видимо, эта плотность должна заключаться не только в интенсификации анализа всех возможных компонентов изучаемого феномена, но и в рассмотрении последнего в ракурсе *longue duree*...»¹⁰

Основополагающий момент заключается именно в том, что историк и должен мыслить историю исходя, прежде всего, из ее наиболее крупных диахронических структур. «Новая культурная история», напротив, культивирует крайнюю близорукость. Но точка зрения российского медиевиста лишь приоткрывает глубину проблемы отношения исторического опыта и исторического нарратива. Вопрос не в том, чтобы обнаружить непрерывность таких «пережиточных» и якобы не имеющих высшего разумного основания явлений и процессов, как указанная выше универсальность правового сознания, распространяющего свои нормы и на животных. Подлинный вопрос заключается в том, чтобы в этих процессах обнаружить *их собственный разум* и, в интерпретации человека прошедшей эпохи, открыть подлинное основание опыта его правового сознания. Пример, приведенный Р.Дарнтоном, указывает, по меньшей мере, во-первых, на *коллективный*, а не персональный субъект этого права; во-вторых, на то, что *правовая сущность человека* в нем не отделялась от сущности животного мира.

Какое отношение это имеет к теории возвышенного опыта Ф.Анкерсмита? Целостное, или ностальгическое, переживание сущностного различия между отношением к применимости права у современного человека, у французских подмастерьев XVIII в. и у древних евреев из эпохи, описанной в Книге Исход, в которой приводится правовая норма о смертной казни волов¹¹, обнаруживает парадоксальное следствие. Оно выявляет большее сходство французского подмастерья эпохи Просвещения и еврея времен Моисея между собой, чем их сходство с нами, «современными людьми». При этом, конечно, совершенно очевидна «пережиточность» правового сознания подмастерьев. Что дальше? Дальше необходимо погрузиться в переживание различия между правовым созна-

нием современного человека и человека самых разных эпох в промежутке между современностью и временем Моисея. В этих погружениях следует стремиться к прояснению вопросов о том, когда легитимное древнее право стало пережиточным, какие формы коллективной индивидуальности оно затрагивало, как относилось к понятию о сущности человека, что представляла собой эта сущность. Но концепция возвышенного опыта дает и еще нечто – возможность понять то, что в современном человеке сохранилось от того древнего человека в его приобщенности к коллективной или, лучше сказать, общинной и родовой индивидуальности, насыщенной лишь отчасти доступным для нас эмоционально-чувственным содержанием как памятью рода. Это все равно, что прикоснуться к источнику жизни, к оживляющей памяти детства. Именно в том, что в постмодернистском хаосе «фрагментированного сознания» мы обнаружили этот источник, основная заслуга теории Ф. Анкерсмита. Опираясь на эту теорию, мы уже можем совершить нечто важное и в практическом смысле. Мы настроим свое историческое мышление так, чтобы не потерять конкретной связующей нити с самим источником нашей культуры, умея обращаться к древности не только сверху, но и снизу, – в четком понимании того важного в ней, что мы, возможно, только на время, утратили или забыли. Отсюда уже можно выстраивать исторически обоснованный вариант философской антропологии.

Примечания

- 1 См.: Анкерсмит Ф.Р. История и антропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 6–12.
- 2 См.: Риккерт Г. Философия истории // Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 172–173.
- 3 См.: Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 485–495.
- 4 Там же. С. 229.
- 5 Там же. С. 502–503.
- 6 См.: Вольф Ф.А. Очерк науки древности. СПб., 1877. С. 77–80.
- 7 Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 162–163.
- 8 Там же. С. 163.
- 9 См.: Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 32–42, 77–78.
- 10 Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С.44.
- 11 Вторая Книга Моисеева. Исход. 21, 28.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 9(470) «18»

РУЩУКСКИЙ ОТРЯД В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГОДОВ (по воспоминаниям генерала А.И. Косича)

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматриваются воспоминания генерала А.И. Косича, начальника штаба 12-го армейского корпуса, входившего в Рущукский отряд. Разбираются взгляды мемуариста на причины и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вскрываются недостатки русской армии, а также дается описание мобилизационного развертывания, хозяйственного содержания отряда, проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: Рущукский отряд, Русско-турецкая война, генерал А.И. Косич.

Rushchuksky Group in Russian-Turkish War 1877–1878 (on Memoirs of General A.I. Kosicha)

S.A. Kochukov

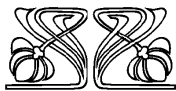
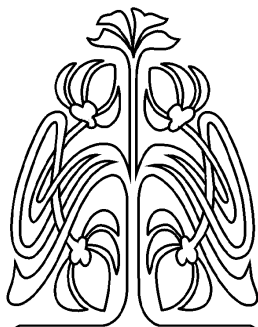
In article memoirs of general A.I. Kosicha of the chief of a staff of 12th army case entering into Rushchuksky group are considered. Sights of the memoirist at the reasons and a course of Russian-Turkish war understand 1877–1878 shortcomings of Russian army and as the description of mobilisation expansion, the economic maintenance of group is given are exposed. As parallels in history between Russia and Balkan States are spent.

Key words: Rushchuksky group, Russian-Turkish war, general A.I. Kosich.

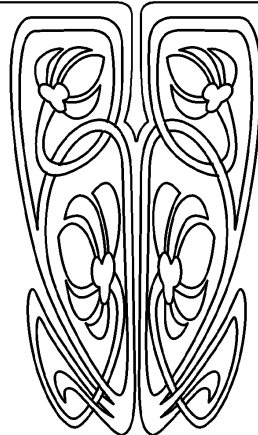
Мемуарные и дневниковые материалы о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стали появляться уже в ходе Восточного конфликта. Их авторами была публика самая разнообразная от простых солдат до государственных деятелей. Практически каждый военачальник стремился если не оставить серьезные воспоминания о войне, то хотя бы запечатлеть какой-либо фрагмент боевых действий.

К числу последних относятся воспоминания генерал-майора А.И. Косича¹. Андрей Иванович Косич прошел типичный путь боевого офицера, получив звание прапорщика после окончания Павловского кадетского корпуса, принял участие в Крымской войне 1853–1856 гг., затем прошел полный курс Николаевской академии Генерального штаба, отличился в подавлении польского восстания. По всей видимости, последнее событие серьезнейшим образом повлияло на дальнейшую карьеру офицера. Получив за действия в Польше орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом², Андрей Иванович в 1865 г. произведен в полковники и назначен начальником штаба 1-й гвардейской Кавказской дивизии. Непосредственно перед войной 1877–1878 гг. Косич уже носил звание генерал-майора, являясь помощником начальника штаба Одесского военного округа.

Манифест, объявлявший войну Турции, был обнародован 12 апреля 1877 г., а частичная мобилизация русской армии началась еще 1 ноября 1876 г. и затронула 20 пехотных, 8 кавалерийских дивизий, 3 стрелковых, 2 саперных бригады и казачьи части, в результате чего VIII, IX, XI и XII корпуса образовали Действующую армию. Из этой массы

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

войск, сосредоточенной на Дунайском плацдарме, было сформировано три отряда: Передовой (командующий – генерал-лейтенант И.В. Гурко³), Русшукский (командующий – цесаревич Александр Александрович⁴) и Западный (командующий – генерал-лейтенант Н.П. Криденер⁵).

Андрей Иванович Косич попал в Русшукский отряд⁶ случайно. Перед началом войны командиром XII армейского корпуса являлся генерал П.С. Ванновский⁷, но по настоянию великого князя главнокомандующего Николая Николаевича⁸ старшего, военного министра Д.А. Милютин⁹, начальника штаба Действующей армии генерал-адъютанта А.А. Непокойницкого¹⁰ Петр Семенович Ванновский был назначен начальником штаба Русшукского отряда¹¹. Так как место командира XII корпуса стало вакантным, то в скором времени его занял великий князь Владимир Александрович¹², который пригласил на должность начальника штаба корпуса Андрея Ивановича Косича, поскольку знал его не только как заслуженного и исполнительного офицера, но и неоднократно сталкивался с ним по службе.

Наступление Русшукского отряда было второстепенным, но не менее важным. Сама Русшукская крепость являлась, по сути, своеобразным опорным пунктом на правом берегу Дуная¹³, обойти который было просто не возможно. Кроме того, Русшук имел важное стратегическое значение, так как являлся местом дислокации турецкой флотилии. Поэтому штаб Действующей армии поставил перед руководством отряда задачу: XII и XIII корпусами соединиться на реке Янтре, а затем «наступить к Русшуку, обложить его и стараться овладеть им»¹⁴. Наконец, отряду, который должен был придерживаться активных действий, необходимо было сковать группировку противника¹⁵ в четырехугольнике крепостей, прикрыть действия Передового отряда от попыток наступления турок с востока и юго-востока, а также воспрепятствовать возможному выходу османской армии в тыл дунайской армии.

Для противодействия отряду цесаревича турки сосредоточили значительные силы. Главная масса полевых турецких войск стояла фронтом на запад, на линии Разград – Эски-Джума, протяженностью 28 верст: 28 батальонов, 49 эскадронов, 84 орудия, всего 40 тыс. чел.; из них 34 тыс. чел. при 72 орудиях составляли Разградскую группу, а 6 тыс. чел. при 12 орудиях – Эски-Джумскую группу. На правом фланге находилась крепость Русшук с 23 батальонами, 6 эскадронами и 30 орудиями; на левом – Осман-Базара – отряд Мехмет-Салима-паши в составе 12 батальонов, 4 эскадронов и 12 орудий¹⁶.

Замысел мемуаров Косича раскрывается уже в начале книги, где он пишет: «Периодические вспышки славян против турецкого владычества никогда не вызывали прежде в России такого движения и такого сочувствия, как в 1875–1877 гг. Вследствие такой моральной и материальной

поддержки восстание принимало все большие размеры; пожарным пламенем оно перекинулось и охватило Боснию и затем увлекло в войну с Турцией сначала воинственную Черногорию и наконец совсем миролюбивую Сербию»¹⁷.

Воспоминания генерала Косича примечательны в силу двух обстоятельств. Во-первых, профессиональная деятельность предполагала способность дать оценку деятельности Русшукского отряда, да и русской армии вообще. Во-вторых, «наблюдая» Русско-турецкую войну, Андрей Иванович делал акцент не только на описание боевых действий, как например кн. Л.В. Шаховской¹⁸, воспоминания которого написаны с «урпатриотических» позиций. Косич дал подробное описание ситуации в Румынии и Болгарии в ходе кампании 1877–1878 гг., отношения местного населения к русскому солдату и т.д.

Генерал Косич проявил достаточно большую осведомленность в деле подготовки к войне с Турцией. Он принадлежал к той немногочисленной категории армейских служаков, которые считали, что скорые боевые действия против Османской Порты ничего хорошего не принесут. Действительно, общество России было фактически едино в вопросе поддержки борьбы южных славян за независимость. Наибольшее значение здесь играло стремление укрепить традиционное влияние России на Балканском полуострове. Видный общественный деятель России Д.Ф. Тютчев писал по этому поводу: «... Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое у нас единое мнение, относится к делу живо, чутко и горячо, и общественное мнение сильно возбуждено. Мало того, с самого начала герцеговинского восстания до сих пор единственно русскому обществу обязано славянское дело нравственною и материальною поддержкою, единственно ему, а не русской дипломатии, обязана Россия сохранением своей чести и своего обаяния среди славян»¹⁹. Незадолго до начала Русско-турецкой войны в Кишиневе было создано военное общество, на собраниях которого разбирались различные армейские вопросы, в том числе подготовленность России к предстоящей войне. Председателем общества был генерал М.И. Драгомиров²⁰. Именно Михаил Иванович поручил Косичу приготовить лекцию о возможной войне с Турцией, опираясь на материалы кампании 1806–1812 гг. Изучив все имеющиеся в его распоряжении материалы, Андрей Иванович Косич пришел к неутешительным выводам. Главное, им были отвергнуты шапкозакидательские настроения²¹. Он отмечал по этому поводу: «... Существовало такое убеждение о слабости Турции, что достаточно было перевезти через Дунай незначительную армию, и Турецкая империя перестанет существовать... с этим согласиться было нельзя... с переходом через Дунай необходимо было иметь близко к театру войны в резерв, для всяких военных и политических случайностей, армию в 200 тысяч человек»²². События кампании

1877–1878 гг. показали правоту генерала Косича. Если Россия начала боевые действия, имея армию в 150 тыс. чел., то постепенно численность войск увеличилась до полумиллионного состава²³.

Кроме того, Россия, несмотря на все мероприятия по подготовке к войне с Портой, начала мобилизацию из рук вон плохо. Во-первых, она затянулась по времени. Во-вторых, организационная составляющая оставляла желать лучшего. Налицо было замалчивание негативных фактов в деле развертывания войск. Например, министр внутренних дел А.Е. Тимашев докладывал царю: «По общему отзыву губернаторов, запасные люди собирались везде быстро и охотно; немедленно по получении сведений о призыве нижние чины спешили явиться в свои призывные пункты, пренебрегая всеми опасностями распутицы: были случаи, когда некоторые из них проходили до призывного пункта около 100 верст пешком. Уклонившихся от явки по призыву не было»²⁴. Но непосредственные участники тех событий рисуют картину мобилизации несколько иначе. Один из офицеров Рушукского отряда вспоминал: «Переход был ужасный. Шли весь вчерашний день и всю ночь; в одном месте, куда нам назначено было придти еще вчера вечером, а провозились часа 3»²⁵. Что же касается генерала Косича, то он также считал, что мобилизационные приготовления проводятся неудачно. «Мобилизация совершилась в самое неблагоприятное время года, среди грязи, распутицы и притом с лихорадочной поспешностью. Многие меры практиковались в первый раз; но во всей этой спешности проглядывало что-то нерешительное, демонстративное, все имело вид одной только угрозы, но не серьезной решимости вести войну во что бы то ни стало; очевидно, войны не хотели, но сила обстоятельств влекла нас к ней; при этой спешности во многом мы были застигнуты как бы врасплох... например: в артиллерию, при значительном запасе артиллеристов, много поступило пехотных солдат, в стрелковые батальоны не попадали стрелки, ловкие кавалеристы назначались из запаса в пехоту и в другие части, но не в кавалерию»²⁶. В определенной степени генерал Косич был прав, особенно, что касается желания вести войну с Турцией. Достаточно сказать, что войны опасались и военный министр Д.А. Милютин и глава МИДа А.М. Горчаков²⁷. Глава военного ведомства, например, считал, что может повториться ситуация, идентичная Крымской войне, когда «опять вся Европа опрокинется на нас»²⁸. Князь же Горчаков высказался в более резкой форме: «Вы (имеются в виду сербы. – С.К.) против наших советов начали войну, сами и выпутывайтесь: Россия дала слово своим соседям соблюдать нейтралитет и сдержит его, не окажет вам ни прямой, ни косвенной помощи, не даст вам ни гроша»²⁹.

Андрей Иванович Косич довольно реалистично характеризует состояние армейских частей, составивших Рушукский отряд. В ряде случаев

направленность его критических замечаний перекликается с оценками известных мемуаристов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. П.Д. Паренцова³⁰ и М.А. Газенкампа³¹, несмотря на то, что они находились на различных ступенях военной иерархии. Большинство офицеров Рушукского отряда рассматривали на своеобразный блицкриг, тем более что направление считалась второстепенным. Однако война принимала затяжной характер и генерал Косич вынужден был констатировать: «...до такой степени победа казалась близка и да такой степени легка, что штабные не имели другой формы, кроме каски, шитого мундира и длинных сапог; впоследствии в продолжении затянувшегося похода, элегантные мундиры с удовольствием заменялись не только сюртуками, но даже простыми полушубками»³².

Примечательным местом в воспоминаниях генерала Косича является ситуация с иностранными корреспондентами³³. В силу служебных обстоятельств Андрей Иванович должен был просматривать все материалы, которые поступали от корреспондентов, находящихся в Рушукском отряде. Несмотря на ряд неудач, которые преследовали части цесаревича³⁴, корреспонденции были достаточно правдивы, особенно, что касалось характеристики русского солдата³⁵. Тем не менее, были и небольшие казусы. Так, один из иностранных корреспондентов, «восхваляя казаков, говорит, об их вежливости, что целуют у дам ручки и т.п. вздор»³⁶.

В мемуарах Андрея Ивановича Косича очень много подробных описаний отдельных батальных эпизодов: переправа через Дунай, сражение на реке Янтре, рекогносцировка при Трестенике. Но все это введено в текст воспоминаний с одной лишь целью – внушить читателю, что победа близка. Исключение составляет описание ситуации с интендантской частью Рушукского отряда. То, что хозяйственники вели дела в русской армии спустя рукава не должно вызывать ни у кого удивления, но ситуация в Рушукском отряде была катастрофическая. Дело в том, что контракт с товариществом Горвиц, Греггер и Коган не был должным образом оформлен, и в результате части под командованием цесаревича отправились в поход не экипированные должным образом. Как отмечает в своих воспоминаниях Андрей Иванович Косич, «...война застала интендантство, так сказать, врасплох; интендантских рекогносцировок, как равно и военных, перед вступлением наших войск в Румынию, по политическим и другим причинам, сделано было недостаточно. Вследствие, вероятно, этих сложных, но исключительных обстоятельств продовольствие армии с объявлением войны вверено было никому тогда неизвестному товариществу, причем войска почти не были предупреждены о новом способе довольствия»³⁷. Безусловно, под «исключительными обстоятельствами» Косичем подразумевается банальное казнокрадство. Даже когда с интендантами были

подписаны соответствующие договора, обеспечение отряда проходило неудовлетворительно: «...возникли затруднения в получении самых необходимых предметов довольствия, например: мяса, фуража; пуд сена доходил до рубля, в то время когда в 20-ти верстах по железной дороге на станции Пырлице начала уже гнить полумиллионная интендантская заготовка сена... склады товарищества для довольствия войск трудно было отыскать даже днем, а как войска, запаздывая, приходили большей частью ночью, склады были разбросаны по разным концам большого малоизвестного города, все почти продукты лежали без закрытия, под дождем и подвергались порче»³⁸. Однако напрямую обвинить верховное руководство русской армии в неумении выбрать поставщиков мемуарист не рискнул.

Воспоминания генерала Косича интересны в основном не анализом боевых действий. С точки зрения военного искусства существенного материала в них нет и записки Косича, безусловно, проигрывают мемуарам А.К. Пузыревского³⁹ и А.Н. Куропаткина⁴⁰. Важно другое. В воспоминаниях генерала дается подробное описание территории Румынии и Болгарии, их общественного устройства, отношение балканских народов к русской армии. Генерал, например, был убежден, что «несчастные» болгары и румыны живут гораздо лучше, нежели их освободители. Он отмечал: «Жилища болгар не особенно изысканы, но чисты и опрятны, во всяком случае, они живут лучше большинства русских крестьян»⁴¹. Андрей Иванович полагал, что вообще все русское обществом подвержена своего рода «балканским освободительным иллюзиям». Если в России на части, идущие за Дунай, смотрели как на освободителей славян и борцов за истинную веру и эта точка зрения им всячески внушалась, то прибыв на место боевых действий, все оказалось не так доброжелательно. Примером этого может послужить отрывок из письма одного из волонтеров – участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в составе частей Руцукского отряда: «Нельзя сказать, чтобы город был гостеприимен относительно нас. Все смотрели даже как-то не дружелюбно... Вскоре причина выяснилась. Это мародерство и убийство русскими жандарма... Мы все здесь перед смертью грешим. Я говорю перед смертью, потому что здесь нас бьют как турки, так и сербы – мало шансов остаться в живых»⁴².

Румыния также находилась в более выигрышном положении, нежели Россия, особенно в сфере общественного устройства. Первое, что бросалась в глаза мемуаристу, это наличие конституции, «свобода печати безгранична, народная масса не доросла до таких свободных учреждений, но врожденная кротость и мягкость народа делают то, что эта свобода не переходит в произвол»⁴³. Введение в России «либеральной конституции», по мнению А.И. Косича, совершенно не подходит. Также генерал пытался сравнивать российские

города с румынскими и болгарскими и вынужден был констатировать, что первые более благоустроены и чисты по сравнению с русскими⁴⁴.

Главная ценность воспоминаний генерала А.И. Косича определяется тем, что он последовательно вскрывает недостатки Руцукского отряда, как составной части Действующей русской армии, во время подготовки и в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: это и мобилизационная неподготовленность, плохая интендантская служба, штабная бюрократия. Но критике подверглись лишь непосредственные мелкие исполнители: хозяйственные служащие, либо офицеры в невысоких армейских чинах. Одновременно с этим мемуары Косича представляет интерес, в первую очередь это те места, где автор отвлекается от бесконечных перечислений частей Руцукского отряда, количества выпущенных по врагу снарядов и акцентирует свое внимание на описании и характеристике Балканских стран, сравнивая их с Россией, а «несчастных братьев-славян» с русскими освободителями.

Примечания

- 1 См.: *Косич А.И.* Руцукский отряд. Участие 12-го корпуса, входящего в состав Руцукского отряда в компании 1877-78 гг. Из записок бывшего начальника штаба 12-го корпуса свиты его величества. Киев, 1884.
- 2 См.: Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого: В 18 т. СПб., 1911. Т. XIII. С. 212-213.
- 3 Гурко-Ромейко Иосиф Владимирович (1828–1901), в 1862–1866 гг. флигель-адъютант императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1878), в 1879–1880 гг. помощник главнокомандующего гвардией и Санкт-Петербургском военным округом, временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, в 1882–1883 гг. генерал-губернатор Одессы, в 1883–1894 гг. – Привисленского края, командующий Варшавским военным округом, с 1886 г. член Государственного Совета, с 1894 г. генерал-фельдмаршал, в отставке.
- 4 Александр III Александрович (1845–1894), второй сын императора Александра II. Император (1 марта 1881 г. – 20 октября 1894 г.). Женат (1866) на датской принцессе Марии-Софии-Фредерики-Дагмар, в России Мария Федоровна (1847–1928).
- 5 Криденер Николай Павлович (1811–1891), генерал-майор (1859), в 1863 г. – начальник 27-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант (1865), с 1876 г. командир 9-го армейского корпуса, с 1878 г. генерал от инфантерии, помощник командующего Варшавским военным округом.
- 6 В состав Руцукского отряда входили: 12-й армейский корпус (12-я пехотная дивизия в составе 45-го Азовского, 46-го Днепровского, 47-го Украинского, 48-го Одесского полков, 12-й и 35-й артиллерийских бригад; 12-й кавалерийской дивизии в составе полков Стародубского драгунского, Белгородского уланского, Ахтынского гусарского, Донского казачьего №12, Донского казачьего №37, 19-й конно-артиллерийской батареи и Донской казачьей батареи №5);

- 13-й армейский корпус (13-я пехотная дивизия в составе 1-го пехотного Невского, 2-го пехотного Софийского, 3-го пехотного Нарвского, 4-го пехотного Корпского полков; 35-я пехотная дивизия в составе 137-го пехотного Нежинского, 138-го пехотного Болховского, 139-го пехотного Зарайского полков; 8-я кавалерийская дивизия в составе Астраханского драгунского, Вознесенского уланского, Лубенского гусарского, Донского казачьего №8 полков);
15-я конно-артиллерийская батарея, Донская казачья №9 батарея.
- Кроме того, к Рушукскому отряду были временно прикомандированы: 7-й саперный батальон, две роты 2-го саперного батальона, дивизион лейб-гвардии Атаманского полка, скорострельная батарея.
- Всего 49 батальонов, 2 роты, 22 кавалерийских эскадрона, 19 казачьих сотен и 224 орудия (Журнал военных действий Рушукского впоследствии Восточного отряда в войну 1877–1878 годов СПб., 1883. С. 5–9.)
- 7 Ванновский Петр Семенович (1822–1904), генерал-лейтенант (1877), генерал от инфантерии (1883), военный министр (1881–1898), в 1901–1902 гг. министр народного просвещения.
 - 8 Николай Николаевич (старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-инспектор по инженерной части (1852), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862–1864), командующий, а потом главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880), генерал-инспектор кавалерии (1864), главнокомандующий армией во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-фельдмаршал. Женат (1856) на принцессе Александре Петровне Ольденбургской (1838–1900).
 - 9 Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), генерал-фельдмаршал (1898), граф (1878). В 1839–1845 гг. служил на Кавказской линии, в 1843 г. генерал-квартирмейстер Кавказского корпуса, в 1845–1856 гг. – профессор Военной академии, в 1856–1859 гг. начальник штаба Кавказской армии, генерал-лейтенант, в 1861–1881 гг. генерал от инфантерии, военный министр, член Государственного Совета. С 1881 г. в отставке.
 - 10 Непокойницкий Артур Адамович (?–1881), с 1841 г. на Кавказе, генерал-майор (1849), генерал-лейтенант (1854), до 1857 г. – начальник штаба 2-й армии, генерал от инфантерии (1868), генерал-адъютант (1874), в 1877–1878 гг. начальник штаба Действующей армии.
 - 11 См.: Андреевский Е.К. Из воспоминаний о генерал-адъютанте П.С. Ванновском // Исторический вестник. 1909. Т. 116, №6. С. 864.
 - 12 Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), член Государственного Совета, президент Академии художеств. Женат (1874) на дочери великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II принцессе Марии, принявшей в России имя великой княгини Марии Павловны (старшей).
 - 13 См.: Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 42.
 - 14 Журнал военных действий... С. 2.
 - 15 В районе четырехугольника крепостей – Рушук, Шумла, Варна, Силистрия - противник имел до 70 тыс. чел. Из их числа примерно половина могла действовать вне крепостей. Отсюда турки имели возможность нанести сильный удар во фланг Дунайской армии, а также переправившись через Дунай, выйти в ее тылы в Румынии. (Золотарев В.А. Указ. соч. С. 43.)
 - 16 См.: Дружинин К.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История русской армии. М., 2004. С. 481–484.
 - 17 Косич А.И. Указ. соч. С. 1.
 - 18 См.: Шаховской Л.В. Два похода за Балканы. С театра войны. 1877–1878. М., 1878.; Он же. С театра войны 1877–1878 гг. Два похода за Балканы. М., 1897.
 - 19 Цит. по.: Золотарев В.А. Указ. соч. С. 12.
 - 20 Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), профессор Николаевской академии в 1863–1869 гг., с 1869 г. начальник штаба Киевского военного округа, с 1873 г. начальник 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. начальник академии, с 1889 г. командующий Киевским военным округом, генерал-губернатор киевский, подольский и волынский, с 1891 г. генерал от инфантерии.
 - 21 Военное министерство и министерство иностранных дел фактически «засыпали» различными прожектами будущей войны. Один из таких патриотов за подписью «Русский» отмечал: «Генерал, (имеется ввиду Н.П. Игнатъев. – С.К.) не бойтесь начать войну с Турцией! С вами будет бог и сочувствие всех образованных народов! Не останавливайтесь на полдороге! Сделайте Черное море русским, переведите турок в Азию; воздвигните на их месте конституционную монархию, умоляйте нашего государя дать также и России конституцию – и тогда беспримерное, великое и славное царствование Александра II будет вечно сиять на страницах истории Отечества». (ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–2.)
 - 22 Косич А.И. Указ. соч. С. 2.
 - 23 См.: Обзор действий Рушукского отряда за сентябрь и октябрь 1877 г. // Военный сборник. Т. 136, №11. С. 13.
 - 24 Цит. по.: Русско-турецкая война 1877–1878. М., 1977. С. 63.
 - 25 Богаевский Л.Г. Дневник конно-артиллериста Рушукского отряда СПб., 1903. С. 3.
 - 26 Косич А.И. Указ. соч. С. 4–5.
 - 27 Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, советник посольства в Вене (1833–1838), посланник в Штутгарте (1841–1850); министр иностранных дел (1856–1882), государственный канцлер.
 - 28 Милютин Д.А. Дневник: В 4 т. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58.
 - 29 Цит. по.: Золотарев В.А. Указ. соч. С. 14.
 - 30 См.: Паренсов П.Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. СПб., 1901–1908. Ч. 1–5.
 - 31 См.: Газенкамф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
 - 32 Косич А.И. Указ. соч. С. 8.
 - 33 См.: Кочуков С.А. Г.К. Градовский – военный корреспондент русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Про-

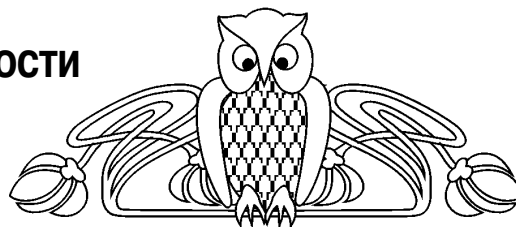

- блемы истории российской цивилизации: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 88–95.
- ³⁴ См.: Журнал военных действий... С. 24–28.
- ³⁵ А.И. Косич отмечал: «В иностранных корреспонденциях появились описания и характеристика наших войск; большую часть отзывы были весьма благоприятны “Русский солдат, принимая хлеб” пишет один из французов, “осеняет себя крестным знаменем”». (Косич А.И. Указ. соч. С. 24.)
- ³⁶ Там же. С. 24.
- ³⁷ Там же. С. 16.
- ³⁸ Там же. С. 18.
- ³⁹ См.: Пузыревский А.К. Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1879; *Он же*. Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., 1887.
- ⁴⁰ См.: Куропаткин А.Н. С полей сражений // Военный

- сборник. 1877. Т. 118, №12. С. 339–352.; *Он же*. «Под Плевной. (Практика траншейной войны)» // Сборник военных рассказов. СПб., 1879. Т. 2. С. 364–391; *Он же*. Записки о русско-турецкой войне. Берлин, 1909.
- ⁴¹ Косич А.И. Указ. соч. С. 46.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 2. Д. 60. Л. 2об.
- ⁴³ Косич А.И. Указ. соч. С. 29–30.
- ⁴⁴ «Города их уже носят зачатки благоустройства; даже незначительные местечки замощены и шоссированы. Пользуясь свободными часами во время похода, я в некоторых небольших городах заходил в школы, больницы и тюрьмы, везде лежит отпечаток порядка, опрятности и чистоты, повсюду разведена и поддерживается растительность, тщательно содержатся цветники; в больницах видна заботливая и мягкая рука женщины, опрятные помещения, чистое белье, чистый воздух, хорошая вентиляция». (Косич А.И. Указ. соч. С. 30.)

УДК 339.92+339.982

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ (в контексте их влияния на принимающие страны)

А.А. Кузнецова

Саратовский государственный университет
E-mail: funtikanna@mail.ru

Статья посвящена исследованию противоречивого характера деятельности транснациональных корпораций (ТНК) как одного из наиболее влиятельных субъектов международной экономики. В рамках рассмотрения крайне противоречивых суждений отечественных и зарубежных исследователей относительно выявления положительных и отрицательных моментов в деятельности транснациональных корпораций автор дает объективную и комплексную оценку степени влияния ТНК на принимающие страны. **Ключевые слова:** транснациональные корпорации (ТНК), экономические противоречия, трансфертные цены, интернальные рынки, репатриация прибыли, «направленная институционализация», институциональные противоречия.

The Conflicting Nature of TNCs (in the Context of their Impact on Host Country)

А.А. Kuznetsova

The article focuses on researching contradictory character of transnational corporation's activity (TNC), as one of the more powerful subjects of international economy. In terms of inspecting extremely opposite sentences of native and beyond the frontier researchers concerning to exposing positive and negative moments transnational corporation's activity, author gives objective and complicated estimation to the grade of TNC's influence on receiving countries.

Key words: transnational corporations (TNC), economic contradictions, transfer prices, internal markets, repatriation of profit, directed institutionalization, institutional contradictions.

Развитие мировой экономической системы и формирующего ее сущность комплекса внутривнутри-структурных отношений на современном этапе подвержены влиянию объективно обусловленного эволюцией международных отношений процесса глобализации. Движущей силой и одновременно следствием развития процесса глобализации мировой экономической системы выступают высокоинтегрированные бизнес-структуры, транснациональные корпорации (ТНК).

Термин «корпорация» происходит от латинского выражения *corpus habere*, обозначающего права юридического лица. Такие права признавались за частными союзами в Римской империи уже в имперский период (начиная с 60-х гг. II в. н.э.), однако окончательного признания гражданско-правовых союзов как субъектов права в Риме так и не произошло. В течение достаточно долгого времени термин «корпорация» служил синонимом юридического лица, и лишь вследствие разработки немецкими цивилистами понятия «учреждение» термин «корпорация» приобрел современное значение – организация, основанная на членстве или участии.

В современной экономической литературе традиционно корпорация определяется как объединение производственных, проектных, торгово-сбытовых, финансовых предприятий и организаций для совместной хозяйственной деятельности, уменьшения возможного риска при осуществлении капиталоемких направлений промышленной и коммерческой деятельности за счет

концентрации капитала, централизации функций обеспечения ресурсами, сбыта продукции, овладения новыми рынками, реализации более экономически целесообразной стратегии развития входящих в корпорацию хозяйственных единиц.

На рубеже XIX–XX вв. в условиях усиления региональной и международной интеграции корпорации, представляющие собой высокоинтегрированные бизнес-структуры, стали перерастать национальные границы стран первоначального базирования, значительно расширяя географию своего присутствия. Усилившаяся интернационализация хозяйственной деятельности корпоративных структур стала фактором их структурной трансформации, условием становления транснациональных корпораций.

По нашему мнению, под ТНК стоит понимать национальные по основному капиталу и международные по сфере деятельности фирмы, развивающиеся на основе сетевого принципа организации бизнеса, что позволяет им проводить согласованную политику и общую стратегию, распределяя между собой ресурсы, технологию, ответственность для достижения наивысшего результата.

Традиционно выделяют ряд ключевых факторов и побудительных мотивов, трансформирующих крупную компанию в транснациональную: 1) *влияние эффекта масштаба*. Выходя все больше на глобальные рынки, компании наращивают производство, «набирают вес», становятся крупнее, а вместе с тем эффективнее. Однако в авиационной промышленности крупнейший производитель – американский «Boeing» так и не превратился в ТНК (все производство сосредоточено в США), хотя и связан с поставщиками и субподрядчиками в десятках стран. То же самое справедливо в отношении другого производителя в этой же отрасли – европейской компании «Airbus industries», состоящей из четырех отдельных фирм в четырех европейских странах, где только и находится их производство. Особого внимания заслуживает другая форма эффекта масштаба, которую

представляет, например, компания «Coca-cola». Здесь решающую роль играют масштабы не производства, а сбыта, маркетинга на основе сети независимых фирм, действующих по лицензии главной компании;

2) *вертикальная интеграция*. Она связана с приобретением фирм-поставщиков или фирм-потребителей. Так обеспечиваются гарантии устойчивости для источников снабжения или каналов сбыта. И если поглощаемые фирмы находятся за границей, головная компания превращается в транснациональную;

3) *конкурентная борьба в масштабах мирового рынка*. Крупные компании, выросшие в конкурентной среде, характерной для развитых стран, наилучшим образом приспособлены к этой борьбе.

По данным ежегодного доклада ЮНКТАД о мировых инвестициях, в 2007 г. в мире действовало 79 тыс. ТНК, располагающих 790 тыс. зарубежных филиалов¹. Однако среди них действительно ведущую, если не доминирующую роль в мировой экономике и процессе глобализации играют не более чем 2–3 тыс. первоклассных корпораций, главным образом около 500 ТНК высшего эшелона и 100–150 лидеров среди транснациональных банков (ТНБ) и других финансовых корпораций². ТНБ выделяют как особую разновидность ТНК, занимающихся кредитованием бизнеса и организацией денежных расчетов в международном масштабе.

Необходимо отметить, что основными игроками на глобальном экономическом рынке в период 2001–2009 г. остаются все те же фавориты – ТНК, вошедшие еще в 2001 г. в 10-ку лидеров, по данным авторитетных мировых агентств «Financial Times», «Business-Week» и «Industry Week», попеременно меняясь друг с другом первыми местами. Обратимся к статистике журнала Fortune, ежегодно составляющего рейтинг наиболее крупных корпораций мира, беря за основу такой критериальный признак, как величина ежегодного оборота компании. Рассмотрим табл. 1³.

Таблица 1

Рейтинг крупнейших ТНК мира в 2009 г.

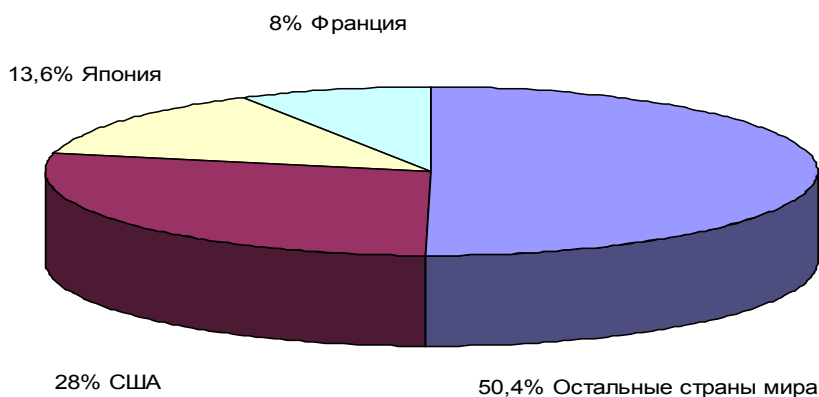
Компания	Страна	Объем продаж, млрд долл.	Чистая прибыль, млрд долл.
Royal Dutch Shell	Нидерланды/ Великобритания	458,361	26,277
Exxon Mobil	США	442,851	45,220
Wal-Mart Stores	США	405,607	13,400
BP	Великобритания	367,053	21,157
Chevron	США	263,159	23,931
Total	Франция	234,674	15,500
ConocoPhillips	США	230,764	–16,998
ING Group	Нидерланды	226,577	–1,067
Sinopec	Китай	207,814	1,961
Toyota Motor	Япония	204,352	–4,349

Из представленных в табл. 1 данных очевидно, что большинство корпораций имеют американское происхождение, второе место делят между собой корпорации Великобритании и Нидерландов. Франция, Китай и Япония вполне могут гордиться своими представителями, такими известными

корпорациями, как Total, Sinopec, Toyota Motor.

Интересно также не ограничиваться рассмотрением десятки лидирующих ТНК мира, а исследовать национальную принадлежность 500 крупнейших корпораций, представленных на рисунке⁴.

Распределение 500 крупнейших ТНК по странам мира (в соответствии с рейтингом журнала Fortune за 2009 г.)

Представленная диаграмма (см. рисунок) позволяет наглядно рассмотреть национальную принадлежность 500 крупнейших ТНК мира и определить, что 28% корпораций имеют американское происхождение, 13,6% – японское, 8% – французское, 50,4% – принадлежит остальным странам мира.

Об общих масштабах и динамике всего процесса, связанного с развитием ТНК и интернационализацией производства, можно судить по следующим данным. Сегодня транснациональные корпорации контролируют до половины промышленного производства в мире, две трети международной торговли, примерно 4/5 патентов и лицензий на новую технику, технологии и ноу-хау. Почти вся торговля сырьем на мировых рынках осуществляется под контролем ТНК, в том числе 90% мировой торговли пшеницей, кофе, кукурузой, лесоматериалами, табаком, железной рудой, 85% – медью, бокситами, 80% – оловом, чаем, 75% – натуральным каучуком, сырой нефтью. В ТНК занято более 70 млн сотрудников, т.е. каждый десятый занятый в мире, исключая сельское хозяйство (в компании «DaimlerChrysler AG» работает порядка 467 тыс. человек, «General Motors» – 398 тыс. человек, «Ford Motor» – 364,5 тыс., «Siemens» – 443 тыс. и т.д.)⁵.

На 500 ведущих ТНК мира приходится свыше 1/3 экспорта обрабатывающей промышленности, 3/4 мировой торговли сырьевыми товарами, 4/5 торговли новыми технологиями. В целом 500 ТНК контролируют 70% мировой торговли, а 400 компаний – половину всех прямых иностранных капиталовложений⁶. Общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций составляет 3,2 трлн долл., а объем продаж загра-

ничных филиалов ТНК – 6,4 трлн долл., это больше, чем весь мировой экспорт (6,1 трлн долл.)⁷. Продажи этих зарубежных филиалов растут на 20–30% быстрее, чем прямой экспорт ТНК. Что касается иностранных прямых инвестиций ТНК, то в последние годы они росли в 3 раза быстрее, чем внутренние инвестиции, хотя на их долю приходится всего 6% ежегодных инвестиций в промышленно развитых странах.

Из приведенных выше статистических и фактологических данных можно заключить, что ввиду стремительного усиления экономической мощи ведущих ТНК мира, действительно, складывается ситуация «смещенных центров», когда концентрация капиталов и политической власти происходит в руках крупнейших транснациональных корпораций, фактически определяющих развитие важнейших отраслей мирового хозяйства. Соглашаясь с М.П. Бортовой, стоит отметить, что именно с позиции своего экономико-политического превосходства глобальные корпорации осуществляют политику «двойного стандарта», с одной стороны, пропагандируя либерализацию и демократизацию мирового экономического пространства, а с другой – устанавливая фактически плановое хозяйство внутри самих ТНК, оказывая тем самым двойственное влияние на национальную экономику стран, включенных в процесс глобализации⁸.

В сущности, развитие и усиление роли транснациональных компаний является объективным и неизбежным процессом, несущим для принимающих деятельность ТНК стран неоднозначные последствия. Исследование данного вопроса в значительной степени осложнено крайне противоречивыми суждениями отечественных и зарубежных исследователей относительно

степени влияния ТНК на принимающие страны. В большинстве своем отечественные авторы, исследующие проблемы глобализации, настаивают на неблагоприятных последствиях деятельности ТНК. Ущерб они видят в бегстве капитала, увеличении государственного долга, увеличении рисков, резких скачках валютного курса, вытеснении части национального бизнеса из наиболее привлекательных сфер деятельности, наконец, угрозу ослабления политической власти правительства и внешнего контроля за выбором специализации страны в мировом хозяйстве. Особое осуждение отечественных авторов получила неэтичная деятельность ТНК, связанная с вмешательством в политическую жизнь принимающих государств и ограничения их политической самостоятельности. Нередко исследователи приводят в качестве примера «агрессивную» деятельность американских ТНК в 1950-1960 е гг., когда были свергнуты неугодные для них правительства нескольких «банановых республик» Латинской Америки, проводивших политику национализации с целью

ограничения политико-экономического влияния глобальных корпораций.

Западные исследователи пропагандируют в большей степени положительные моменты в деятельности ТНК. Они отмечают такие позитивные последствия для принимающих стран, как получение дополнительных ресурсов (капитал, технологии, управленческий опыт, квалифицированный труд), рост производства и занятости, стимулирование конкуренции, получение госбюджетом дополнительных налоговых доходов.

Исследовав противоположные точки зрения и многочисленные доводы в пользу обоих суждений, на наш взгляд, кажется правомерным утверждение, что любой аспект деятельности ТНК и его влияние на принимающие страны можно одновременно рассматривать как в положительном, так и в отрицательном плане. В подтверждение сказанного осуществим сравнительную оценку влияния ТНК на принимающие страны, обратившись к рассмотрению табл. 2⁹.

Таблица 2

Сравнительная оценка влияния ТНК на принимающие страны

Положительная	Отрицательная
– Доступ к дополнительным ресурсам (капитал, техника и технологии, управленческий опыт и т.д.)	– Избегание ТНК передачи технологий
– Дополнительный налоговый доход в госбюджет	– Налоговые поступления в госбюджет ниже потенциального уровня
– Денежные и производственные средства для модернизации местных отраслей производства	– Развитие отраслей, перспективных для обогащения ТНК и продления жизненного цикла устаревающей продукции, что нередко сопровождается серьезным загрязнением производства окружающей среды в стране присутствия
– Доступ к использованию достижения НТР	–Использование достижений НТР осложняется преобладанием низкоквалифицированного труда
– Развитие производственной, информационной и др. инфраструктур	–Развитие инфраструктурного оснащения наиболее перспективных для ТНК отраслей
– Решение проблем занятости и повышения уровня жизни местного населения	– Конфликтная ситуация на рынке труда вследствие резкого различия в величине заработной платы работников филиалов ТНК и работников местных компаний
– Стимулирование конкуренции	– Вытеснение национального бизнеса из наиболее привлекательных сфер; монополизация местного рынка ТНК
– Вовлечение в общемировую сеть ТНК и выход на мировой рынок	– Дестабилизация роста национальной экономики
– Вовлечение в процессы международного разделения труда	– Эксплуатация дешевого труда местного населения; сталкиваются с проблемой «утечки мозгов»
– Преодоление экономико-политической замкнутости и «ограниченности»	– Влияние со стороны ТНК на политику местных правительств; возникновение конфликтных ситуаций ввиду неприятия чрезмерной экспансии ТНК
– Вовлечение в процессы «направленной институционализации», результатом которой становится выработка общепризнанных правил и норм	– Формализм, потеря национальной специфики и индивидуальности

Осуществляя широкомасштабную экономическую экспансию и руководствуясь принципом максимизации собственной прибыли, ТНК открывают доступ «периферийным» странам к использованию своего капитала, передовой техники и технологий, управленческого опыта и квалифицированного персонала. В данном слу-

чае стоит отметить, что принимающие страны от притока инвестиций выигрывают по многим аспектам. Широкое привлечение иностранного капитала способствует снижению безработицы в стране, росту доходов государственного бюджета. С организацией производства в стране тех изделий, которые раньше ввозились, отпадает

необходимость в их импорте. Компании, выпускающие конкурентоспособную на мировом рынке продукцию и ориентированные в основном на экспорт, в значительной степени способствуют укреплению внешнеторговых позиций страны. Как правомерно отмечает В.Г. Владимирова, преимущества, которые несут с собой зарубежные фирмы, не исчерпываются количественными показателями. Важной представляется и качественная составляющая. Деятельность ТНК вынуждает администрацию местных компаний вносить коррективы в технологический процесс, сложившуюся практику производственных отношений, выделять больше средств на подготовку и переподготовку работников, больше внимания обращать на качество продукции, ее дизайн, потребительские свойства. Чаше всего за иностранными инвестициями стоит внедрение новых технологий, выпуск новых видов продукции, новый стиль менеджмента, использование всего лучшего из практики зарубежного бизнеса¹⁰.

Тем не менее, стоит отметить, что, являясь генераторами и проводниками новейших технологий, причем не только производственных, но и управленческих, ТНК прилагают максимум усилий для избегания передачи технологий, так как именно владение технологиями является основным фактором их конкурентоспособности. Именно этим (наряду с монопольным завышением цен на целый ряд лицензируемых товаров, в первую очередь на компьютерные программы) во многом объясняется гипертрофированное значение, придаваемое ТНК вопросам защиты интеллектуальной собственности. Одним из ключевых механизмов защиты технологий является патентование. Кроме того, возможности передачи технологий объективно ограничены из-за того, что каждое предприятие несет на себе отпечаток социально-экономических и культурных особенностей общества. Так, большинство «высоких технологий» (high-tech) в принципе не могут быть адаптированы к условиям основной массы неразвитых стран, в частности, к преобладанию неквалифицированного труда.

Неоспоримым является факт получения принимающими странами денежных и производственных средств для модернизации местных отраслей производства и развития ранее не освоенных производств. В то же время нельзя не отметить, что инвестирование денежных и производственных средств осуществляется в развитие отраслей, перспективных для обогащения ТНК и продления жизненного цикла устаревающей продукции, что нередко сопровождается серьезным загрязнением окружающей среды в стране присутствия. Промышленное производство ТНК стремятся вынести за пределы своих национальных границ, поскольку налоги и штрафы на загрязнение окружающей природной среды в высокоразвитых странах Европы и Америки гораздо выше, чем в странах развивающихся. Продление же жизненного цикла

устаревающей продукции также осуществляется за счет размещения ее производства в периферийных странах, за счет чего материнская компания, располагающаяся в стране первоначального базирования, может спокойно сконцентрироваться на разработке инновационного продукта.

Спорным остается вопрос относительно степени влияния ТНК на пополнение государственного бюджета принимающих стран за счет дополнительных доходов. С одной стороны, мы можем констатировать, что пополнение госбюджета, действительно, происходит, но в то же время должны отметить, что принимающие страны получают налоговые поступления в государственный бюджет ниже потенциального уровня. Данная ситуация складывается вследствие уклонения ТНК от налогов с помощью использования ими в действии «полутеневого», «виртуального» механизмов, таких как: внутрикорпоративные рынки, трансфертные цены, репатриация прибыли. Внутренний (интернальный, интерный – от англ. internal market) рынок определяется как система поставок, осуществляемых отдельными филиалами и дочерними компаниями единой макроструктуры по специфическим трансфертным ценам. Он может сформироваться в любой макроструктуре, объединяющей множество филиалов и юридических лиц. Целый ряд операций, формально являющихся рыночными (и осуществляемых в соответствии с договором купли-продажи, поставки и др.), на деле представляет собой перемещение благ и услуг в пределах единой макроструктуры. Внутренние рынки ТНК обладают также еще одной функцией: именно на них осуществляется значительная часть мировой торговли (по некоторым данным, до трети стоимостного объема).

Специфической особенностью внутрифирменной торговли является использование так называемых трансфертных (условно-расчетных) цен. Последние отражают переход продукта в границах собственности одной ТНК, в значительной степени отличаются от мировых цен на данный вид продукции, поскольку устанавливаются в рамках единой ценовой политики, носящей, как правило, глобальный характер¹¹. Так, к примеру, около 70% всех международных платежей, связанных с кредитами и лицензиями, составляют платежи между материнскими компаниями и их заграничными филиалами.

В результате деятельности ТНК принимающие страны получают возможность стимулирования конкуренции на местном рынке, в связи с чем значительно повышается качество производимых товаров и услуг. С другой стороны, в результате неравнозначной конкуренции с ТНК принимающие страны сталкиваются с проблемой вытеснения национального бизнеса из наиболее привлекательных сфер и монополизации местного рынка транснациональными корпорациями.

ТНК в рамках осуществления своей деятельности на территории принимающих стран решают

проблемы занятости и повышения уровня жизни местного населения и обеспечивают от 20 до 30% занятости в этих странах. В то же время, несмотря на данный положительный момент в деятельности ТНК, стоит отметить что нередко в принимающих странах складывается конфликтная ситуация на рынке труда из-за резкого различия в величине заработной платы работников филиалов ТНК и работников местных компаний.

Благодаря ТНК периферийные страны вовлекаются в общемировую корпоративную сеть и получают доступ к выходу на мировой рынок, втягиваются в процессы международного разделения труда. Однако интеграция развивающихся стран в общемировое экономическое пространство не проходит «безболезненно», большинство стран сталкиваются с дестабилизацией прогрессивного роста национальной экономики (так как ТНК оказывают влияние на выбор принимающими странами международной производственной специализации; ТНК угрожают национальной экономической безопасности принимающих стран посредством контроля над их внешней торговлей; свободное перемещение транснационального капитала способно подорвать стабильность национальных валют). Участвуя в процессе международного разделения труда, принимающие страны сталкиваются с проблемой «утечки мозгов», то есть потери вложенных государством средств в развитие «качественного» человеческого потенциала, а также эксплуатации дешевой рабочей силы.

С помощью ТНК периферийные страны преодолевают экономико-политическую и культурную замкнутость и «ограниченность». Осознавая выгоды принимающих стран от деятельности ТНК, международные организации прямо предлагают развивающимся странам привлекать ТНК для осуществления технической модернизации, а правительства этих стран, в свою очередь, активно борются за привлечение ТНК в свою экономику, конкурируя друг с другом. В качестве примера можно назвать опыт американской компании «Дженерал моторс», которая выбирала, где ей построить крупный завод по выпуску автомашин и запчастей – на Филиппинах или в Таиланде. По мнению специалистов, Таиланд имел преимущество, так как автомобильный рынок здесь развит лучше. Однако победили Филиппины, предложив «Дженерал моторс» ряд льгот, включая налоговые и таможенные, стимулирующие строительство завода именно в этой стране. В то же время ТНК, функционирующие на территории промышленно развитых стран, оказывают серьезное влияние на экономику и политику этих государств. Они пытаются воздействовать на процесс производства, реализацию и распределение продукции, что неизбежно ведет к развитию противоречий между экономическими интересами этих стран и интересами ТНК. В моменты обострения политических отношений, внутренних и международных экономических кризисов данные противоречия

приобретают особую остроту. Принимающие страны нередко оказываются в ситуации оказываемого серьезного влияния со стороны ТНК на политику местных правительств; сталкиваются с проблемой возникновения конфликтных ситуаций на почве неприятия чрезмерной социокультурной экспансии ТНК.

Благодаря ТНК принимающие страны активно вовлекаются в процессы направленной институционализации, основной движущей силой которых выступают собственно ТНК. Институционализация представляет собой непрерывный и объективно обусловленный необходимостью процесс образования специфического набора норм и правил, обеспечивающих эффективное взаимодействие и функционирование различных экономических субъектов в рамках единого экономического пространства. Результатом глобальных институциональных преобразований международных экономических отношений является возникновение транснациональных корпораций, которые впоследствии сами становятся генераторами институциональных преобразований глобальной экономики. Впечатляющих успехов в решении такой институциональной проблемы, как определение роли и значения корпорации, поставленной Т. Вебленом, а также ее влияния на изменение институциональной структуры общества, достиг Дж. Гэлбрейт. Т. Веблен, отмечая модифицирующее воздействие корпорации на изменение института собственности, институциональную структуру в целом, подчеркивал: «Без “капитана” можно обойтись, коль скоро денежные сделки сводятся к формальности»¹².

ТНК играют значительную роль в институционализации глобальных экономических отношений, превращая ее в процесс последовательный и направляемый. Они заинтересованы в установлении единых, стандартных правил и норм экономического поведения, которые сами продвигают различными способами, стремясь к трансформации институциональной системы глобализируемых ими стран, тем самым создавая наиболее благоприятные условия для своего функционирования. Так, с одной стороны, принимающие страны имеют дело с кодификацией правил, способствующей расширению их нормативной функции, противодействию дискриминации: способностью адаптации к меняющимся внешним условиям; варьированию санкций в зависимости от конкретного случая. С другой стороны, унификация санкций пренебрегает индивидуальным подходом в каждом отдельном случае, также возникает неоднозначность трактовки правил, ведущих к снижению эффективности санкций и последующей дискриминации правил. Издержками процесса направленной институционализации может являться институциональный конфликт, возникающий вследствие неприятия новых институтов, находящий выражение в институциональной дисфункции институтов и возникновении институциональных разрывов. В качестве одного из примеров институциональной дисфункции можно привести проект

создания ипотеки в России, который разрабатывался на деньги американского фонда, при участии американских консультантов и был ориентирован на организацию в России рынка закладных по типу американского. Было создано Агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК), аналогичное американскому агентству (Fannie Mae). Однако в США кредиты выдавались под 7% годовых, а АИЖК предлагало их под 15% (в валюте)¹³. Более того, принуждение заемщика к возврату кредитов в России было затруднено еще и массой культурных стереотипов, что в своей совокупности привело к дисфункции данного института. Приведенный пример свидетельствует об издержках процесса направленной институционализации, результатом которой становится неприятие и отторжение формализованных институтов.

В целом можно заключить, что ТНК оказывают на принимающие страны двойственное влияние. С одной стороны, предоставляя им доступ к уникальным ресурсам и втягивая в международные экономические отношения, они стимулируют развитие периферийных стран, а с другой – преследуя цели максимизации собственной прибыли, ТНК стараются осуществлять неусыпный контроль над деятельностью развивающихся стран, используя как экономические механизмы давления, так и политические механизмы принуждения. Разрешить сложившуюся двойственность возможно с помощью законодательного ограничения деятельности ТНК, то есть выработки единого международно-правового регулирования деятельности ТНК.

Примечания

- ¹ См.: UNCTAD World Investment Report 2008. Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. N.Y.; Geneva. 2008. P. 9.
- ² См.: Паныков В.С. Глобализация экономики: сущность,

реалии, виды на будущее // Международная экономика. 2009. №6. С. 14.

- ³ Таблица составлена по данным ежегодного рейтинга журнала Fortune [Электронный ресурс]. URL: http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2009/full_list (дата обращения: 20.02.09).
- ⁴ Диаграмма составлена по данным ежегодного рейтинга журнала Fortune. (Там же).
- ⁵ Официальный сайт Конференции ООН по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: [http://www/unctad.org](http://www.unctad.org) (дата обращения: 05.12.09).
- ⁶ См.: Паныков В.С. Указ. соч. С. 16.
- ⁷ См.: UNCTAD World Investment Report 2008. P. 11.
- ⁸ См.: Бортова М.П. Современные проблемы транснационализации производства и капитала // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. №3. С. 8–15.
- ⁹ Таблица составлена автором на основе следующих источников: Дзусова С.С. Крупная корпорация – ключевое звено современной экономики // Аудит и финансовый анализ. 2008. №5; Драчев Е.Л., Либман А.М. Проблемы определения и классификации интегрированных корпоративных структур // Корпоративный менеджмент. 2001. №4; Мовсесян А., Огнивцев С. Транснациональный капитал и национальные государства // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6; Милинчук Е.С. Транснациональные корпорации как основной институт глобального рынка услуг // Глобализация рынка услуг: институциональный аспект. Саратов, 2008.
- ¹⁰ См.: Владимирова И.Г. Исследование уровня транснационализации компаний. // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 6.
- ¹¹ См.: Драчев Е.Л., Либман А.М. Формирование системы внутрикорпоративных рынков транснациональных корпораций и место России в этом процессе // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. №6.
- ¹² Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 217.
- ¹³ См.: Милинчук Е.С. Указ. соч.

УДК 370.5(470.44)

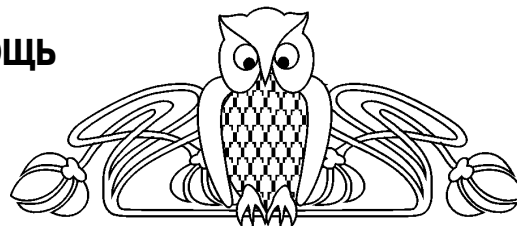
ДЖЕФФРИ САКС И АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СЛУЧАЙ «ДРУГОЙ АНАТОМИИ»

С.Ю. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: sheninsy@sgu.ru

Данная статья посвящена изучению роли известного экономиста из Гарвардского университета профессора Дж. Сакса в проведении программы реформ в России, осуществлявшейся в 90-е гг. XX в. под контролем и по рецептам администрации США. Исследуются также экономические взгляды Дж. Сакса и его представления о характере и причинах провала реформ.

Ключевые слова: Джеффри Сакс, экономическая помощь, Россия, реформы, шокотерапия, МВФ, Гарвардский университет.

Jeffrey Sachs and American Aid to Post-Soviet Russia:
the Case of «Different Anatomy»

S.Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the role played by well-known economist Jeffrey Sachs in the process of realization of the Russian reforms that was carried out under control of the American administration during the nineties (XX c.). Besides, Sachs' economic views and his interpretation of the Russian reforms failure are also analyzed.

Key words: Jeffrey Sachs, economic assistance, Russia, reforms, shockotherapy, IMF, Harvard University.

Данная статья является продолжением предыдущей публикации в настоящем издании, посвященной тем специалистам из Гарвардского университета, которые в 90-е гг. XX в. активно участвовали в осуществлении программы российских реформ.

Джеффри Дэвид Сакс родился в 1954 г. в Детройте, его предки по материнской линии были выходцами из Гродно, а жена иммигрировала в Америку со своими родителями из Чехословакии в 1966 году. Сакс получил степень бакалавра в 1976 г. и степень магистра в 1978 в Гарвардском университете. Еще будучи аспирантом, он был избран членом Гарвардского общества исследователей, которое являлось сверхэлитарной научной группой, поскольку в его состав входили два лауреата Нобелевской премии по экономике: Пол Сэмюэлсон и Джеймс Тобин. Поклонник и ученик Милтона Фридмана, Сакс получил степень доктора в 1980, а затем, в 1983 г., в возрасте 29 лет он стал профессором Гарвардского университета.

В 1985 г. в возрасте 31 года Сакс был нанят правительством Боливии в качестве экономического советника. Эта страна находилась в тяжелейшем экономическом состоянии, здесь свирепствовала гиперинфляция, что привело к беспоспособности правительства отвечать по финансовым обязательствам перед Международным валютным фондом (МВФ). Сакс разработал и реализовал в Боливии план финансового оздоровления (который позже стал известен как «шоковая терапия»), состоявший из резкого понижения инфляции путём либерализации боливийского рынка, прекращения правительственных субсидий, устранения таможенных пошлин и привязки боливийской экономики к доллару США. По общему мнению, результаты были впечатляющими – после реализации плана Сакса инфляция упала с более 20 000% в 1985 г. до 15% в 1989 г.

Следующим объектом реформаторской активности Дж. Сакса стала Польша, которая до сих пор многими на Западе рассматривается как самый удачный образец применения «шоковой терапии». Пришедшее здесь к власти правительство «Солидарности» пригласило его и экономиста из МВФ Дэвида Липтона для осуществления радикальных экономических реформ. Сакс начал с незамедлительного упразднения регуляторных мер, ценового контроля и субсидий промышленности, находящейся в государственной собственности. Тем не менее, чтобы избежать развития «дикого капитализма», приватизация государственного сектора осуществлялась постепенно, растянувшись до тех пор, пока процедура разгосударствления не стала безболезненной для общества. Хотя в результате реформ безработица увеличилась, промышленность стала активно развиваться и инфляция упала до допустимых значений. После

польского эксперимента о Саксе заговорили как о «великом реформаторе», «самом влиятельном экономисте в мире».

Однако наиболее сложной и ответственной задачей для Сакса стало реформирование российской экономики¹. После победы над путчистами в августе 1991 г. президент Б. Ельцин получил возможность начать либеральные экономические реформы. При этом он мог выбирать из богатейшего «меню», в котором присутствовало как минимум 12 вариантов «блюд», начиная от ориентации на анархический «дикий капитализм» и заканчивая технократическим кейнсианством². Однако трагедия Ельцина заключалась в том, что номенклатурно-бюрократическая природа его власти не допускала прямой апелляции или опоры на широкие массы. Поэтому в проведении неизбежных реформ он изначально был запрограммирован на западную помощь, а значит, западные рецепты, и катастрофическая экономическая ситуация лета-осени 1991 г. не оставляла ему другого выбора. Западная же помощь безальтернативно предоставлялась только в идеологических рамках монетаристского «вашингтонского консенсуса» и предписывала обязательную «шокотерапию».

Необходимо учесть и то, что склонность Ельцина к радикализму «шокотерапии» объяснялась его страхом перед коммунистическим реваншем, избежать которого, по его мнению, можно было лишь разрушив социально-экономическую базу коммунизма и сделав фундаментальные реформы необратимыми. Естественно, что только западные «шокотерапевты», уже проверившие свое искусство на практике, обещали нужный быстрый результат.

Уже через две недели после подавления путча в Москве появились гарвардские «маги шоковой терапии» – Джеффри Сакс и Андерс Аслунд, к которым затем присоединился и Дэвид Липтон. Имея за спиной, как уже указывалось, успешные «сеансы» в Польше и Боливии, они сразу попытались «выяснить, кто будет возглавлять русские реформы». Насчитав пять групп, разработавших альтернативные либеральные экономические программы, «варяги» вступили в контакт с тремя из них и окончательно остановили свой выбор на группе Гайдара – Шохина – Чубайса³.

МВФ и Буш не возражали против гарвардской команды советников. Общим фундаментом, на котором этот «треугольник» (фонд, администрация и гарвардская группа) намеривался строить программу реформ для России, являлись рекомендации программы «четырёх банков» во главе с МВФ для СССР, предложенные в декабре 1990 г. Главными из них были монетаризм и радикализм, т.е. необходимость проводить монетаристские реформы очень быстро и комплексно, чтобы не дать шанса оппозиции использовать разочарование и недовольство граждан для остановки реформ, а наоборот, постараться максимально использовать человеческую энергию решимости

и жертвенности (как правило, очень краткосрочные настроения) для осуществления радикальных преобразований. Именно такой подход получил название «шоковая терапия».

Однако все три «мозговых центра» поразному рассматривали роль западной помощи в осуществлении «шоковой терапии» в России. МВФ, как всегда, стремился направить свои займы в «нездоровые зоны» больных экономик (инфляция, бюджет, валюта и т. д.) в соответствии с базовыми постулатами неоклассического подхода так, чтобы стабилизировать, не допустить дальнейшего ухудшения ситуации и обеспечить приток внешних животворных инвестиций, которые должны были окончательно залечить «болячки».

Дж. Сакс и его коллеги были сторонниками более активного подкрепления реформ иностранной помощью. Последняя должна была не только ускорить протекание этого болезненного состояния с точки зрения экономической, но и «обезопасить» ход терапии с точки зрения политической: в отсутствие общественного консенсуса помощь позволяла укрепить достаточно слабые позиции реформаторов⁴.

Что касалось администрации Дж. Буша-старшего, то она была против прямой помощи исключительно по внутривнутриполитическим причинам, в основном электорального свойства. Тем не менее, в администрации присутствовало ясное осознание острой необходимости помощи для стабилизации и управления процессом перехода России к рыночной демократии. Именно для того чтобы выпутаться из этого противоречия, администрация и решила выдвинуть вперед МВФ в качестве «щита» для президента: с одной стороны, помощь реформам будет предоставляться и контролироваться, с другой – Буш не будет отвечать за ее предоставление и результаты этого процесса, что было особенно актуально накануне новой битвы за Белый дом.

Через несколько дней после официальной ликвидации СССР Ельцин сделал последний шаг в направлении подготовки радикальных реформ. «Мудро выбрав» (по представлению гарвардской группы) в качестве основы правительства группу Гайдара–Чубайса–Шохина и пригласив самих Дж. Сакса и А. Аслунда стать советниками этого правительства с декабря 1991 г.⁵, Ельцин отработал госсекретарю Дж. Бейкеру, прибывшему в Москву, что все готово для «шокотерапии» – нужна только западная помощь. Бейкер ответил, что вопрос о пакете помощи будет решаться на международной конференции в январе в Вашингтоне⁶.

Однако иллюзии о готовности Запада искренне помогать реформам стали рассеиваться в России буквально через несколько дней после роспуска СССР и назначения нового российского правительства «младореформаторов». Тогда в Москву прибыла группа финансистов, представлявших западные правительства. Дж. Сакс с горечью и недоумением писал об этом визите:

«Вы наверняка подумали, что эти представители встречались с членами нового российского правительства для того, чтобы узнать, как Запад мог бы помочь в решении безумно сложной задачи стабилизации российской экономики. Отнюдь нет. Они потратили целую неделю, пытаясь заставить Россию и другие республики продолжать выплату процентов по старым советским долгам – практически невозможное требование, учитывая отсутствие финансовых резервов. Новое российское правительство согласилось на него, прекрасно сознавая, что будет вынуждено отказаться от своих обязательств буквально в течение нескольких дней»⁷.

Поскольку шоковые реформы были уже запущены с начала 1992 г., Дж. Сакс, был уверен, что без западной помощи они провалятся. Пытаясь в своих статьях доказать ее срочность, он делал особый упор на те «ужасы», которые переживала российская экономика, больная «экономическим раком». В таком положении вещей он обвинил отчасти и западные страны: последние сначала «подкармливали» Горбачева кредитами, а когда он «рухнул», переложили долги на республики без возможности получать кредиты на разумных условиях. Это привело к падению импорта, а затем резкому сокращению промышленного производства и обеспечения населения продовольствием. «Еще в середине ноября страны Большой семерки (G-7. – С.Ш.) спокойно смотрели, как последние резервы России опустошались бегущими со сцены частными кредиторами ... Они угрожали новой экономической команде Бориса Ельцина тем, что гуманитарная продовольственная помощь будет остановлена, если Россия предпримет односторонние действия для прекращения утечки своих последних ресурсов»⁸.

Сакс настаивал на том, что Россия заслужила широкую западную поддержку хотя бы потому, что ельцинское правительство «уже приступило к реализации своей части предполагаемой сделки по построению демократического общества и рыночной экономики». Запад должен начать реализацию своей части и не «проповедями, а посылая деньги». Да, денег понадобится много, но возрождение сталинизма или даже фашизма в России будет стоить Америке дороже.

«Шоковая терапия», по мнению Сакса, требует значительной западной помощи, необходимой, чтобы смягчить «шок». В течение первого года помощь Запада, считал советник российского правительства, должна составлять от 15 до 20 млрд долл. Из них 6 млрд долл. должно быть потрачено на срочную гуманитарную помощь (продовольствие и медикаменты), еще 6 млрд долл. в форме кредитов – на финансирование импорта и, наконец, 5 млрд долл. – на стабилизационный фонд, который позволит Москве сделать свою валюту конвертируемой. Приблизительно такую же сумму Сакс считал необходимым потратить в следующем году, а также в 1994 г., когда, по его прогнозу,

Россия закончит экономическую стабилизацию и перейдет к полномасштабной реструктуризации. Запад должен был также отсрочить выплату Москвой долгов (и процентов) СССР на сумму более 80 млрд долл.⁹ «Как демонстрирует пример послевоенного развития Германии и Японии, а также более недавний опыт Чили и Мексики, серьезная отдача приходит через пять лет устойчивых реформ», – подчеркивал гарвардский экономист¹⁰.

Видя нежелание администрации выделять деньги на поддержку реформ, Сакс от имени русской «экономической команды», демонстративно игнорируя G-7, напрямую обратился к МВФ за помощью. Русские, по его словам, «готовы принять все условия, какие традиционно предлагает МВФ... Эти условия помогут убедить скептиков, что финансовая помощь будет направлена на поддержку реальных реформ (как недавно во многих странах, включая Боливию, Мексику, Польшу и Венесуэлу). Другой вопрос, захочет ли МВФ воспользоваться такой возможностью или пойдет на поводу у западных правительств. Прошлый месяц фонд сидел сложа руки, глядя как страны G-7 вытягивают из русских долги, прекрасно зная, что их резервы заканчиваются»¹¹.

Однако МВФ отмолчался, а вашингтонская конференция в январе 1992 г., на которой планировалось найти средства помощи России, закончилась ничем. Сакс был обескуражен, но продолжал свою борьбу за помощь реформам. Он понимал, что ситуация очень подвижная и что даже внутри администрации соотношение сил может измениться в любой момент, особенно принимая во внимание, что в госдепартаменте существовала группа радикалов, считавшая, что «администрация и ее союзники в Европе и Японии будут вынуждены вносить миллиарды долларов в фонд экономической стабилизации уже в этом году, или они станут свидетелями краха экономических реформ Ельцина». Поэтому не исключено, полагали представители этой группы, что Бейкер, Геншер и другие главы МИДов могут начать обсуждение возможности предоставления долгосрочной массивной помощи России. «Нам не вернуться от этого», – утверждали они¹².

В результате закулисных переговоров и под давлением группы сторонников помощи (куда кроме гарвардских специалистов входил, например, Р. Никсон и кандидат в президенты от демократической партии Б. Клинтон) 2 апреля президент Дж. Буш и от имени ЕС канцлер Германии Г. Коль объявили об окончательном принятии решения о пакете помощи России в 24 млрд долл. Через несколько дней управляющий директор МВФ М. Камdessus подтвердил эту цифру и заявил, что, кроме 24 млрд долл. для России, лидерами G-7 одобрены еще 20 млрд долл. помощи для остальных республик бывшего СССР. В течение следующих 4 лет помощь всем республикам из всех источников должна была составить более 100 млрд долл., после чего, по его предсказанию,

в странах СНГ должен был начаться нормальный экономический рост порядка 4% в год¹³.

Имея серьезные теоретические расхождения с МВФ, Дж. Сакс тем не менее приветствовал и пакет G-7, и участие фонда в реализации реформ, поскольку «само появление МВФ на сцене могло бы стать еще одним добрым знаком, сигналом русским и иностранным инвесторам, что экономическая реформа получила возможность состояться»¹⁴. С другой стороны, его беспокоило то, что, несмотря на настойчивые требования российской стороны, фонд не имел никакой целостной программы, состоявшей бы из конкретных проектов, – разговоры шли только о суммах, которые можно получить из разных источников.

Оптимизм по поводу предоставления денег быстро иссяк. Ни летом, ни осенью помощь российским реформам, которые переживали острейшую фазу, не была предоставлена. Многочисленные опросы россиян показывали рост антиамериканских настроений, основанных на убеждении, что программа «шоковой терапии» правительства Гайдара была навязана России американцами. Значительное число опрошенных полагало, что Соединенные Штаты намеривались использовать экономические реформы в качестве инструмента разрушения Российского государства¹⁵.

Дж. Сакс прямо связал сложившуюся ситуацию в России и ужесточение кризиса с политической помощью Буша. «Шоковая терапия», по его мнению, вообще не могла осуществляться без значительной внешней помощи, тем более, если она затянулась и страна обременена большими внешними долгами. В России же эта болезненная экономическая процедура осуществлялась практически без помощи. Те небольшие кредиты, которые были предоставлены, являлись просто кучкой денег и не имели никакой программы, графика или привязки к реальным мероприятиям»¹⁶.

Американский советник российского правительства был уверен, что администрация Буша по сути заключила сделку с Ельциным – помощь должна была последовать за серьезными, «необратимыми» шагами в направлении строительства свободного рынка и демократии. Однако после того как русские зашли достаточно далеко и вытерпели колоссальные лишения, помощь не пришла. «Запад должен отвечать за свою часть сделки», – настаивал Сакс, а объявление пакета в 22 млрд долл. он назвал просто «политическим жульничеством»¹⁷.

В результате, указывал Сакс, «на фоне отсутствия значительной международной помощи российские реформаторы вынуждены были идти на неаппетитные и рискованные компромиссы, такие, например, какой имел место после апрельской сессии народных депутатов, когда поток инфляционных денег хлынул в военно-промышленный комплекс. Правительство также уступило требованиям оппозиции и сменило главу Центробанка... Результаты были близки к

катастрофическим: Центробанк взрывообразно увеличил денежную массу, направляя колоссальные кредиты устаревшим промышленным «динозаврам»¹⁸. Уровень жизни и экономики к концу 1992 г. упал катастрофически, и не было видно даже признаков снижения темпов этого падения.

Политические последствия наступили в конце года, когда в декабре правительство российских «младореформаторов» под давлением Верховного Совета было отправлено в отставку Б. Ельциным. Угроза еще большего ослабления власти президента (в результате назначенного на апрель 1993 г. референдума) нависла над Ельциным и его курсом. Назначение премьером-министром В. Черномырдина рассматривалось всеми, кто имел отношение к радикальным реформам, в первую очередь западными советниками, как поражение реформ, возврат к централизованному планированию и власти ВПК¹⁹.

Консерваторы становились все сильнее, социальная база реформ сжималась, надежды на американскую помощь также таяли, особенно, как опасались в России, с приходом в Белый дом ориентированного на решение внутренних американских проблем Б. Клинтона. Новоизбранный президент, однако, объявил, что Россия – это его «важнейший внешнеполитический приоритет» и что он, как только займет Белый дом, немедленно пошлет Москве «сигнал» в своей заинтересованности, правда, «это будут не миллиарды, а десятки, может, сотни миллионов» долларов помощи, но зато реальные.

Несмотря на свой критический настрой, Дж. Сакс очень надеялся на изменение российской политики Вашингтона. Он считал, что время для внесения корректив еще есть, что не все еще потеряно: российское общество по-прежнему выступает за рынок и демократию, а это основное условие для возобновления реформ. Чтобы исправить положение, утверждал советник, надо продемонстрировать поддержку Ельцину, разработать конкретную программу помощи реформам, жестко связав реформы и помощь, и продолжать движение в направлении радикального реформирования, которое включало бы макроэкономическую стабилизацию, либерализацию экономической активности и приватизацию государственной собственности и ресурсов. Однако, понимая, что фактор времени начинает работать против реформ, к этим трем главным «шокотерапевтическим» компонентам гарвардский специалист добавил четвертый, чуждый «Вашингтонскому консенсусу» элемент – формирование системы социальной поддержки наиболее уязвимых групп населения.

Учитывая, что фактор помощи, с точки зрения Сакса, являлся ключевым для успеха реформ, он предложил конкретную программу помощи, каждый элемент которой должен был быть нацелен на поддержку конкретного компонента реформ. Так, фонд социального страхования, по

его мнению, требовал от Запада грантов на сумму 8 млрд долл. Для программы реструктурирования экономики, направленной на конверсию военных предприятий, перестройку аграрного и энергетического секторов, также было необходимо 8 млрд долл. в долгосрочных кредитах международных институтов. Фонд кредитования мелкого бизнеса должен был стоить около 1 млрд долл. И наконец, на МВФ возлагалась задача предоставить 6 млрд долл. для программы стабилизации рубля и 4 млрд долл. кредитов для закупки импортных товаров. Таким образом, «пакет Сакса» равнялся 27 млрд долл., а доля США в этом пакете должна была ежегодно составлять 3 млрд долл. (1% оборонного бюджета, подчеркивал Сакс). Принятие такого плана, по мнению советника, могло бы исправить ситуацию и «зажечь воображение миллионов русских, пытающихся найти место России в стремительно меняющемся мировом порядке»²⁰.

Принимая во внимание, что новоизбранный президент еще до вступления в должность обозначил свое особое отношение к российским проблемам, Дж. Сакс адресовал свою программу именно Клинтону в надежде, что «январь 1993 г. может знаменовать начало периода решительного обновления России»²¹. Обнадеживало еще и то, что ближайшее окружение Клинтона также было настроено радикально. Так, С. Тэлбот с самого начала показал, что будет ориентироваться на идею «стратегического партнерства» с Россией вообще и бескомпромиссную поддержку Ельцина в частности. Л. Саммерс, отвечавший за экономическую сторону взаимоотношений с Москвой, как коллега Дж. Сакса по Гарварду, был сторонником «шоковой терапии» и нелиберального «вашингтонского консенсуса» и полностью разделял подходы МВФ²².

В результате единства позиций к маю 1993 г. Клинтон сумел сформировать международный пакет помощи России размером в 28 млрд долл. Однако в силу различных причин, по оценке Дж. Сакса, к концу 1993 г. только 4 млрд долл. из двух обещанных пакетов в 24 млрд долл. и 28 млрд долл. дошли до России. Отчаянное экономическое положение России только усугубилось, что привело к октябрьскому мятежу, разгону парламента Б. Ельциным и сокрушительному поражению на декабрьских выборах партии радикальных реформ Е. Гайдара.

Клинтон, понимая, в какое уязвимое положение он попал, попытался повлиять на восприятие публикой в Америке итогов выборов в России. С его точки зрения, антиреформистское голосование надо было рассматривать не как стратегический выбор российского народа, а просто как «протестное голосование», протест против краткосрочных экономических проблем, который «испарится», когда дела пойдут лучше²³.

Однако дальше всех в попытках отвести удар от Белого дома, как ни странно, зашел осторожный С. Тэлбот. После возвращения из Москвы

на одном из пресс-брифингов он заявил, что администрация начинает процесс «активного анализа» послевыборной ситуации в России с целью «совершенствования, концентрации и активизации наших усилий по поддержке реформ» и их коррекции в направлении «уменьшения шока и увеличения терапии»²⁴.

Этим самым он, по сути, обвинил в игнорировании социальных аспектов реформ и разжигании националистических настроений в России всех, кто осуществлял политику «шокотерапии»: не только МВФ, но и группу западных советников во главе с Дж. Саксом, а также российских «младореформаторов»-гайдаровцев, что косвенно, несомненно, ослабляло их позиции в России. Хотя Тэлбот немедленно, по его словам, понял, что переборщил «с упрощением» и постарался смягчить, «интерпретировать» свою позицию, этого уже практически никто не заметил – «меньше шока, больше терапии» пошло гулять по мировой прессе как окончательная оценка Белого дома всему предыдущему периоду российских реформ²⁵.

Насколько болезненным было это обвинение для всех «шокотерапевтов» видно из того, что, например, и министр финансов Б. Федоров, и Дж. Сакс использовали для описания выпада Тэлбота одно и то же сравнение. В то время, как Федоров просто заявил, что это был «удар ножом в спину»²⁶, Дж. Сакс выразился более сочно: «Если Черномырдин вонзил нож (обвиняя во всем реформаторов. – С.Ш.), то американская администрация провернула лезвие, когда Строб Тэлбот съязвил, что для России нужно меньше шока и больше терапии»²⁷.

При этом Дж. Сакс утверждал, что «шокотерапия» в России пока вообще не начиналась. Да, соглашался он, «реформаторы являются ее сторонниками, но у них никогда не было политической власти применить этот подход. Экономические страдания были вызваны не “шокотерапией”, но сочетанием трех других факторов. Первое, боль от краха коммунизма, которая возникла задолго до реформаторов. Второе, невероятная непоследовательность политики, поскольку реформаторы два года бились с консерваторами, но так и не смогли начать жесткую программу реформ. Третье, западная помощь так и не была предоставлена в количестве, способном смягчить болезненные преобразования»²⁸.

Особенно негодовал Дж. Сакс по поводу лицемерия и цинизма Запада в отношении помощи реформам. Пытаясь оправдать то, что вместо обещанных 28 млрд долл. в 1993 г. было фактически предоставлено только едва 4 млрд долл., Запад выдвигал какие угодно оправдания: что реформаторы были слишком радикальны, что ситуация настолько безнадежна, что никакая помощь уже не поможет, что любая помощь не может повлиять на развитие России в принципе, что реформы в России уже необратимы и можно не помогать и т.д. В результате из четырех компонентов «шокотера-

пии» – либерализации цен и системы планирования, приватизации госсобственности, валютной стабилизации и системы социальной поддержки – более или менее успешными оказались только первые два, которые не требовали западной помощи. В то же время два последних компонента, которые напрямую зависели от помощи, потерпели неудачу (гиперинфляция и страдания безработной части населения), что и вызвало ощущение краха всего курса «шокотерапии» и привело к печальным результатам выборов 12 декабря²⁹.

Через несколько дней после отставки Гайдара и Федорова оставили свои посты советников Дж. Сакс и А. Аслунд. Причина формулировалась просто: нельзя продолжать работу по борьбе с инфляцией с нынешним составом правительства – все они представляли «старую советскую гвардию», промышленное лобби, которое стремилось сохранить на плаву неконкурентоспособные предприятия за счет правительственных субсидий и дотаций. Это являлось прямой дорогой к гиперинфляции, которую «младореформаторы» сдерживали ценой колоссальных жертв.

Все последующие годы Дж. Сакс посвятил в основном тому, что пытался объяснить причины неудачи своего российского опыта. В огромной степени вина за то, что случилось, лежала на Западе и, в первую очередь, на США, – утверждал он. Основная ошибка – это созданная иллюзия, что за счет помощи можно было обеспечить развитие. С точки зрения бывшего советника, целью помощи могла быть только поддержка реформаторов в глазах народа (пусть через демонстрацию очень ограниченных успехов) и, таким образом, сохранение их у власти для того, чтобы они имели возможность осуществить свои реформы. Именно такой была главная цель «плана Маршалла» в Западной Германии – сохранить у власти К. Аденауэра и вместе с ним его реформы.

Однако в случае с Россией этот пример был забыт начисто. Помощь сначала не выделялась вообще, и это дискредитировало Ельцина в глазах россиян, а когда она, наконец, стала поступать, то мелкими порциями и без четкого стратегического плана. В результате – одно бессмысленное латание дыр. Вывод Дж. Сакс делал радикальный: финансовую помощь этому правительству давать нельзя, поскольку скорее всего, в лучшем случае, она будет растрочена впустую, а в худшем – разворована. В существовавшей ситуации был смысл только в предоставлении дешевой, но эффективной технической помощи³⁰.

Особенно пафосно речи Дж. Сакса зазвучали после того, как в 1995 г. в преддверии президентских выборов в России администрация Клинтона сумела заставить МВФ предоставить Ельцину заем в размере 10 млрд долл. С точки зрения американского экономиста, произошло поразительное событие, обнажавшее истинное, исключительно циничное отношение администрации к российским реформам. После случившегося весной

1994 г. краха мексиканского песо правительство США, чтобы спасти мексиканскую экономику, сумело мгновенно найти 40 млрд долл. Россия, чья стабильность значила для американской безопасности, по крайней мере, не меньше, чем стабильность Мексики, так и не смогла получить 6 млрд долл. для фонда стабилизации рубля тогда, когда был реальный шанс значительно продвигнуться по пути демократических реформ, т. е. в 1992–1993 гг. Для Мексики же деньги нашлись именно потому, что этого потребовал большой бизнес, а для России денег не нашлось, утверждал бывший советник Ельцина, поскольку на тот момент большого бизнеса в России не было.

Однако именно сейчас, когда американский бизнес в Россию пришел и у администрации появилось желание дать деньги через кредиты МВФ, настаивал Сакс, давать деньги нельзя – у власти находились уже не реформаторы, а «новое политбюро» в лице Совета национальной безопасности. Начался явный консервативный «откат» внутри страны, и эту реакцию финансировать было очень опасно – это могло дискредитировать программу помощи окончательно, потому что означало бы, что Америка готова платить за возрождение российского империализма. Надо ждать следующего шанса. Кстати, в результате роста напряженности, связанного с российской внешней политикой, Пентагон получил в несколько раз больше бюджетных средств, чем те, которые не получили реформаторы в свое время для продолжения реформ. В этом-то, указывал экономист, и проявилась суть циничной и провокационной политики администрации³¹.

Самое главное заключалось в том, считал Сакс, что предоставлять помощь надо только тому правительству, которое готово и хочет осуществлять реформы, которое восприимчиво к внешней торговле, технологиям, идеям, инвестициям, которое готово бороться за торжество закона и против коррупции. При этом не надо стесняться давать помощь на жестких условиях, даже политических. Примеры «плана Маршалла», развития Тайваня, Южной Кореи и Польши являли тому самое лучшее доказательство. Не упоминая конкретно Россию, Сакс тем не менее намекал, что страна эта получает американскую помощь давно и практически безо всяких условий, вследствие чего она не стремится проводить настоящие реформы. Естественно, что и новые порции помощи без жестких «привязок» или, тем более, в качестве платы за расширение НАТО (о чем Клинтон договорился с Ельциным в 1996г.), не принесут желаемого результата³².

Пытаясь снять с себя ответственность за провалы начальной фазы реформ, Сакс особенно активно перекладывал вину на МВФ. По его мнению, «МВФ является некомпетентным институтом, который вряд ли когда-нибудь понимал, что он делает в России», ибо «судьба России зависит не только от факторов, которые Запад

может контролировать, например, своевременная международная помощь, но и от факторов, которые он контролировать не в состоянии, например, российские бесконечные пространства и столетия древней истории авторитарного правления без частной собственности»³³ (здесь Сакс определенным образом сомкнулся с «умеренными» и их ссылкой на «культурный контекст»).

Начало экономического кризиса 1997–1998 гг., который буквально потряс не только азиатские страны, но и Россию, Сакс тоже связывал с деятельностью МВФ. Он даже называл фонд «тифозной Мэри»³⁴, распространявшей нищету и экономические болезни от одной страны к другой под лозунгами глобализации. «Нет никаких признаков того, что вмешательство МВФ помогает предотвратить экономический кризис в долгосрочном плане... Пример прошлого года показывает, что сегодняшняя политика МВФ помогает только распространять кризис»³⁵.

«Надо остановить его (МВФ. – С.Ш.), – утверждал Дж. Сакс. – И даже более того: настало время установить мораторий на радостные разговоры о преимуществах глобальной экономики»³⁶. Говоря это, Сакс фактически признавал, что в настоящих обстоятельствах один из базовых принципов *глобализации* – свободный и безопасный перелив капиталов между национальными экономиками, поддерживаемый и гарантируемый МВФ, – может привести к самым трагическим последствиям.

В России МВФ также сыграл значительную роль в усугублении кризиса 1998 г. Фонд согласился на огромный «антикризисный» пакет для России в 22 млрд долл., имея целью, как утверждал Дж. Сакс, «гарантировать, что предыдущие займы будут выплачены, а рубль не будет девальвирован до тех пор, пока спекулянты не вынут свои деньги без больших потерь»³⁷. Правда, одновременно предоставление этой возможности расплатиться с кредиторами использовалось руководством фонда для давления на российское правительство с целью продолжения реформирования финансового рынка в духе «вашингтонского консенсуса», и именно эта вторая роль, оказавшаяся очень близкой сердцу руководства МВФ, затормозила выполнение главной задачи. В результате МВФ сильно опоздал с «тушением», «чрезвычайный» кредит не смог замедлить или смягчить кризис в России, схема сработала плохо и инвесторы потеряли на этом десятки миллиардов долларов³⁸.

К концу 1990-х гг. позиция Дж. Сакса уже не была столь категоричной, как в первой половине 90-х гг., он уже не демонстрировал абсолютную уверенность в правильности выбора методологии «шоковой терапии» в отношении российских реформ, и это отчасти снимало ответственность с Клинтона, поскольку выбор делался еще при Дж. Буше. Сакс стал признавать, что географические факторы и история в огромной степени предопределили поражение реформ, что «шоковая терапия»

могла сработать только при очень благоприятном стечении обстоятельств, таких, как приличный прозападный лидер в России, помощь вовремя и в нужном объеме, благоприятная конъюнктура рынков и т.п. В конце 90-х гг. таких условий не было, и поэтому давать кредиты МВФ означало продолжать культивировать коррупцию. В конечном итоге Дж. Сакс грустно констатировал, что в отношении России были выбраны неверные методы работы: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия»³⁹.

Покинув пост советника в России, Сакса вернулся в Гарвард и возглавил там знаменитый Гарвардский институт международного развития, который, в том числе, контролировал и значительную часть российских реформ. Однако скандал в России, который возник в 1997 г. по вине его подчиненных, Андрея Шлейфера и Джонатана Хэя, и в который оказались вовлечены многие структуры американского правительства, привел к отставке Сакса и закрытию института. В 2004 г. он был вынужден покинуть Гарвард и перейти на работу в Колумбийский университет. Отчасти это произошло из-за неприязненных отношений с президентом Гарвардского университета Л. Саммерсом, отчасти из-за того, что в среде американской научной общественности окончательно сформировалось мнение о вине шокотерапевтов в провале российской стратегии США в 90-е гг. XX в. Дж. Сакс, как один из вдохновителей этого курса, превратился в «некомфортную» для престижнейшего университета фигуру⁴⁰.

Таким образом, после провала российского этапа его карьеры популярность Дж. Сакса, как влиятельного экономиста и сторонника радикальных неоклассических подходов, стала стремительно клониться к закату. В настоящий момент он занимает пост советника Генерального секретаря ООН по проблемам борьбы с бедностью, и учитывая, что мировой экономический кризис 2008–2009 гг. снова возродил интерес мировой политической элиты к кейнсианству, нет оснований ожидать, что шокотерапевтическая методика заинтересует кого-нибудь в ближайшем будущем.

Примечания

- 1 Подробно см.: Шенин С.Ю. Возвращение в Россию: стратеги и политика американской помощи (1990-е годы). СПб., 2008.
- 2 См.: Goldman M. Lost Opportunity: Why Economic Reforms in Russia Have Not Worked in Russia. W.W. Norton, 1994. P. 76.
- 3 См.: Ashund A. Building Capitalism: the Transformation of the former Soviet Block. Cambridge, 2002. P. 13.
- 4 Ibid. P. 71–82.
- 5 Ibid. P. 13.
- 6 См.: Curtius M. Bush Seeks Global Soviet Rescue Plan // The Boston Globe. 1991. Dec. 13. P. 2.
- 7 Sachs J. Home Alone 2 // New Republic. 1992. Iss. 26. Vol. 207, (Dec. 21). P. 23–26.
- 8 Sachs J. Goodwill is not Enough // The Economist. 1991. Iss. 7738. Vol. 321 (Dec. 21.). P. 101–103.
- 9 См.: Parks M. Russia Needs \$ 20 Billion in '92, U.S. Adviser Says // Los Angeles Times. 1992. Jan. 16. P. A9.
- 10 Sachs J. Goodwill is not Enough.
- 11 Ibid.
- 12 McManus D. News Analysis // Los Angeles Times. 1992. January 20. P. A4.
- 13 См.: Greenhouse S. \$44 Billion Needed to Aid Ex-Soviets in 1992, I.M.F. Says // The New York Times. 1992. April 16. P. A1.
- 14 Sachs J. Home Alone 2. P. 23–26.
- 15 См.: Mroz J. E. Russia and Eastern Europe: Will the West Let Them Fail? // Foreign Affairs. 1993/1994. Vol. 72. Iss. 1. P. 44–45.
- 16 См.: Sachs J. Home Alone 2.
- 17 Keatley R. Changes in Moscow's Political Climate Spread Gloom Among Western Advisors // Wall Street Journal. 1992. Dec. 18. P. A7.
- 18 Ibid. Искреннее возмущение Сакса можно было бы разделить, если бы он сам не выражал сомнения в возможности получения помощи еще во время координационной конференции в Вашингтоне в январе 1992 г. Когда же его тогда спросили, почему он в таком случае подталкивает Россию к «шоковой терапии», он ответил с раздражением: «Независимо от того, сможет ли Россия реализовать эту стратегию или нет, это – единственно правильная стратегия». – Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. Washington, D.C., 2001. P. 234.
- 19 См.: Russia's Days of Shock Therapy Are Over // Wall Street Journal. 1992. Dec. 16. P. A1; Kaplan F. From New Russian Premier, A Familiar Sound on Economy // The Boston Globe. 1992. Dec. 16. P. 17.
- 20 Sachs J. Home Alone 2. P. 26.
- 21 Ibid.
- 22 См.: Hough J.F. America's Russia Policy: The Triumph of Neglect // Current History. 1994. Oct. P. 308.
- 23 См.: Sciolino E. Clinton Reaffirms Policy on Yeltsin // The New York Times. 1993. Dec. 16. P. A11.
- 24 См.: Sciolino E. US is Abandoning 'Shock Therapy' for the Russians // The New York Times. 1993. Dec. 21. P. A1.
- 25 Talbott S. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. N.Y., 2002. P. 107.
- 26 Ibid; Erlanger S. 2 Western Economists Quit Russia Posts // The New York Times. 1994. Jan. 22. P. 1.4.
- 27 Sachs J. Betrayal // New Republic. 1994. Vol. 210. Iss. 5 (Jan. 31). P. 17.
- 28 Цит. по: Taber G.M. They are Going to Pursue Dangerous Policies // Time. 1994. Vol. 143. Iss. 5 (Jan. 31). P. 90.
- 29 См.: Sachs J. Betrayal. P. 15.
- 30 Ibid. P. 14–17.
- 31 См.: Sachs J. Crash of Nations // New Republic. 1995. Vol. 212. Iss. 6 (Feb. 6). P. 11–12.
- 32 См.: Sachs J.D. When Foreign Aid Makes a Difference // The New York Times. 1997. Febr. 3. P. A17.

- ³³ См.: *Sachs J.D.* When Foreign Aid Makes a Difference // *The New York Times*. 1997. Febr. 3. P. A17.
- ³⁴ Реальный медицинский случай, имевший место в США начале XX в., когда некая Мэри Меллон, работавшая поваром в нескольких состоятельных семьях, оказалась разносчиком тифа без явных признаков болезни у себя.
- ³⁵ Цит. по: *Sanders B.* IMF 'Salvation' in Russia? // *Christian Science Monitor*. 1998. Vol. 90. Iss. 147 (June 25). P. 11.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ См.: *Bandow D.* IMF Failure Redux // *The Washington Times*. 1999. January 21. P. A17; *Barro R.J.* The IMF Doesn't Put Out, It Starts Them // *Business Week*. 1998. Iss. 3607 (Dec. 7). P. 18; *Sachs J.* Making It Work // *The Economist*. 1998. Vol. 348 (Sept. 12).
- ³⁹ *Sachs J.D.* What Went Wrong in Russia // *New Perspectives Quarterly*. 1999. Vol. 16. Iss. 1 (Winter). P. 31–32.
- ⁴⁰ См.: *Шенин С.Ю.* «Российский проект» Гарварда: от триумфа к позору // *Изв. Саратов. ун-та*. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 32.

ХРОНИКА

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЧТО ТАКОЕ ФЕОДАЛИЗМ?»

22 октября 2009 г. в Институте истории и международных отношений СГУ состоялся круглый стол, посвященный обсуждению вопроса о содержании понятия «феодализм». Мысль о необходимости рассмотрения этого вопроса была подсказана опытом предыдущих встреч работников кафедры истории средних веков СГУ и профессора университета Дуйсбург-Эссен (Германия) В. Гартунга. Центральное место в ходе мероприятия занял обстоятельный доклад профессора В. Гартунга, в котором получил всестороннее освещение взгляд на феодализм, который бытует в современной германской медиевистике. Работники кафедры истории средних веков СГУ, аспиранты и студенты имели возможность задать докладчику вопросы и выслушать подробные ответы. Главным итогом стало формирование одной из важных предпосылок для продолжения творческого диалога российских и германских медиевистов, одну из серьезных трудностей развития которого составили разночтения в определении сущности ряда фундаментальных понятий и терминов. Зав. кафедрой истории средних веков СГУ, профессор А.Н. Галямичев представил стендовый доклад «О природе и географических границах феодализма», текст которого прилагается: «Моё выступление не будет претендовать на обобщающий характер. В нём я попытаюсь изложить некоторые соображения о природе феодализма, которые сложились на основе опыта преподавательской и исследовательской работы.

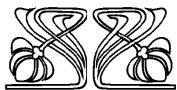
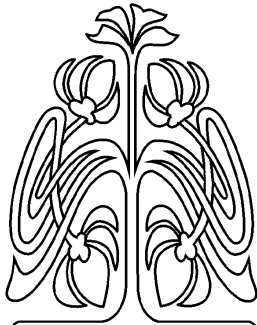
Прежде всего попытаемся дать ответ на вопрос: что же такое “феодализм”? На мой взгляд, можно дать такое определение – это своеобразный общественный строй, сложившийся в странах Западной Европы в эпоху раннего Средневековья. Думается, что именно феодализм был фундаментом своеобразия развития западноевропейского общества в Средние века, более того, именно в утверждении феодализма следует искать самые глубокие корни современного мирового лидерства стран Западной Европы в экономическом и культурном развитии.

Безусловно, феодализм сложился на натурально-хозяйственной основе. В условиях господства натурального хозяйства, отсутствия рынков, регулярной торговли и денежного обращения единственно возможным способом реализации общественного разделения труда было расслоение общества на огромное трудящееся земледельческое большинство, создававшее прибавочный продукт, и освобождённое от физического труда количественно незначительное меньшинство “молящихся” и “воюющих”.

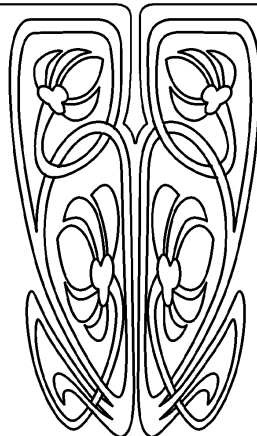
Однако такое положение вещей не является специфической чертой развития Западной Европы эпохи Средневековья. Оно свойственно всем традиционным обществам древности и средних веков.

Особенностью же западноевропейского средневековья является исключительная гибкость, рациональность и, я бы сказал, относительная справедливость модели организации натурально-хозяйственного общества, известной под названием “феодализм”. Главная отличительная черта западноевропейского феодализма – всеобщий характер личных связей, пронизывающих феодальное общество сверху донизу. С изданием Мерсенского капитулярия 847 года, предписывавшего каждому человеку найти себе сеньора, процесс формирования всеобщей системы личных связей достиг своего завершения.

Это была всеохватывающая система, где каждый человек занимал своё место и при этом знал, куда и – главное – к кому ему обратиться за правосудием.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Количество непроизводительного населения в феодальной Западной Европе было сведено к минимуму, поскольку класс землевладельцев в целом, а каждый его производитель в пределах своих владений, сосредоточивал в своих руках всю полноту государственной власти.

Такая модель организации общества могла, на мой взгляд, быть только потому, что на пороге эпохи Средневековья в Западной Европе сложилась уникальная во всемирной истории ситуация, когда основную массу населения составляли свободные земледельцы, являвшиеся собственниками обрабатываемой земли, а свобода и собственность слились в правовых представлениях общества в единое, неразрывное целое.

В ходе дальнейшего развития, под влиянием тех или иных обстоятельств, эти изначально свободные люди вступали в личные соглашения с другими, равными себе, как правило, добровольно и расчётливо перераспределяя между собой комплекс имущественных и личностных прав. Последнее в равной мере было присуще и отношениям между крупными землевладельцами и крестьянами, и отношениям внутри постепенно формировавшегося слоя крупных землевладельцев.

Для всех представителей последнего, в отличие о крестьян, было характерно сохранение личной свободы, хотя и реализуемой в жёстких рамках вассально-ленных отношений.

Феодализм на Западе складывался «снизу», под воздействием экономической необходимости, и итогом этого развития стало складывание гибкой системы, насквозь пронизанной личными интересами всех её участников. Такого феодализма, насколько мне известно, не было ни в одном другом регионе мира. И самой глубокой причиной отсутствия такого феодализма было, на мой взгляд, отсутствие «аллода» как представления о неограниченной частной собственности на землю – важнейшей составной части римского наследия.

В качестве примера другого варианта средневекового развития уместно сослаться на материал истории стран Центральноевропейского региона (Чехии, Польши, Венгрии), наиболее близких к странам Западной Европы географически и к тому же принадлежавших к одной и той же культурно-исторической общности западно-католического мира.

В этих странах в XIII в. сложилась модель общественного строя, очень близкая, почти тождественная западноевропейскому феодализму. Она формировалась под прямым воздействием западноевропейских правовых обычаев и традиций, которые были принесены сюда в ходе широко развернувшейся в XIII в. немецкой колонизации.

До XIII в. развитие стран Центральной Европы, не испытывавших сколько-нибудь значительного влияния римского наследия, происходило самобытным путём. В XI – первой половине XII в. основой развития центральноевропейских государств была так называемая система градской

организации, для которой было характерно отчётливое разделение общества на трудящуюся и военно-служилую части. Однако представители военно-служилой знати в странах Центральной Европы, не имея собственной земельной собственности, концентрировались в крепостях-градах, являвшихся центрами государственного управления прилегающих к ним областей. Уровень материального достатка и степень социального престижа каждого из них определялись исключительно тем местом, которое они занимали в системе государственного управления.

В середине XII в., под очевидным влиянием знакомства с традициями и обычаями западноевропейского феодального общества (контакты военно-служилой знати резко оживились в эпоху Крестовых походов) в странах Центральной Европы развернулся процесс стремительного разложения системы градской организации, главной движущей силой которого была её плоть и кровь – военно-служилая знать.

Этот процесс происходил в форме «дикой приватизации» земель градских округов представителями военно-служилой знати. Осознав огромные преимущества обладания собственными землями сравнительно с правом на получение доли государственных налогов, размеры которой были обусловлены капризами судьбы и благоклонностью правителя, служилые люди-воины оставили коллективные формы дружинного быта, разделили земли градских округов, обосновались в пределах собственных земельных владений, стали воздвигать замки по образу западноевропейских рыцарей.

Развернувшийся «сверху», этот процесс почти не коснулся положения крестьянства и происходил без оформления в нормах писаного права. Пришедшее же в страны Центральной Европы вместе с волнами колонизации «немецкое право» фиксировало статус трудящегося – крестьянского и городского населения. Отношения внутри класса землевладельческой военно-служилой знати долгое время продолжали регулироваться обычаями и лишь в XIV в. стали записываться в связи с попытками кодификации права (Majestas Carolina Карла IV в Чехии, Вислицкий и Петровский статуты Казимира Великого в Польше, «Единый декрет» короля Людовика Анжуйского в Венгрии), записями обычного права («Ряд земского права», «Изложение чешского земского права» пана Андрея из Дубы в Чехии).

Этим в значительной мере объясняется беспрецедентная для стран Западной Европы острота внутриклассовых противоречий в среде землевладельческой знати в странах Центральной Европы, поскольку здесь не сложилась в полной мере система вассально-ленных отношений и имущественные и личные права мелкой шляхты (термин, распространённый во всех странах Центральной Европы) были недостаточно надёжно защищены от посягательства магнатов. Наиболее ярко это проявилось в пред-

гуситской и гуситской Чехии, где представители среднего и мелкого дворянства тесно сплотились с бюргерством в борьбе за реформу церкви, а также за преобразования в обществе и государстве.

Таким образом, даже применительно к странам Центральной Европы можно говорить о

неполном соответствии модели местного “феодализма” западному эталону. Ещё больше черт своеобразия присутствует в общественном строе других государств эпохи Средневековья, где, несомненно, также присутствуют элементы сходства с западноевропейским феодализмом».

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОРОД И РЕФОРМАЦИЯ»

4–6 марта 2010 г. в Институт истории и международных отношений СГУ прошла научная конференция с международным участием «Европейский город и Реформация», посвященная 100-летию со дня рождения Всеволода Александровича Ермолаева. В работе конференции приняли участие сотрудники кафедр ИИМО СГУ, саратовских вузов (СГСЭУ, СГТУ), а также гости из Германии, Украины и целого ряда российских научно-исследовательских и научно-образовательных центров – Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Кирова, Липецка, Иванова, Нижневартовска.

Интересные и познавательные доклады и выступления были посвящены незаурядной личности В.А. Ермолаева, его научному творчеству. Основные труды В.А. Ермолаева и некоторые ценные экземпляры книг и рукописей из его библио-

теки были представлены на выставке, подготовку и презентацию которой осуществил аспирант кафедры истории средних веков А.А. Бочкарев.

С большим интересом участники конференции заслушали доклады профессора Вольфганга Хартунга из Университета Дуйсбург-Эссена, посвященные теоретическим аспектам истории европейского города эпохи Средневековья и Реформации, а также проблемам бедности, ее дефинициям и адаптационным механизмам.

В ходе докладов, вопросов и дискуссий собравшиеся на конференцию коллеги обсудили важнейшие проблемы и аспекты истории европейского города и реформационного движения, обменялись мнениями и высказали перспективные в научном плане предположения и предложения.

Материалы конференции будут опубликованы в межвузовском сборнике научных трудов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамова Людмила Геннадьевна – соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: adamovalg@mail.ru

Белов Кирилл Вадимович – соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: nordkvb111@mail.com

Бородавкина Наталья Владимировна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: tash_19@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Гальямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Калинина Олеся Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kalininaos@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Кузнецова Анна Александровна – аспирант кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: funtikanna@mail.ru

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Леус Владимир Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Vladimir.Leus@mail.ru

Луконин Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: RabinovicyYN@yandex.ru

Сидорова Наталья Игоревна – аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: sidorovani85@mail.ru

Степанов Юрий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, e-mail: Stepanovug@list.ru

Степанова Анжела Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета, e-mail: angelaalmas@mail.ru

Феллер Виктор Валентинович – соискатель факультета философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: feller-vv@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: larisachernova@mail.ru

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: sheninsy@sgu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Adamova Lyudmila Gennadyevna – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: adamovalg@mail.ru

Belov Kiril Vadimovich – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: nordkvb111@mail.com

Borodavkina Nataliya Vladimirovna – postgraduate student of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: tash_19@mail.ru

Chernova Larisa Nikolaevna – History Doctor, assistant professor of Medieval History chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: larisachernova@mail.ru

Feller Victor Valentinovich – postgraduate student of the faculty of philosophy of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: feller-vv@mail.ru

Galyamichев Alexandr Nikolaevich – History Doctor, professor, Department head of Medieval History in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Kalinina Olesya Sergeevna – postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: kalininaos@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: kochukovsa@mail.ru.

Kuznetzova Anna Aleksandrovna – postgraduate student of the chair of Tourism and cultural heritage of the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: funtikanna@mail.ru

Lannik Leontiy Vladimirovich – History PhD, Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Leus Vladimir Aleksandrovich – postgraduate student of Ancient History chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: Vladimir.Leus@mail.ru

Lukonin Dmitriy Evgenyevich – History PhD, senior lecturer of the chair of Tourism and cultural heritage of the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich – assistant of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: RabinovicyYN@yandex.ru

Shenin Sergey Yuryevich – History Doctor, professor of the chair of international relations and foreign policy of Russia in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: sheninsy@sgu.ru

Sidorova Nataliya Igorevna – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: sidorovani85@mail.ru

Stepanov Yuriy Gennadyevich – History PhD, assistant professor of the chair of history, cultural and political sciences of Saratov state agrarian University named after N.I. Vavilov, e-mail: Stepanovug@list.ru

Stepanova Angela Vladimirovna – History PhD, assistant professor of Russian history and culture of Saratov state technical University, e-mail: angelaalmas@mail.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich – History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov state University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: ybarthor@mail.ru

Подписка на I полугодие 2011 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

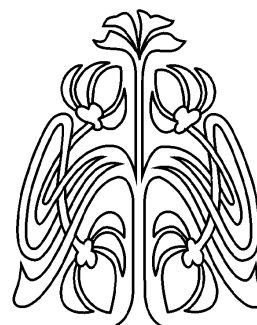
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

